

Г. И. МИРСКИЙ

**АРАБСКИЕ
НАРОДЫ
ПРОДОЛЖАЮТ
БОРЬБУ**

Г. И. МИРСКИЙ

АРАБСКИЕ НАРОДЫ ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»

Москва 1965

В современную эпоху ожесточенная борьба между старым и новым превратила страны Арабского Востока в один из самых бурных и беспокойных районов мира. В книге рассказывается о положении в арабских странах.

Существует ли единая арабская нация и что означает арабский национализм; какие реформы проводятся в странах Арабского Востока; из-за чего льется кровь в Курдистане, в Йемене, в горах и пустынях юга Аравии; в чем причины напряженности в отношениях между арабскими странами и Израилем и какова роль в этом империалистической агентуры; как народ Алжира взял курс на социализм — эти и другие вопросы освещаются в данной книге.

1. ОТ БАСРЫ ДО КАСАБЛАНКИ: ЕДИНСТВО И РАЗОБЩЕННОСТЬ АРАБСКОГО МИРА

Распад колониальной системы — одна из характерных черт нашей эпохи. После победы Великой Октябрьской социалистической революции, после того, как мировой социализм стал одерживать решающие успехи в борьбе против темного царства капитализма, открылись небывало благоприятные перспективы освобождения и национального возрождения народов колониальных и зависимых стран. Империализм, ослабленный ударами с фронта, не смог противостоять натиску освободительных движений в своих колониальных тылах. Весь ход событий за последние десятилетия показал, что без утверждения социализма, хотя бы в части мира, не могло быть и речи об уничтожении колониализма.

Народы, веками прозябавшие во мраке гнета и бесправия, потянулись к солнцу свободы, пробудились к самостоятельному политическому творчеству. Вышли на самостоятельный путь и арабские страны. 80 млн. человек, избавляясь от колониальной зависимости, приступают к строительству новой жизни. Пробуждение арабского мира, этого «нового гиганта», как его называют сами арабы, — одно из знаменательных явлений нашего времени. Творческий гений арабских народов, внесших большой вклад в сокровищницу мировой цивилизации, сможет полностью проявиться в условиях вновь обретенной независимости.

Что представляет собой арабский мир? Является ли он единым целым? Можно ли считать арабов, живущих на огромном пространстве от Басры до Касабланки, единым народом или группой народов? Сложилась ли они

уже в единую нацию или нет? Какая тенденция преобладает сейчас в арабском мире — центробежная или центростремительная? С рассмотрения этих вопросов следует начать, потому что движение за арабское единство стало за последние годы одним из главных факторов политического развития всего огромного района Арабского Востока и коснулось также Арабского Запада (Магриба).

* * *

Более 50 лет назад, в 1913 году, в Париже состоялся I Арабский конгресс, на котором присутствовали арабские националисты, не имевшие возможности собраться на арабской земле: большая часть арабских стран находилась под турецким господством, остальные были уже во власти западных империалистических держав. На этом конгрессе делегат от Бейрута Ахмед Табара дал определение, которое можно считать типичным для идеологов арабского национализма вплоть до наших дней. Он сказал: «Под словом «арабы» мы подразумеваем все народы, говорящие на арабском языке, без различия между мусульманами и немусульманами». Последнее добавление весьма существенно: идеологи арабского национализма, как правило, исключают религию из числа факторов, создающих нацию, иначе им пришлось бы «вычеркнуть» из арабской нации христиан, сыгравших большую роль в борьбе за арабское единство.

Арабский национализм стал одним из важных политических движений. Его сущность нельзя определить какой-то одной исчерпывающей формулой, хотя бы потому, что это движение неоднородно, оно объединяет самые различные по своей классовой природе элементы. Кроме того, само понятие арабского национализма меняется по мере социального и политического развития арабских стран. Еще недавно можно было считать арабский национализм просто разновидностью буржуазного национализма, свойственного растущей, поднимающейся нации в процессе ее освобождения от иностранного господства. Специфическим было лишь то, что речь шла о национализме ряда народов, живших в различных странах и не

составлявших одну нацию, а только стремившихся ее составить. Поэтому с самого начала характерной чертой арабского национализма было движение за объединение арабских стран. Впоследствии, однако, арабский национализм перестал быть чем-то единым, раскололся в соответствии с противоречиями между различными социальными слоями, представлявшими его.

И в наше время термин «арабский национализм» употребляют как реакционные, так и прогрессивные силы, вкладывая в него различное содержание. В самой общей форме можно сказать, что в арабском национализме сочетается стремление к национальной независимости и единству арабских стран.

Передовые элементы арабского общества вкладывают в эту формулу также понятие социального прогресса.

Довольно широко распространено мнение, что арабский национализм чуть ли не равнозначен мусульманскому фанатизму или панисламизму. Это совершенно неверно. Язык, а не религия — вот главный критерий принадлежности к арабской нации для всех арабских теоретиков, занимающихся этой проблемой.

1300 лет назад «чистокровными» арабами были только бедуины Аравийского полуострова, начавшие под знаменем новой веры — ислама — великий поход, который завершился образованием халифата. Это была империя не столько арабская, сколько мусульманская, и приписываемые Мухаммеду слова «поистине вы люди одной нации, и я вам господин» относились не к арабам как таковым, а к «правоверным», то есть мусульманам. Но орудием распространения ислама был наряду с вооруженной силой также и арабский язык, и арабизация народов, входивших в халифат, была следствием и составной частью процесса их исламизации. Эти два процесса не везде слились в единый поток: например, жители Ирана и мусульманской Индии так и не поддались арабизации. Иначе получилось в Египте, Сирии, Палестине, Ираке, странах Магриба. Коренные жители этих стран не были арабами, хотя часть их тоже относилась к семитской языковой группе. Но языки, на которых они говорили — коптский, сирийский, арамейский, берберский и т. п., постепенно уступали место арабскому. Впоследствии халифат распался, а затем входившие в его состав арабские территории надолго подпали под власть Ос-

манской империи. Однако исторический процесс уже совершился: от границ Ирана до пустынь Западной Африки народы, не являвшиеся в большинстве своем арабами по своему этническому происхождению, арабизировались на базе арабского языка, ислама и общей арабско-мусульманской культуры. Сейчас 93% жителей арабского мира говорят по-арабски.

Классический арабский язык благодаря Корану остался в основном таким же, каким он был. Различные диалекты языка так и не заменили классический и не стали самостоятельными языками (как это произошло, например, с омертвевшим латинским языком, на смену которому пришли итальянский, французский, испанский). Арабский литературный язык является общим для всех народов от Басры до Касабланки, и все образованные люди арабского мира без труда понимают друг друга. Для людей, не получивших образования, общение затруднительно, так как региональные диалекты арабского языка существенно отличаются один от другого.

Еще с древних времен именно общность языка считалась самими арабами основным признаком их братства, а арабом мог называться только «натык би-д-дад», то есть тот, кто мог произнести звук «дад» (одну из наиболее труднопроизносимых согласных арабского языка). Арабы всегда уделяли особое внимание своему богатому языку и гордились им.

Все идеологи арабского национализма ставят арабский язык на первое место среди признаков арабской нации. Фарис и Хусейн выражали общепринятую точку зрения, когда они писали: «Арабский язык был для арабов самым важным и эффективным объединительным фактором». Язык при этом понимался в самом широком смысле слова: имелась в виду также литература и вообще все средства культурного общения. «Гарантируйте мне общность культуры, и я вам гарантирую все остальное, что нужно для единства», — заявил Хусари. «Араб — это не тот, у кого в жилах течет чистая арабская кровь, но тот, кто араб по языку, литературе и культуре» (Юсеф Хайкал). «Каждый, кто принадлежит к арабским странам и говорит на арабском языке, тот араб» (Хусари). «Арабы — это все те, кто населяет арабский мир, говорит на арабском языке, гордится арабской историей, культивирует общеарабские чувства и обладает характерными

чертами арабского умственного склада, независимо от религиозной принадлежности и расового происхождения» (Фарис и Хусейн).

В современных условиях роль языка намного возросла главным образом благодаря радио. Дикторы всех арабских радиостанций говорят на литературном языке, что в огромной степени способствует его усвоению массами необразованных, но жаждущих услышать новости людей. Радио не знает государственных границ, и голос Каира слушают на берегах Персидского залива и в самых глухих местах Судана или Ливии. Все арабские радиостанции отводят большое место чтению стихов Корана, передаче песен на классическом языке и на диалектах и т. д. Это относится, хотя и в меньшей степени, к газетам и журналам, которые также издаются на литературном языке и читаются повсюду; благодаря авиапочте каирскую или бейрутскую газету могут в тот же вечер читать в Дамаске и в Багдаде. Лучшие певцы (например, Абд аль-Ваххаб) пользуются известностью во всех арабских странах без исключения. Огромную роль играет также кино (почти исключительно египетское), которое, подобно радио и прессе, сближает арабов в разных странах, развивает у них чувство национальной общности.

Другими объединяющими факторами арабские идеологи считают историю, религию, умственный склад и темперамент, общие экономические, социальные и духовные основы (Фарис и Хусейн); историю, традиции, общность интересов (Нусейба, Хусари, Хайкал, Зийяда); общность интересов, географическое окружение, расу, историю (Алайили). Фактор расы и этнического единства отвергается почти всеми теоретиками в качестве признака арабской нации (не в последнюю очередь, для того чтобы не оттолкнуть египтян с их «неарабской» кровью).

Несколько сложнее обстоит дело с вопросом о религии. Уже отмечалось, что ислам сыграл решающую роль при образовании халифата, который являлся не столько арабской, сколько арабско-мусульманской империей. При этом ислам, будучи идеологическим знаменем арабских завоеваний, воспринял традиции доисламского периода жизни арабского общества. Арабское рыцарство времен создания халифата (так называемое «футувва»), огнем и мечом распространявшее новую веру в странах Азии и

Африки, исповедовало древний кодекс чести арабов-язычников, известный под названием «мурувва» (мужество, лояльность, великодушие, отвага в битве, терпение в несчастье, непримиримость в отместии, защита слабых, вызов сильным). В те времена арабизм был неотделим от ислама. Известный арабский историк Джурджи Зейдан писал: «Тот патриотизм, который основывался на исламе, был равносителен узам арабского единения, и оба эти термина являлись в то время синонимами...».

Исламизация и арабизация шли рука об руку. Создавалось единое арабско-исламское государство, теократическое по своему характеру, с обожествляемой централизованной властью. Арабы-мусульмане не осознавали свою принадлежность к двум различным сообществам — арабскому по национальности и мусульманскому по религии, а рассматривали себя, как и во «времена пророка», членами единого «арабско-исламского сообщества».

Однако в XIX веке, к которому относится пробуждение арабского национализма, уже было ясно, что ислам не в состоянии дать ответ на сложные вопросы, поставленные жизнью перед модернизовавшимися арабским обществом. На рубеже XIX—XX веков попытки мусульманских реформистов-панисламистов (Джамаль эд-Дин аль-Афгани, Мухаммед Абдо, Адиб Исхак, Кавакиби и др.) приспособить ислам к новым условиям, сочетать его с пробудившимся национализмом и придать последнему религиозный дух не увенчались успехом. Немалую роль в неудаче этой попытки сыграл тот факт, что ислам признает всех мусульман единой нацией, и это исключало из арабского сообщества арабов-христиан, активно борющихся за возрождение арабской культуры, за просвещение.

Некоторые религиозные круги, чувствуя угрозу для себя, выступили против идеи арабского единства. Ректор Каирского мусульманского университета Аль-Азхар шейх Мустафа аль-Мараги заявлял: «Вопрос о единении арабов не имеет ничего общего с исламом... Ислам — против концепции расы. Улемы и вообще мусульмане должны бороться за мусульманское единство, а не заниматься арабским единством». Подобные призывы не возымели успеха. Светская концепция прогресса постепенно заменила исламские догмы в умах большинства арабов. Видный египетский политический деятель Мокрам Обейд

высказался по этому вопросу следующим образом: «Я христианин, но ислам — религия моей страны. Я христианин по религии, но мусульманин по национальности». Роль ислама в жизни современного арабского общества неправильно было бы игнорировать, но события последних лет в арабском мире ясно показали, что перевести политическую борьбу в русло «возрождения ислама» и увлечь массы на длительное время лозунгом теократического государства уже невозможно.

Влияние ислама постепенно ослабевало, развивался «гражданский» национализм с его центральной идеей создания национального государства. Идеи нации, национального самосознания, гражданства, национального государства появились в результате развития капиталистических отношений и под влиянием Запада.

Проникновение западного капитала в арабские страны перевернуло всю их экономическую жизнь, разрушив ее традиционную структуру, подорвав ремесленное производство.

Знакомство с буржуазным Западом привело к проникновению на Арабский Восток новых идей. Интеллигенция, получившая уже не традиционное, а западное образование, знакомилась с языками, историей и культурой народов Запада, с идеями буржуазной демократии, свободы и национальной независимости, с идеалами французской революции и социализма XIX века. Понятие национального государства, утвердившееся в Европе, стало распространяться и на Арабском Востоке. Это породило углубленный интерес к арабской нации, ее истории, ее особенностям, вызвало к жизни культ «славной эпохи арабского расцвета». Так наряду с экономическими предпосылками, побуждавшими буржуазию вступить в борьбу с иностранным капиталом, возникло движение умов, направленное на осуществление идеала национальной независимости, утраченной еще в далекие времена турецкого завоевания. Зародился арабский национализм.

Первыми носителями этой идеологии были буржуазно-либеральные просветители из числа главным образом сирийских христиан. Арабские историки считают важной вехой в истории арабского национального движения 1847 год, когда в Бейруте было создано Общество поощрения искусств и наук. В образовании этого общества,

состоявшего исключительно из христиан, видную роль сыграли два крупнейших деятеля арабского просвещения — Насиф Язиджи и Бутрус Бустани.

В 1857 году было основано Сирийское научное общество с участием как христиан, так и мусульман. Сирийцы и ливанцы были основоположниками современной арабской прессы, в частности каирской газеты «Аль-Ахрам», ставшей впоследствии ведущей газетой всего арабского мира (ее и сейчас называют «арабским „Таймсом“»), журналов «Аль-Мукаттам» и «Аль-Хиляль» (оба эти журнала широко известны и в наши дни).

Наряду с сирийскими и ливанскими христианами активно действовали в арабских странах мусульманские реформисты Джамаль эд-Дин аль-Афгани, Мухаммед Абдо, Кавакиби и др. Если первая группа центром тяжести своей работы считала распространение литературного языка, приобщение масс к культуре, ознакомление их со славным прошлым арабов, то вторая группа пыталась возродить арабское общество, вдохнуть в него новый дух, покончить с отсталостью и застоєм на базе реформированного ислама. Кавакиби ближе других подошел к арабскому национализму: он отличал арабов от других мусульман и предлагал сделать Мекку столицей халифата. В целом обе группы ограничивались деятельностью по распространению просвещения в арабском обществе, видя в этом главный рычаг, при помощи которого можно было бы вырвать арабский мир из тьмы упадка и вывести его на путь прогресса. Главным злом они признавали невежество. Политические требования не выдвигались, и реформы мыслились в рамках Османской империи... Однако, способствуя формированию интеллигенции и культивируя дух национального самосознания, просветители XIX века готовили почву для распространения арабского буржуазного национализма позднейшего периода, для развития арабского национально-освободительного движения.

Деятельность просветителей была легальной, но уже в 1875 году в Бейруте возникло первое тайное арабское общество, политическое по своему характеру. Его основателем был Селим Амун. Однако широкое распространение арабские тайные националистические общества получили в начале XX века. В 1904 году христианин Наджиб Азури основал в Париже Лигу арабского отечества

и опубликовал книгу «Пробуждение арабской нации», а в 1907 году стал издавать журнал «Арабская независимость». В манифесте лиги, выпущенном в Париже в 1905 году, наряду с утверждением: «Наша страна, самая богатая и самая прекрасная в мире, стала пустынной и бесплодной», содержался призыв к созданию арабской империи от долины Тигра и Евфрата до Суэцкого перешейка и от Средиземного моря до Оманского во главе с арабским султаном.

Первая русская революция вдохновила борцов за свободу, способствовала усилению их патриотической деятельности. Определенную роль в активизации арабских националистов сыграла младотурецкая революция 1908 года: арабы увидели, как зашаталась некогда могущественная империя, угнетавшая их родину. Стали возникать общества и на арабской земле: «Молодое арабское общество», «Общество Кахтанийя» (1909 г.), «Арабский клуб» (1909 г.), «Партия децентрализации» (1912 г.), «Общество арабско-османского братства», «Общество договора» (известный впоследствии «Аль-Ахд»). В основном эти общества стремились к осуществлению самоуправления арабских народов, выступали с требованием автономии.

На I Арабском конгрессе в 1913 году было принято воззвание «К арабской нации». В воззвании говорилось: «Арабская нация образует живую социальную общность, нераздельную и имеющую свое место среди наций».

Во время первой мировой войны произошел окончательный разрыв между арабскими националистами и Турцией. В антитурецкой войне, начавшейся с так называемого «восстания в пустыне», участвовали сирийские и иракские националисты, деятели общества «Аль-Ахд». Арабы-мусульмане выступили с оружием в руках против крупнейшей мусульманской державы мира, против халифа (каковым считался турецкий султан), на стороне «неверных» — англичан, и это восстание, нанеся сильнейший удар по панисламизму, продемонстрировало торжество идеи национальной независимости. После окончания войны и распада Османской империи часть националистов (Нури Саид, Ясин Хашими, Джафар Аскари) пошла на службу к англичанам в созданном последними иракском королевстве. Другая часть продолжала борьбу за независимость: борьба была направлена главным

образом против французского империализма в Сирии.

7 марта 1920 г. сирийский Генеральный конгресс принял резолюцию, в которой говорилось: «У арабской нации — древняя слава и великолепная цивилизация... Будучи нацией, независимо существующей и обладающей национальным чувством («кауимийя»), она имеет такое же право самостоятельно вершить свои дела, как и другие народы, которым она не уступает в отношении цивилизации и прогресса». Это — первый в истории государственный документ, в котором идет речь об арабской нации.

В период между двумя мировыми войнами арабские националисты оказались в своеобразном положении. С одной стороны, они уже были гражданами формально независимых или полузависимых государств, которым в дальнейшем предстояло освободиться от мандатов западных держав и стать полностью суверенными. Иначе говоря, мечта о национальной независимости сбывалась. Но, с другой стороны, дело арабского единства не прогрессировало, так как именно процесс консолидации национальных государств, замыкающихся в своих границах и отгораживающихся друг от друга, грозил окончательно разделить арабский мир, ранее единый под властью общего сюзерена — Турции. Вместе с тем нельзя было бороться за окончательное освобождение арабских стран от непосредственного врага — империализма, — не борясь конкретно против англичан в Ираке, французов в Сирии, то есть не борясь за укрепление и фактическое освобождение отдельных стран — Сирии, Ирака и т. д. Освободительное движение развивалось на Арабском Востоке в каждой стране изолированно от другой, единого потока не было, координация действий почти отсутствовала, но уже сам по себе тот факт, что арабы боролись против общего врага, против одних и тех же угнетателей, неизбежно укреплял в них сознание объединяющих их уз братства.

Это противоречивое положение породило две тенденции — центробежную и центростремительную. Так называемые «панарабисты» не скрывали, что в их глазах даже полное освобождение арабских стран от империализма еще не будет означать торжества дела арабской нации и что объединение остается главной целью. Они созвали в 1931 году в Иерусалиме Арабский конгресс, на котором

была принята Арабская хартия, в которой говорилось: «Все арабские страны являются единым и нераздельным целым, и любые разделения, которым они подвергнутся, не одобряются и не признаются арабской нацией; все усилия в каждой арабской стране должны быть направлены к единой цели — полному освобождению и объединению всех этих стран. Необходимо бороться против любой идеи, которая ограничивает движение рамками местной и региональной политики.

Поскольку колониализм во всех его формах и проявлениях абсолютно несовместим с достоинством и высшими целями арабской нации, арабская нация отвергает его и будет бороться с ним всеми силами.

Конгресс создал исполнительный комитет, однако результаты деятельности последнего были невелики. В 1934 году, во время войны между Саудовской Аравией и Йеменом, исполком назначил мирную делегацию для посредничества. Позднее деятели исполкома полностью переключили свое внимание на палестинскую проблему. В 1937 году в Блудане (Сирия) они созвали еще один Арабский конгресс, повестка дня которого была ограничена только палестинской проблемой. Этому же вопросу был посвящен и Межпарламентский конгресс арабских и мусульманских стран, состоявшийся в Каире в октябре 1938 года.

В тот период руководство движением арабского национализма находилось в руках феодальных элементов (хотя кадры деятелей и пропагандистов движения состояли из буржуазной интеллигенции). Это объяснялось тем, что вожди племен сумели нажить политический капитал на своем активном участии в антитурецкой борьбе во время первой мировой войны. Некоторые феодалы действительно боролись против империализма. Например, антифранцузское восстание в Сирии в 1925 году возглавил вождь друзов султан Атраш. Все это привело к тому, что в межвоенный период виднейшими «панарабистами» считались иракский король Фейсал I, эмир Адиль Аслан, реакционный иракский политик Ясин Хашими и др.

Хотя «панарабистские» чувства сильнее всего были в Сирии, главная слабость сирийских националистов заключалась в том, что они не имели своего государства, которое могло бы стать центром «собрания арабских

земель». Такого рода государством, казалось, был Ирак, где в начале 30-х годов был упразднен британский мандат. Положение Ирака формально отличалось от положения подмандатной Сирии, и поэтому «панарабисты» стали возлагать надежды на Ирак, называя его «арабским Пьемонтом», «ядром будущего единого государства». В июне 1936 года в Багдаде было создано Общество возрождения арабского единства, выдвинувшее наряду с требованиями независимости и борьбы против империализма лозунг создания союза по образцу Соединенных Штатов Америки. Возникло общество «Аль-Мутанна» (названное так в честь средневекового арабского рыцаря Мутанна ибн-Хариса). В программе общества содержались следующие положения: арабская нация суверенна и нераздельна, и ее враги — иностранцы: сионисты, французы, итальянцы и др. Необходимо вернуться к традиционным нравам арабов. Видный националистический политик Сами Шевкет издал книгу, в которой писал: «История нашей блистательной арабской нации уходит в глубь тысячелетий... Мы имеем право превозносить славу Навуходносора, Хаммураби, Саргона, Рамзеса, Тутанхамона точно так же, как мы славим Гаруна ар-Рашида и гордимся им».

Но существовала другая тенденция — локально националистическая. И здесь центральным является вопрос о роли Египта в арабском националистическом движении.

«Египет — голова арабского мира, а Сирия — его сердце», — говорят арабы. Из всех арабских стран Египет — самая многочисленная по населению, самая сильная, самая развитая в экономическом и культурном отношении страна. Египет первым приобщился к современной цивилизации. Один из египетских журналов в 1938 году с гордостью писал: «Египту Мухаммеда Али принадлежит заслуга в том, что он первым утвердил свою независимость, арабизировал (точнее было бы сказать: «египтизировал». — Г. М.) свою администрацию, свою систему народного образования, свою армию. Египет модернизируется со всем юношеским пылом».

Египет давно и бесспорно утвердил в арабском мире свою гегемонию в духовной и культурной сфере. Мусульманский университет Аль-Азхар в Каире стал духовным светочем всех мусульман мира. В годы правле-

ния короля Фуада (1917—1936 гг.) в Египте был создан университет, основана Королевская академия арабского языка, издан новый арабский словарь, велась работа по изданию «Истории арабского возрождения». Арабская интеллигенция во всех странах читала каирский «Аль-Ахрам», широко были распространены книги египетских писателей. Повсюду арабы смотрели на Египет с уважением и надеждой, зная или чувствуя, что это — центр арабских земель. И наряду со всем этим, как ни парадоксально, Египет не считался настоящей арабской страной, и ни Лига арабского отечества в 1905 году, ни «пан-арабисты» в 30-х годах не включали Египет в будущее арабское государство. Египтяне были — и сами себя считали — «чужими» среди арабов.

Со времени падения аббасидского халифата и вплоть до XX века слово «араб» употреблялось не в политическом или этническом смысле, а в социальном: оно обозначало бедуина, отсталого кочевника. Еще 100 или даже 70 лет назад именитому и образованному горожанину в Багдаде, Дамаске или Бейруте (не говоря уже о Каире) не пришло бы в голову назвать себя арабом. Лишь по мере распространения арабского просвещения, возрождения интереса к древней арабской истории, культуре, языку стало развиваться и национальное самосознание. Однако для культурных египтян слово «араб» оставалось синонимом отсталости и невежества. До первой мировой войны египтяне вообще мало знали о других арабских странах, мало интересовались ими. Считая себя наследниками фараонской цивилизации, египтяне в своем большинстве не рассматривали себя как часть арабского мира.

В период подъема борьбы за независимость против английских оккупантов в первой четверти XX века в Египте культивировался не арабский, а лишь египетский национализм. Даже после первой мировой войны лидер «Вафд» Заглул говорил: «Наша проблема — это египетская проблема, а не арабская». Заглулу также приписывают такое рассуждение: каждая из арабских стран представляет собой ноль из-за своей слабости и отсталости, а $0+0=0$, то есть объединение ничего не даст.

После достижения формальной независимости, в 20-х годах, в Египте стало распространяться фараони-

стское течение, представители которого утверждали: «Мы — египтяне с незапамятных времен». По описанию Хусари, фараонисты заявляли: «Фараонизм коренится в душах египтян... Не требуйте от Египта, чтобы он отрекся от своего египетства, иначе получится, что вы требуете «разрушь Египет, сфинкса и пирамиды, откажись от памятников, украшающих твои музеи и музеи мира, и забудь сам себя...».

Фараонизм представлял собой самое сильное из местных или узконационалистических течений в арабском мире прежде всего потому, что он опирался на давние и живучие египетские традиции обособленности от других арабских стран. Но и в этих странах в свою очередь получили известное распространение аналогичные локальные, партикуляристские течения. В Сирии выразителем идей партикуляризма была Сирийская национальная партия, имевшая некоторую поддержку только среди тех христиан, которые опасались, что арабизм станет лишь прикрытием для возрождения ислама в его фанатической форме.

Подобные опасения в еще большей степени, чем в Сирии, имели место в Ливане с его преобладанием христианского населения. В этой стране получил распространение так называемый финикиизм, представители которого утверждали, что ливанцы, потомки древних финикийцев, хранители особой, средиземноморской цивилизации, не должны смешиваться с другими арабами, стоящими ниже их в отношении культуры. Финикиисты (в основном христиане, получившие образование в иезуитских школах), проповедуя «особую историческую миссию Ливана, призванного служить мостом между Западом и Востоком», противопоставляли Средиземное море «арабской пустыне», а «ливанскую демократию» — «арабско-мусульманской теократии». Французские мандатные власти, действуя по принципу «разделяй и властвуй», поощряли финикиистов, которые к тому же находились под влиянием Муссолини с его разглагольствованиями о «средиземноморской культуре». Была создана существующая и поныне партия «Ливанская фаланга», провозгласившая своим намерением «пробудить среди всех секций ливанской молодежи сознание самобытности и особой судьбы Ливана».

В Ираке также проявлялся партикуляризм, иногда

в довольно странных формах. Так, в 1927 году преподаватель-сириец был уволен с кафедры истории за то, что написал книгу, прославляющую Омейядов. Закон от 5 декабря 1936 г. запрещал иностранцам (практически речь шла об арабах из соседних стран) заниматься типографским делом, прокатом кинофильмов, работать фотографами, парикмахерами, трактирщиками, носильщиками и т. д. Однако в отличие от Египта, Сирии и Ливана в Ираке не возникло течений, подводящих «теоретическую базу» под партикуляристские тенденции.

Идеологи арабского национализма резко выступали против партикуляристских центробежных тенденций, получивших название «Шуубийя» (так в средние века называлось антиарабское движение других мусульманских народов, завоеванных арабами). Немало усилий было приложено для того, чтобы искоренить влияние партикуляристов, но главную роль в неудаче проповедников «Шуубийя» сыграла сама жизнь, ход событий, убедивший арабов в необходимости объединенных усилий для борьбы за освобождение.

В Египте наряду с пропагандой сторонников «фараонизма» уже в 30-х годах начали развиваться «панарабистские» тенденции: общественное мнение начало интересоваться общеарабским национальным движением. В 1931 году в Каире начал выходить журнал «Арабская лига» и был учрежден «Клуб арабского единства». В 1932 году в издававшемся в Палестине журнале «Аль-Араб» была опубликована статья видного египетского политического деятеля, будущего генерального секретаря Лиги арабских стран Аззама-паши «Арабы — нация будущего». Автор утверждал, что арабизм опирается на общую для арабов историю, общий язык, обычаи и т. д., что арабское национальное движение недооценивают, так же как сначала недооценивали национальное движение в Германии и Италии в XIX веке. «Арабская раса, — писал Аззам, — способна использовать богатства своих земель и создать материальную цивилизацию наряду с духовной цивилизацией, уже принесшей ей славу».

Крупнейший арабский писатель Амин Саид на страницах египетского журнала «Аль-Мукаттам» призывал к осуществлению идеи арабского единства, утверждая: «Союз арабов дал бы Египту силу и влияние, укрепил бы его политические позиции, сделал бы из него важное

государство, способствовал бы подъему его торговли и промышленности».

В 1943 году в Каире была издана книга Юсефа Хайкала «К арабскому единству», в которой содержался тезис о том, что время малых государств прошло, что отдельные страны поодиночке не смогут противостоять агрессии и что необходимо для того, чтобы отстоять независимость в современном мире, объединяться в крупные союзы и федерации. Лучшей формой для единства арабских стран Хайкал считал федерацию или даже конфедерацию (чтобы не восстанавливать против идеи единства арабских королей, цепляющихся за свои троны).

Однако реакционным элементам не удалось монополизировать руководство движения за арабское единство, хотя они и играли ведущую роль. Прогрессивные силы арабского мира оценили важность этого движения и присоединились к нему. Естественно, что два острия этого движения — антиимпериализм и арабское единство — не были равнозначны в глазах представителей левых сил, и они, в противоположность правым элементам, всегда делали акцент скорее на антиимпериализм, чем на единство, исходя из того, что лозунг единства может быть использован в антидемократических целях и что наиболее актуальной задачей для арабских народов является скорейшее достижение независимости, разумеется, на базе единства действий.

Еще в 1929 году созданная сирийскими коммунистами Лига борьбы против империализма опубликовала документ, озаглавленный «На борьбу за свободу арабского народа». В этом документе говорилось, что арабы вправе добиваться преодоления разобщенности своих стран и создания сильного, объединенного, независимого и полностью свободного государства. В 1931 году на совещании представителей коммунистических партий Сирии и Ливана был выработан документ, озаглавленный «Задачи коммунистов в общеарабском движении» и содержащий призыв к развертыванию массовой кампании за арабское единство в сочетании с борьбой против империализма и сепаратистских династических интересов. В качестве базы для арабского единства отмечались: общий язык, исторические традиции, общность опыта и переживаний и как главное — наличие общего врага.

Указывалось, что, добившись независимости, арабские государства в дальнейшем смогут добровольно объединиться на федеральных началах.

Однако коммунисты не смогли возглавить движение за независимость и единство арабских народов. В руководстве этим движением преобладали правые силы. Реакционные феодальные круги в своекорыстных целях использовали тягу арабов к единству. На Мусульманском конгрессе в Каире в 1939 году короля Фарука приветствовали титулом «Амир ам-му'минин» — «повелитель правоверных» (титул халифа). В этом проявлялось намерение египетской феодальной верхушки установить свою гегемонию в арабском объединительном движении. В Сирии виднейшим «панарабистом» был эмир Шекиб Арслан. Выступая в Дамаске в «Арабском клубе» в сентябре 1937 года, Арслан предсказывал образование федерации автономных арабских государств, объединенных в политическом, экономическом и культурном (но не в административном) отношениях. С Магрибом эту федерацию должны были связывать религиозные, языковые, культурные и социальные узы.

Нури Саид во время совещания с египетским премьер-министром Наххасом в июле 1943 года выдвинул план, сводившийся к следующему: объединить в одно государство Сирию, Ливан, Палестину и Иорданию, форму правления решить путем плебисцита; объединить затем это государство с Ираком в арабский союз, к которому будет предложено примкнуть и другим арабским государствам. Переговоры между делегатами арабских стран по вопросу о единстве (включая обсуждение плана Нури Саида) продолжались по февраль 1944 года, но не привели к конкретным результатам в первую очередь вследствие явно отрицательного (хотя и замаскированного) отношения Египта к плану Нури Саида. Египетские лидеры видели в этом проекте попытку иракской хашимитской верхушки установить свою гегемонию на Арабском Востоке. Так же как и Ибн-Сауд, они были намерены не допустить этого ни в коем случае. Однако идея арабского единства уже настолько распространилась, уже столько людей в арабских странах, предвидя скорое окончание второй мировой войны, связывали с этим надежды на освобождение арабского мира и преодоление его раздробленности, что просто похоронить

проекты объединения было невозможно. На переговорах в Каире было решено созвать осенью 1944 года конференцию всех арабских государств для установления какой-либо формы единства между ними.

Конференция открылась в Александрии 25 сентября 1944 г. На конференции обсуждались различные варианты создания арабского союза: империя во главе с Фаруком; республика во главе с египетским премьер-министром Наххасом; «Малая Сирия» во главе с трансйорданским эмиром Абдаллахом или иракским регентом Абдель Иляхом (английский вариант, отвергнутый Ибн-Саудом) или во главе с сыном Ибн-Сауда Фейсалом (вариант Шукри Куатли); «Великая Сирия» (Ирак, Сирия, Ливан, Палестина, Трансиордания) во главе с Абдаллахом или другим представителем хашимитского рода. Каждый из этих вариантов отвечал интересам какой-то группы или династии, но ни один из них не был принят из-за противодействия других групп и династий. Поэтому в результате был подписан (7 октября 1944 г.) протокол, констатирующий необходимость создания Лиги арабских государств (ЛАГ). Этот вариант в той или иной степени удовлетворял всех: и Фарук, и хашимиты, и Ибн-Сауд понимали, что в сложившейся обстановке нельзя рассчитывать на установление гегемонии какой-то одной династии в арабском мире. Но это как раз и было тем существенным условием, при котором они были согласны на объединение арабских стран; для Фарука объединение имело смысл только в том случае, если он возглавит единое государство. Точно так же, со своей стороны, разумеется, смотрели на эту проблему Абдаллах и Абдель Илях. В условиях равновесия сил подмена реального объединения простым созданием координирующего органа была выходом из положения, позволявшим избежать установления гегемонии какой-то одной династии или группы в ущерб другим и в то же время сделать (для националистов и народных масс) жест, который можно было разрекламировать как шаг к арабскому единству. Наконец, немаловажное значение имело то обстоятельство, что проект создания Лиги арабских государств был поддержан державой, занимавшей в то время господствующие позиции в арабском мире, — Англией.

Британское правительство поддержало идею создания лиги и в специальном заявлении министра иностранных дел Идена одобрило проект. В этом жесте сквозил хитрый расчет: в напряженный момент борьбы привлечь симпатии арабов на сторону Англии проарабской декларацией и обещанием (но не независимости, так как за подобное обещание арабские националисты могли бы ухватиться после войны и потребовать его выполнения) поддержки их в вопросе о единстве. Иными словами, английские политики подменили «независимость» «единством» в весьма расплывчатой форме. Но, разумеется, не только желанием сдержать это неопределенное обещание объясняется поддержка, оказанная Англией идее Лиги арабских государств в 1944—1945 годах. Главное, что определяло к концу второй мировой войны позицию Англии в отношениях с арабским миром, было возродившееся желание «имперских политиков» превратить весь Арабский Восток в зону безраздельного британского контроля.

Еще после первой мировой войны Черчилль и его единомышленники обдумывали возможность создания некоего нового арабского «халифата», вассального по отношению к Англии. Эти замыслы потерпели крах уже хотя бы потому, что Франция потребовала — и доби-лась — своей доли в дележе «османского наследства». И хотя в целом Франция потерпела поражение в дипломатической борьбе с Англией, британскому империализму не удалось подчинить себе весь Арабский Восток. Вторая мировая война, в ходе которой Франция была разгромлена Гитлером, сулила англичанам на Ближнем Востоке более благоприятные перспективы. Было ясно, что теперь уже Франция не сможет удержаться в этом районе мира, и политические комбинаторы из Форин оффис рассчитывали использовать идею арабского единства для создания нового британского колониального заповедника на Ближнем Востоке. Почва под ногами англичан в Индии горела. Мало кто сомневался, что дни британского господства в этой великой стране сочтены. Уже поэтому стержень империи, по мысли лондонских политиков, должен был передвинуться на запад. Арабский Восток с его огромными нефтяными ресурсами и непревзойденными стратегическими базами мог бы стать новой и главной опорой Англии на востоке. Объе-

динение арабских стран под британским контролем явилось бы наилучшим инструментом для осуществления этой цели.

Расчеты английских империалистов совпали с демагогическими и своекорыстными планами феодальных владык арабского мира, стремившихся использовать ставшую популярной в массах идею арабского единства, чтобы выбить козыри из рук радикальных буржуазных националистов и привлечь к себе народные симпатии. Результатом явилось создание Лиги арабских государств, официально оформленное 7 марта 1945 г.

Но надежды английских политиков на то, что им удастся использовать лигу как инструмент осуществления своих планов, не оправдались. Им не удалось противопоставить лигу арабскому национально-освободительному движению. Подъем антиимпериалистической борьбы арабских народов после второй мировой войны перечеркнул широко задуманные планы британских империалистов, намеревавшихся при помощи лиги «объединить» Арабский Восток, чтобы облегчить установление в этом районе своего господства. Идея создания ближневосточного колониального заповедника Англии потерпела второе — и на этот раз окончательное — крушение.

Цели и задачи лиги были сформулированы следующим образом: защищать и сохранять целостность, суверенитет и независимость государств — членов лиги и обеспечивать тесное сотрудничество между ними. В ст. 7 Устава лиги говорится: «Решения совета, принятые единогласно, являются обязательными для всех членов Лиги. Решения, принятые большинством голосов, обязательны для тех, кто их принимает». В этом главная слабость лиги. За все время своего существования лига смогла принять единогласно лишь такие решения, которые не затрагивали непосредственно жизнь и внутренние дела государств-членов. Являясь формальным орудием осуществления арабского единства, фактически лига была вынуждена объединять и примирять различные, часто противоположные, интересы. В рамках лиги сотрудничали государства, правящие круги которых преследовали собственные, особые, частные цели и задачи, и сам по себе факт создания лиги не мог примирить различные интересы; каждый тянул в свою сторону.

Раздробленность арабского мира, его внутренние противоречия не могли быть преодолены при помощи лиги.

Разумеется, было бы неверно зачеркивать всю деятельность лиги вообще. Она провела или наметила ряд мероприятий, имевших важное значение. В августе 1952 года вступил в силу Пакт коллективной безопасности, предусматривающий автоматическое выступление всех членов лиги на помощь арабской стране, ставшей жертвой агрессии. Представители лиги в ООН по ряду вопросов выступали против империализма (вопрос о судьбе бывших итальянских колоний в 1949 г.; о праве Египта на Суэцкий канал в 1951 г.; против деятельности французских колонизаторов в Марокко в 1952 г. и в Алжире в 1955 г.; против империалистической агрессии в Египте в 1956 г. и т. д.). Осенью 1957 года лига выступила в защиту Сирии от империалистических провокаций. Лига проводила и проводит огромную пропагандистскую работу в связи с палестинской проблемой, разоблачая агрессивный сионизм и отстаивая права арабов.

Лига весьма активно действует в экономической и социальной областях. При ее секретариате существует Центральный межарабский комитет по культурным вопросам, объединяющий деятельность соответствующих национальных комитетов. Каждые два года проводятся семинары для изучения социальных проблем арабских стран, регулярно созываются совещания экспертов по социальным вопросам. Лига запретила разведение гашиша и торговлю этим наркотиком. В 1955 году в Каире состоялась общеарабская конференция по вопросу о бесплатном и обязательном школьном обучении.

Экономический комитет лиги неоднократно рассматривал вопрос о более тесном экономическом сотрудничестве между арабскими странами. В 1954 году по инициативе лиги между ее участниками было достигнуто соглашение о расширении торговли. Были также приняты рекомендации о создании Центрального арабского банка для распределения доходов от нефти между всеми арабскими странами. В мае — июне 1957 года на сессии экономического комитета лиги были одобрены проект соглашения об унификации политики в нефтяном вопросе и проект создания арабской финансовой организации

с капиталом в 20 млн. египетских фунгов из взносов членов лиги в целях содействия развитию экономики арабских стран. Создан департамент по вопросам нефти. Предпринимаются шаги для создания арабского общего рынка с тем, чтобы противостоять европейскому «общему рынку», угрожающему экономике арабских стран.

Однако, несмотря на бесчисленные декларации, лига так и не смогла внести эффективный вклад в дело координации экономических усилий арабских стран. Ряд проектов, осуществление которых было намечено лигой, остался на бумаге: создание финансовой организации для нужд экономического развития (соответствующее решение было принято в мае 1953 г.); создание общей арабской авиакомпании, общей арабской судоходной компании, радиообъединения и т. д. Немногого ей удалось добиться и в политической области: во всех крупных внутренних конфликтах арабского мира (между Сирией и хашимитами по вопросу о «Великой Сирии» в 1946—1948 гг.; между Египтом и Ираком по вопросу о «Багдадском пакте» в 1955—1958 гг.; между Египтом и Иорданией в 1957—1958 гг.; между ОАР и Ираком в 1959—1960 гг.; между ОАР и Тунисом, ОАР и Суданом в 1958—1959 гг.; между Сирией и Ливаном в 1950 г. и т. д.) лига не смогла сыграть роль конструктивной и действенной силы. Наконец,— и это самое главное для арабов — лига оказалась беспомощной в попытках разрешить вопрос, которому она всегда уделяла наибольшее внимание,— вопрос о Палестине.

Таков вкратце исторический аспект проблемы. Сейчас вопрос о первоначальном происхождении жителей той или иной арабской страны, о доле «чистой» арабской крови представляет лишь академический интерес. Ученые, изучая мумии египетских фараонов, установили, что по строению черепа современный египтянин мало отличается от своего предка, жившего в ту эпоху, когда арабского языка вообще не существовало. Следовательно, определенный этнический или скорее биологический тип египтян сохранился со времен пирамид, но это ничего не меняет. Практически египтяне, как и другие говорящие на арабском языке народы Ближнего Востока и Северной Африки, являются арабами.

Но составляют ли они единую нацию? Не все из

общепринятых признаков нации налицо у арабских народов: у них, в частности, нет единства экономической жизни. Если, например, в Сирии товары, ввозимые из соседнего Ирака, составляют по стоимости всего 7 или 8% импорта, а в импорте Ирака доля товаров, ввозимых из всех остальных арабских стран, вместе взятых, составляет примерно 5%, то ясно, что говорить о едином хозяйственном организме в арабском мире не приходится. Тем не менее арабы считают себя одной семьей, одной нацией, и это чувство, эта воля быть единой нацией, может быть, еще важнее, чем общность языка. В конце концов, в мире немало народов, говорящих на одном языке, но отнюдь не ставших от этого единой нацией. Вся Латинская Америка, кроме Бразилии, говорит по-испански, но нет и речи о единой латиноамериканской нации. Англичане, американцы, канадцы, австралийцы, новозеландцы, несмотря на общий язык, составляют совершенно отдельные нации. То же можно сказать о немцах и австрийцах. Если проводить аналогии, то напрашивается вывод, что и развитие арабских стран, несмотря на общий язык, культуру и традиции, пойдет по такому же пути. Но этот вывод может оказаться глубоко ошибочным.

При формировании нации огромную роль играет моральный фактор. Освободительная борьба пробудила у арабов тягу к единству; кровь, пролитая патриотами в борьбе против общего врага — империализма, сцементировала чувство братства. Можно возразить на это, что и народы Латинской Америки завоевали независимость в борьбе против одних и тех же врагов. Однако нельзя забывать, что то была совсем другая эпоха, отсутствовали современные средства связи и пропаганды. Центробежные силы на огромном малонаселенном континенте, состоявшем из отдельных, почти не связанных одна с другой стран, оказались непреодолимыми. Кроме того, у арабов в отличие от латиноамериканцев есть глубокое сознание того, что когда-то у них уже была единая родина и речь идет о том, чтобы восстановить утраченное единство. Главное же заключается в том, что в наше время исторические процессы совершаются неизмеримо быстрее, стремительнее, чем раньше. И если дело арабского единства окажется неразрывно связанным с антиимпериалистической борьбой и задачами социального

прогресса арабского мира, вполне можно ожидать, что отдельные арабские нации, которые сейчас, несомненно, складываются в различных арабских странах, не успеют принять окончательную форму, что сделало бы невозможным их слияние в единую нацию.

Пока что можно считать, что сложившиеся или только формирующиеся египетская, сирийская, иракская, суданская или тунисская нации являются частью единой большой арабской нации, или арабской семьи наций. Но в любом случае объединение арабских стран представляло бы сложный процесс.

Империалистическое господство превратило арабские страны в поставщиков сырья и импортеров готовых изделий, и доставшиеся этим странам в наследство экономическая отсталость и однобокая структура их экономики мешают им дополнить одна другую в хозяйственном отношении. Поэтому объединение арабских стран, основанное на их полном слиянии, потребовало бы взаимного приспособления не дополняющих друг друга экономических структур, а это исключительно сложное дело, как показал опыт объединения Сирии и Египта. До создания ОАР жизненный уровень в Египте и в Сирии был различным. В двух этих странах был различный уровень заработной платы, разные экономические традиции. Все это оказало важное влияние на судьбу сирийско-египетского союза в 1958—1961 годах.

Арабский Восток далеко не однолик. В него входит и ОАР, где уже имеются пять светских университетов, металлургический завод, где официально введен семи-часовой рабочий день, и страны Аравийского полуострова, где на площадях до сих пор публично рубят руки вора́м, где феодализм сочетается даже с пережитками рабовладельческого строя.

У каждой арабской страны есть свои специфические проблемы, в том числе важные проблемы национальных и религиозных меньшинств.

В Ливане половина населения — христиане, у которых особое, освященное традицией и зафиксированное в Национальном пакте Ливана положение (например, перемена этого статуса для ливанских христиан, по всей видимости, нежелательна. В Ираке, где подавляющее большинство населения мусульмане, существует пробле-

ма суннитов и шиитов (два толка ислама). Высшее столичное общество Ирака всегда состояло из суннитов, а в провинции преобладали шииты, и шейхи шиитских племен цепко держатся за свои привилегии. В других арабских странах преобладают сунниты, и шииты в надежде еще больше расширить свое влияние в Ираке неодобрительно смотрят на союз Ирака с другими арабскими государствами, достаточно тесный для того, чтобы они оказались в рамках этой новой структуры в меньшинстве по отношению к суннитам.

В Судане существует проблема негроидных племен юга; в Северной Африке — проблема берберов. Имеются многочисленные различия в законодательстве, положении профсоюзов, роли и характере политических партий и т. д.

Огромное значение имеет проблема нефти. Природа неравномерно распределила запасы нефти на территории Арабского Востока. Кувейт с населением в 350 тыс. человек обладает колоссальными запасами нефти — в 1963 году там было добыто 97,5 млн. т, — а в ОАР, где население приближается к 30 млн., — всего 7,5 млн. т. ОАР лишь в последнее время начала сама себя обеспечивать нефтью.

Добычей нефти в большинстве арабских стран занимаются иностранные компании, которые, согласно концессионным договорам, должны выплачивать правительствам соответствующих арабских стран 50% своих прибылей. Общие доходы арабских стран от нефти составляют около 1,3 млрд. долл. в год (в том числе доход Ирака — 250 млн. долл.). Очевидно, что в случае объединения эти огромные средства должны пойти «в общий котел»; конечно, в нефтедобывающих арабских странах имеется немало людей, весьма влиятельных, которым вряд ли по душе подобная перспектива.

* * *

Таковы факторы, одни из которых облегчают, а другие затрудняют осуществление объединения арабских стран. Судьба арабов как нации будет зависеть от хода социальной революции арабских народов.

2. ОБЪЕДИНЕННАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ К ГЛУБОКИМ СОЦИАЛЬНЫМ СДВИГАМ

26 июля 1952 г. десятки тысяч жителей Александрии, собравшись на набережной, молча провожали глазами отплывавшую в море роскошную яхту. На борту ее стоял грузный человек в темных очках с заплывшим, нездоровым, помятым лицом. Это был последний король Египта — Фарук, человек, чье имя стало в стране и за ее пределами символом бесчестья, разврата, коррупции. Человек, бешено прожигавший жизнь в попойках, кутежах и охоте, отдавший Египет на разграбление своре царедворцев, спекулянтов и казнокрадов, деспот, в котором сосредоточились все пороки старого, феодального, гнилого Египта — полукolonии империализма.

Как-то Фарук сострил, что скоро в мире останется всего пять королей — английский король и короли пиковый, трефовый, бубновый и червонный. Он и не подозревал, как был прав, поскольку это касалось его собственной судьбы. Настал день, когда революция одним ударом свалила власть династии Мухаммеда Али, правившей Египтом полтора столетия. Организатором революции был 34-летний подполковник Гамаль Абдель Насер.

26 июля 1956 г., ровно через четыре года, в той же Александрии, на массовом митинге, при неопишемом ликовании сотен тысяч людей, президент Республики Египет Гамаль Абдель Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Это был удар в самое сердце иностранных эксплуататоров, грабивших Египет более сотни лет. Ни одно другое событие с такой полнотой и

убедительностью не свидетельствовало о том, что родился новый Египет — свободный и суверенный.

Прошло еще восемь лет. 16 мая 1964 г. под палящим солнцем Асуана советские самосвалы сбросили в Нил последние камни, и великая африканская река была перекрыта. Завершилась первая очередь строительства исполинской плотины Садд аль-Аали. Под восторженные возгласы тысяч людей, собравшихся на историческую церемонию, президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер заявил: «Мы свободны политически и экономически. Мы освободили от иностранной зависимости национальную экономику».

1952—1956—1964. Александрия — Суэц — Асуан. Три даты, три вехи египетской революции, преобразившей облик древнейшей страны мира.

Египет... Когда мы слышим название этой страны, перед нами неизбежно встают образы, к которым мы привыкли со школьной скамьи: пирамиды и сфинксы, желтые пески пустынь и лента Нила, несущего свои мутные воды в Средиземное море, — все, как и во времена фараонов. Но вот мы перелистываем страницы газет, и эти традиционные картины дополняются другими картинками: индустриализация, развитие энергетики, земельная реформа... Страна древнейшей цивилизации как бы спала в течение веков, убыстряющийся бег времени, казалось, не затрагивал ее. Теперь все переменялось. Египет проснулся, он спешит наверстать упущенное. Революция 23 июля 1952 г. была тем колоколом, который пробудил долину Нила.

Каковы были предпосылки революции в Египте?

Главным фактором, определившим неизбежность революции, был гнет империализма и феодалов, двойной гнет, доведший Египет до состояния чудовищной нищеты, а народные массы — до отчаяния. Каждая колониальная или зависимая страна переживает антиимпериалистическую национально-освободительную революцию, но можно назвать очень мало стран такого типа, в которых проблема освобождения от двойного гнета стояла бы столь остро, как в Египте. Противоречие между потребностями независимого экономического развития страны и колониально-феодальной эксплуатацией, обрекавшей Египет на отсталость, а народ — на нищету, приобрело вопиющий характер. Положение подавляющего боль-

шинства населения — крестьян — было ужасающим. В руках 1% землевладельцев было сосредоточено 35% земли. Из 2 млн. 800 тыс. землевладельцев более 2 млн. имели менее 1 феддана земли каждый¹. 1 млн. 500 тыс. сельскохозяйственных рабочих зарабатывали себе на жизнь сезонной работой. Крестьянин отдавал помещику до 70% валового урожая. Феллахи жили в глиняных лачугах без окон. На все деревни страны приходилось 800 врачей, то есть один врач на 15 тыс. пациентов. Средняя продолжительность жизни феллаха составляла 27 лет. Почти $\frac{2}{3}$ населения страдали либо от глазных болезней, либо от бильхарзии², а чаще всего от того и другого. Детская смертность была самой высокой в мире. Неграмотность достигала почти 80%.

В этой нищей, угнетенной стране существовала богатая верхушка, беспринципная и разложившаяся, жившая в скандальной роскоши. Костяком ее был класс крупных землевладельцев во главе с аристократической придворной кликой. С течением времени составной частью этой верхушки стала сросшаяся с помещиками крупная, главным образом торговая, буржуазия. Современный египетский журнал «Иджипшен экономик энд политикал ревью» так описывал эту привилегированную горстку населения: «Так называемая землевладельческая аристократия этой страны была в основном создана политикой англичан и их хедивских приспешников в начале столетия; предполагалось, что новый класс дворянства, владеющего землей и производящего хлопок, будет всеми силами противостоять активным националистам... Был создан местный «кулак» для того, чтобы разделить власть с монархией посредством системы взаимосвязанных, но соперничавших партий и парламента, избиравшегося в высшей степени сомнительными методами».

Заслуживает внимания также характеристика, данная дореволюционному Египту американским исследователем Уилоком: «Египет 1952 года был загнивающей страной. Охваченные политическими раздорами, сменявшие друг друга национальные правительства мало де-

¹ 1 феддан=0,42 га.

² Заболевание крови, вызываемое микробом, проникающим из сточных вод каналов через кожу в организм человека.

ляли для развития страны. Архаическая структура землевладения, ужасающие жизненные условия огромного большинства населения, экономика, приспособленная для обогащения привилегированной верхушки, политическая нестабильность — таково было наследие после 30 лет независимости».

Независимость? Только в виде насмешки можно было применять это слово к Египту, хотя он и считался независимым государством с 1922 года. Английские войска в самом важном стратегическом районе страны — зоне Суэцкого канала; сам Суэцкий канал, построенный на костях египетских феллахов, — в руках иностранного капитала; экономика, целиком ориентированная на производство хлопка для английских текстильных фабрик; торговля — в руках иностранцев, банки — в руках иностранцев; решающее влияние английской агентуры в каирской дворцовой клике; дипломаты, целиком послушны Лондону... Такова была «независимость» королевского Египта, формально суверенного государства, фактически — самой типичной полукolonии империализма.

В 1936 году был заключен новый англо-египетский договор. В предвидении войны с державами «оси» Англия пошла на некоторые второстепенные уступки Египту, но в главном сохранила свои позиции: договор узаконил оккупацию Египта британскими войсками. Не изменила этого положения и вторая мировая война.

Не только трудящиеся массы, но и буржуазия, особенно средние и мелкие ее слои, ощущала засилье иностранного капитала и сознавала, что узость внутреннего рынка, вызванная нищетой населения, ограничивает перспективы ее деятельности. Интеллигенция испытывала горькое чувство национального унижения, видя, что Египет — древняя страна, одно из ведущих государств арабского мира — фактически не может проводить самостоятельную политику, не в состоянии играть на международной арене роль, достойную его прошлого и его потенциала. Все общество было глубоко возмущено тем, что монархический режим оказался не в состоянии добиться прекращения унижительной английской оккупации и эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала.

Волна национально-освободительного движения, захлестнувшая Восток после второй мировой войны, коснулась и Египта. Идеи национальной независимости и ос-

вобождения от империалистической кабалы — идеи, получившие могучий стимул в результате победы антифашистской коалиции во главе с Советским Союзом во второй мировой войне, широко распространились в Египте. Большую роль сыграла неустанная борьба Советского Союза против империалистического гнета, за свободу и независимость угнетенных народов. Правящие круги Египта не могли помешать народу слышать голос могучей социалистической державы, беспощадно разоблачавшей империализм, не могли удержать рост симпатий египтян к Советскому Союзу.

Революция назревала. Она не могла не произойти. Вопрос был лишь во времени. Несомненно, события зимы 1951/52 года: агрессия Англии против Египта в зоне Суэцкого канала, партизанская война, удар дворцовой клики в спину борющимся патриотам после провокации 26 января 1952 г. — все это ускорило переворот, который давно готовила нелегальная офицерская организация «Свободные офицеры». Эта организация была невелика по численности, не имела широких связей в политических кругах, не вела работу в массах и не была известна в народе. Однако в решающий момент, поведя за собой армию на штурм старого режима, «Свободные офицеры» стали инициаторами большого прогрессивного дела. Немногочисленная законспирированная офицерская организация оказалась выразителем национальной воли египетского народа.

История этой организации, как и вся египетская революция, неразрывно связана с именем Гамаль Абдель Насера. Будущий президент Объединенной Арабской Республики родился в 1918 году в маленьком городке Бени Мор, расположенном в провинции Асьют в Верхнем Египте. Его отец был мелким почтовым служащим. Малограмотный человек, он решил во что бы то ни стало дать образование хотя бы старшему из своих четырех сыновей — Гамалю, который и был послан в каирскую школу.

Юный Гамаль отличался от своих сверстников серьезностью, начитанностью и пристрастием к книгам по истории. Рано проявились в нем патриотические чувства и задатки революционера-вожака: в возрасте 16 лет он организовал выступление учащихся и возглавил демонстрацию, направленную против английского господства.

Окончив с отличием школу, Гамаль поступил в Королевскую военную академию. Это был 1937 год, когда после англо-египетского договора, обеспечивавшего Египту несколько большую степень самостоятельности во внутренних делах, стало возможным увеличить численность египетской армии и выходцы из простых семей впервые получили возможность поступить в офицерское училище. Именно из этого набора 1937 года и вышло большинство лидеров будущей революции.

Из 400 желающих поступить в академию было принято лишь 40. В их число попал Насер. После окончания учебы он был направлен в 3-ю пехотную бригаду, расквартированную в Манкабаде, в его родной провинции Асьют, в должности командира взвода. Там он познакомился со своим будущим соратником Анваром Садатом (ныне председатель Национального собрания ОАР) и Закарией Мухиэддином (ныне вице-президент ОАР), а в 1939 году, служа в Александрии, Насер впервые встретился с теперешним первым вице-президентом ОАР маршалом Амером, который стал его близким личным другом и самым верным сподвижником. Именно в те годы молодые, патриотически настроенные офицеры создали зародыш будущей революционной организации. Душой и мозгом этой группы, посвятившей себя освобождению Египта от английского господства, с самого начала был Насер.

В 1942 году, в разгар мировой войны, когда армия Роммеля угрожала Египту, лейтенант Насер служил в Александрии в 5-й пехотной бригаде, затем вместе с Амером был направлен в Судан, в захолустный гарнизон в Джебель аль-Аулия. Но вскоре Насер получил новое назначение: он стал преподавателем в военной академии в Каире. Совершенствуя свое военное образование, он поступает в армейский штабной колледж и оканчивает его с отличием. С тех пор Насер живет в Каире. Скромный преподаватель тактики в военной академии, он неизвестен общественности, но зато его хорошо знает офицерский корпус: большинство молодых офицеров так или иначе сталкивались с Насером, служили с ним или слушали его лекции. И все эти годы, вплоть до 1952 года, Насер неуклонно создает тайную офицерскую организацию, которой впоследствии суждено было совершить революцию. Терпеливо и методично он проверяет и отбирает наиболее

надежных. Ко времени палестинской войны (1948 г.) организация «Свободные офицеры» насчитывает уже 700 человек. Только один Насер знает каждого из них лично, только ему известен полный состав тщательно законспирированного общества, о котором после революции будут говорить как о «шедевре» соблюдения секретности. Действительно, в организации не оказалось ни одного предателя, и она так и не была раскрыта королевской полицией.

Палестинскую войну Насер проводит на фронте. Он попадает в самую гущу боев — в район Фаллуджи, и его часть оказывается отрезанной от основных египетских сил, в так называемом «фаллуджском мешке». Все понимают, что война проиграна, израильское командование предлагает окруженным сдаться, но египтяне удерживаются вплоть до заключения перемирия. Насер был ранен в плечо и за отвагу, проявленную в боях, получил в армейских кругах прозвище «тигр Фаллуджи».

Там, в Фаллудже, в окружении, Насер организовал первое собрание «Свободных офицеров», которых немало оказалось на этом участке фронта. Палестинская война сыграла переломную роль как в формировании идей Насера, так и в судьбе всей организации. Стали известны потрясающие факты: ближайшее окружение короля представляло на фронт негодное оружие, наживая на этом огромные барыши. Вера офицеров в Фарука была опровергнута. Они стали понимать, что нельзя освободить Египет от империализма, не избавившись сначала от разложившейся правящей верхушки.

После окончания палестинской войны Насер, произведенный в подполковники, вернулся к преподавательской работе в военной академии. Теперь он уже бесповоротно наметил цель организации: вооруженное выступление против королевской власти, свержение монархии, образование нового республиканского независимого и антиимпериалистического режима.

Революционная ситуация созрела в 1952 году. Правительство Наххас-паши, лидера партии «Вафд», обанкротилось, оказавшись не в состоянии добиться ухода английских войск из зоны Суэцкого канала, и престиж «Вафда» — единственной массовой партии Египта — рухнул окончательно. Дворцовая клика, открыто пошедшая на сговор с империализмом, была окружена всеобщим пре-

зрением и ненавистью. Народ был возмущен до предела. Революция была неминуемой, но в стране не было политической силы, способной возглавить ее. Массы не имели авангарда.

Роль авангарда взяла на себя организация «Свободные офицеры». В условиях, когда в стране отсутствовало организованное и влиятельное левое движение, не было сильной пролетарской партии, а буржуазные партии обанкротились, великая историческая миссия выпала на долю армии, ставшей выразителем национальных интересов и воли египетского народа.

Переворот, продуманный во всех деталях, был осуществлен 22 июля 1952 г. Уже на другой день обозначился полный успех революционной акции, которой Насер придал характер блестяще проведенной военной операции. 26 июля Фарук отрекся от престола. Власть перешла в руки Совета руководства революции, главой которого был Насер. Но для общественности, как внутри страны, так и за границей, имя подлинного организатора революции еще оставалось неизвестным.

Номинальным руководителем военного режима был генерал Нагиб, которого Насер ввел в свою организацию накануне переворота для того, чтобы в офицерской хунте был хоть один человек, известный за пределами армейских кругов. Нагиб пользовался авторитетом в армии и народе, был известен своей оппозицией королю. И в течение полутора лет именно Нагибу приписывались все достижения революции, народ приветствовал его как вождя. Лишь члены Совета руководства революции знали, что вся инициатива и все решения на самом деле исходят от скромного и почти не известного широким кругам подполковника Насера.

Конфликт между Насером и Нагибом вспыхнул весной 1954 года и был лишь отражением серьезного политического кризиса, в ходе которого решалась судьба революции. Речь шла о том, должно ли руководство и впредь осуществляться революционной группой офицеров или же власть вернется представителям прежней системы, только без короля и его клики.

Именно на этом ответственнейшем этапе Насеру пришлось самым серьезным образом продумать вопрос о характере и целях египетской революции. Власть была взята, проимпериалистический королевский режим лик-

видирован, и вставал вопрос: что дальше? Молодой офицер, все время и все мысли которого до сих пор были заняты подготовкой переворота, сумел понять свою историческую задачу. В вышедшей в 1954 году книге «Философия революции» Насер писал: «Каждая нация на земле проходит через две революции: одна — политическая, в которой она утверждает свое право на самоуправление в борьбе против навязанного ей деспота или против агрессивной армии, оккупирующей ее территорию без ее согласия; вторая революция — социальная, в которой классы общества борются друг с другом, пока не будет обеспечена справедливость для всех граждан и не будет достигнута стабильность». Там же Насер писал, что до переворота он рассматривал свою организацию как авангард, задача которого ограничивается свержением тирании. Но вскоре он увидел, что «миссия авангарда не закончилась. Фактически она лишь начинается». Далее он писал: «Мы нуждались в дисциплине, но нашли лишь хаос... Мы нуждались в единстве, но обнаружили разногласия».

Старые политические организации, в первую очередь «Вафд» и «Братья-мусульмане», требовали восстановления парламентской системы и свободы деятельности партий. Но Насер, видевший своими глазами ту карикатуру на демократию, которая существовала при короле, выдвинул тезис о том, что социальная демократия должна предшествовать политической. На сторону старых партий встал Нагиб, их поддержала часть интеллигенции, соблазненная псевдодемократической демагогией. Однако в решающие дни марта 1954 года, когда Нагибу удалось на время отстранить Насера от руководства правительством (Насер, бывший до тех пор заместителем премьер-министра, 25 февраля возглавил правительство), народные массы поддержали курс на развертывание революции. Рабочие организовали массовые демонстрации и провели всеобщую забастовку под лозунгом: «Мы не хотим политических партий, мы хотим правления Совета руководства революцией». Опираясь на трудящиеся массы, Насер одержал победу. 18 апреля он вновь стал премьер-министром.

Но реакция не сдавалась. 26 октября 1954 г., когда Насер произносил речь на массовом митинге, на него было совершено покушение. Член организации «Братья-му-

сульмане» стрелял в Насера, но промахнулся. Организация была распущена, ее лидеры повешены. Нагиб, обвиненный в связях с заговорщиками, был смещен с поста президента. Насер официально сосредоточил в своих руках всю власть. 23 июня 1956 г. всенародным голосованием он был избран на пост президента республики.

Задачи египетской революции были определены следующим образом: уничтожение господства империализма, уничтожение феодализма, уничтожение контроля монополий над правительством, создание социальной справедливости, создание здорового демократического общества, создание сильной национальной армии. Эти шесть задач и составляли, по представлению Насера, те две революции, о которых он писал. Значительно позже, в 1961 году, руководители революционного режима признали, что политическая революция 1952 года не переросла в глубокую социальную революцию, и заявили о необходимости коренной перестройки структуры египетского общества. Эта оценка революции и легла в основу реформ 1961 года. Причина же того, почему политическая революция в то время еще не переросла в социальную, в значительной мере заключается в том, что ограниченный (в силу необходимости) узким кругом участников переворот 1952 года передал свой характер всему режиму, установленному после переворота, и широкие массы первоначально не могли влиять на ход революции таким образом, чтобы предотвратить возможность использования ее благ в интересах привилегированных групп.

Первой задачей революции была, бесспорно, борьба против империализма — главного врага независимости и прогресса Египта. Конкретно империализм воплощался для египтян в лице Англии, оккупировавшей страну в 1882 году. В октябре 1954 года вступило в силу англо-египетское соглашение: Англия обязалась эвакуировать свои войска из зоны Суэцкого канала. Достижение этого соглашения было крупным успехом правительства Насера, которому удалось добиться того, чего не смогло достичь ни одно предшествовавшее ему правительство. Престиж Египта и его нового руководства в арабском мире резко возрос после того, как в самой крупной и влиятельной стране Арабского Востока произошла революция, которая смела продажный и прогнивший феодально-монар-

хический режим, добилась ухода английских войск с египетской земли и бросила всем арабам призывный клич «Борьба, независимость, единство!». Приближался конец британского господства на Ближнем Востоке.

31 марта 1956 г. последние боевые части английских оккупационных войск эвакуировались из зоны Суэцкого канала. Спустя ровно семь месяцев английская армия, на этот раз вместе с французской, вновь появилась на берегах Суэцкого канала. Это были дни суэцкого кризиса. Предлогом для него послужило смелое решение египетского правительства национализировать компанию Суэцкого канала. В действительности речь шла о том, чтобы поставить Египет на колени, чтобы заставить капитулировать правительство Насера, которое к этому времени стало проявлять чересчур большую, по мнению западных держав, самостоятельность. Египет отверг «Багдадский пакт» и стал твердо придерживаться курса позитивного нейтралитета и отказа от участия в военных блоках.

История суэцкого кризиса такова. В 1955 году реакционные круги Израиля усилили свои провокации на границах с арабскими странами. Насер решил создать сильную современную армию. Он не получил оружие от Запада и обратился к Советскому Союзу. Именно этот шаг — свидетельство смелой и независимой политики Насера — принес ему огромный авторитет не только в Египте, но и во всех арабских странах. Начиная с этого времени арабы во всех странах стали смотреть на Насера как на вождя антиимпериалистической революции. В странах, где у власти были продажные проимпериалистические режимы, люди, рискуя попасть в тюрьму, вывешивали портреты Насера. В глазах арабов, как писала английская газета «Дейли телеграф», «Насер стал олицетворением арабской воли к созданию независимой политической общности...». Египтяне видели в Насере человека, вернувшего им их национальное достоинство. На стенах домов были развешаны плакаты со словами Насера: «Подними голову, брат мой, времена позора миновали!».

Понимая, что главная цель революции — покончить с нищетой и отсталостью, создать современное высокоразвитое общество, обеспечить народу высокий жизненный уровень, руководители Египта во главе с Насером утвердили программу индустриализации страны. Был выдвиг

нут лозунг: «Великий Египет будет основан на железе и стали!». Интересы индустриализации страны, необходимость решить самую сложную земельную проблему требовали использования главного естественного богатства Египта — вод Нила. Так родилась идея строительства Асуанской плотины. Первоначально Соединенные Штаты и Англия заявили о своем согласии финансировать строительство плотины, но в июле 1956 года, убедившись в том, что египетское правительство не собирается менять свой независимый внешнеполитический курс, внезапно и грубо взяли обратно свое решение. Это была попытка подорвать престиж Насера в глазах египтян, вынудить его к капитуляции или же добиться замены его правительством другим, зависимым от западных держав.

Но случилось нечто, опрокинувшее все их расчеты. В ответ на шантаж западных держав Насер взорвал свою «суэцкую бомбу». Выступая на митинге в Александрии 26 июля 1956 г., Насер при всеобщем ликовании объявил о решении национализировать компанию Суэцкого канала. В этом предприятии, существовавшем на египетской земле, но собиравшем деньги с проходивших через канал судов в пользу западных капиталистов, как бы сконцентрировалась в символическом виде столетняя зависимость Египта от международных финансистов, унижительная зависимость, на которую была обречена страна. Компания Суэцкого канала была плацдармом империализма на египетской земле, и решение о национализации компании было расценено западными державами как «неслыханный вызов и оскорбление». Разбойничье вооруженное нападение Англии, Франции и Израиля на Египет, справедливо клейменное во всем мире как грубая колониальная агрессия, было отчаянной конвульсией твердолобых колонизаторов, попыткой остановить ход истории. Эта попытка была сорвана в первую очередь благодаря твердой позиции Советского Союза, решительно выступившего в защиту Египта. Как сказал впоследствии Насер, «Советский Союз вместе с нами оказал сопротивление интервентам». Вряд ли можно сомневаться в том, что не резолюция Совета Безопасности, а риск оказаться вовлеченными в большую войну в неблагоприятных условиях вынудил агрессоров отказаться от «похода на Каир». Еще раз было продемонстрировано, что мировая система социализма — это могучий щит, ограждающий независи-

мость народов, борющихся против попыток империализма восстановить колониальное господство.

Исход суэцкого кризиса явился крупнейшей политической победой египетского народа над империализмом. Никогда еще авторитет египетского революционного руководства не был так высок в глазах народных масс арабских стран. Даже в Иордании, где у власти было прозападное правительство, люди, пренебрегая опасностью, пели песню: «О, Гамаль, ты национализировал канал, и в Иордании люди идут за тобой».

Национализация компании Суэцкого канала явилась серьезнейшим шагом в деле освобождения Египта от империалистического господства. Она положила начало широкому наступлению на позиции иностранного капитала в экономике страны. Одновременно это дало Египту дополнительный постоянный источник получения иностранной валюты. Эксплуатация канала приносила хозяевам компании ежегодно в среднем 35 млн. ф. ст. доходов, что составляло более 3% национального дохода Египта. Теперь вся эта сумма могла идти на финансирование проектов его экономического развития.

В ходе развернувшейся экономической борьбы с империализмом родилась другая идея — идея египтизации, осуществление которой нанесло новый удар по позициям иностранных монополий, орудовавших в Египте. Принятый в январе 1957 года закон о египтизации лишил иностранцев права собственности на большую группу предприятий — банков, торговых и страховых компаний.

Египтизация означала бесславный конец эксплуататорской деятельности англо-французских банков, которые, обладая капиталом в 5,6 млн. ф. ст., контролировали средства вкладчиков на огромную сумму в 280 млн. ф. ст. «Барклейз бэнк», «Банк д'Ориан», «Лэнд бэнк оф Иджипт», «Банк Оттоман», «Креди Лионэ» и другие банки, выкачавшие из Египта немало прибылей, были ликвидированы. Одновременно Египет вынуждены были покинуть 64 английские, французские и австралийские страховые компании, капитал которых составлял 17,1 млн. египетских фунтов, а также многочисленные иностранные торговые фирмы.

Таким образом, военная победа над Англией и Францией была дополнена экономической победой над англо-

французскими монополиями. Экономическая блокада Египта, поддержанная усилившейся к тому времени подрывной деятельностью этих монополий внутри страны, сорвалась. И в этом большую роль сыграла позиция Советского Союза, в трудную минуту оказавшего дружескую помощь Египту, которому были посланы необходимые продовольственные и другие товары. «Мы просили Америку разрешить купить нам излишки пшеницы, — говорил президент Насер, — Америка отказала нам в этом. Тогда Россия предложила пшеницу. Европа отказалась покупать наш хлопок. Россия купила его. Когда во время суэцкой борьбы у нас не хватало нефти, Россия дала нам ее. Наш народ благодарен России за то, что она пришла к нам на помощь в час кризиса».

Революция не могла ограничиться борьбой против империализма. Для того чтобы устоять, она должна была повести наступление против его агентуры внутри страны — против феодалов и аристократии. Многомиллионному египетскому крестьянству был ненавистен старый режим, который, как писал Айру, «независимо от того, какая партия находилась у власти, почти ничего не сделал для земельной реформы, не принял никакого радикального закона в интересах феллаха». Аграрная реформа 1952 года ограничила земельную собственность «потолком» в 200 федданов (около 80 га).

Конфискация помещичьих земель, подпадавших под действие реформы, дала в распоряжение государства земельный фонд в 560 тыс. федданов. Из них к концу 1961 года среди крестьян была распределена 431 тыс. федданов. Землю получили 163 тыс. семей феллахов. Распределение оставшейся земли позволяет обеспечить участками еще 40 тыс. семей.

Уже эти данные говорят об ограниченном характере аграрной реформы 1952 года, которая привела лишь к известному вытеснению, а не подрыву и ликвидации крупного феодально-помещичьего землевладения. Реформа охватила примерно 5% всего египетского крестьянства и затронула только 6,4% земель, в то время как в руках помещиков было сосредоточено 35% земель. К тому же ею воспользовалась в первую очередь зажиточная, кулацкая верхушка деревни. Газета «Аш-Шааб» писала в связи с распределением помещичьих земель, что «в деревне появилась сильная прослойка средних земельных

собственников, владеющих участками от 4,2 до 21 га». В положении подавляющей массы феллахов не произошло существенных изменений. Наконец, аграрная реформа не привела к серьезному расширению внутреннего рынка — деревня предъявляла слабый спрос на промышленные товары.

В такой стране, как Египет, где наблюдается быстрый рост населения, а обрабатываемые земли составляют 4% всей территории, огромное значение наряду с аграрной реформой имеет освоение новых земель. За последние годы площадь земель, вырванных у пустыни, несколько увеличилась, достигнув в 1961 году 102 тыс. федданов. Однако первостепенная роль в борьбе за освоение новых земель отводится Асуанской плотине.

Одна из важных заслуг июльской революции состоит в том, что она приняла на вооружение идею индустриализации, прочно внедрив ее в экономическую жизнь страны. Это было совершенно новое явление в экономической политике Египта. Колонизаторы и феодальные правители отрицали необходимость индустриализации страны, считали это невозможным, ненужным и хлопотным делом. По их воле Египет должен был остаться обширной «хлопковой плантацией» Ланкашира. Все это вселяло в египтян пессимизм и неверие в будущее страны, в возможность ее всестороннего промышленного развития. Могла ли промышленность развиваться, если, идя на поводу иностранного капитала, правящая клика ставила на ее пути всяческие преграды, ограничивала деловую активность и зачастую даже открыто подрывала деятельность имевшихся национальных предприятий? Достаточно привести такой факт. В дореволюционном Египте ежегодные налоги с промышленности достигали 20 млн. фунтов. Между тем налоги на сельское хозяйство, чистый доход от которого был в четыре раза выше, чем в промышленности, составляли всего 3 млн. египетских фунтов. В этих условиях невозможно было создавать достаточные накопления для роста промышленности.

Руководящая группа офицеров, пришедшая к власти в результате революции, ясно осознала, что только путем индустриализации страны, создания и развития современной национальной экономики возможно достижение экономической самостоятельности, без которой поли-

тическая независимость в конечном итоге превращается в фикцию. Президент Насер говорил, что страны, «недавно обретшие независимость, твердо убеждены, что, если они не получают экономической независимости, они не найдут прочной базы для сохранения политической свободы».

Идея индустриализации нашла практическое воплощение в планах экономического развития. Осуществление этих планов привело к серьезному росту промышленности, увеличению ее удельного веса в экономике, к завоеванию экономической независимости. Если в 1952 году в промышленность было вложено 2,15 млн. египетских фунтов, то в 1960 году — уже 88 млн. Столбовой дорогой промышленного развития Египта стало всемерное расширение государственного сектора. Государство определяло характер и направление экономического развития. В 1957 году была создана Государственная экономическая организация, которая к 1961 году контролировала уже 100 компаний.

Однако эти преобразования не сопровождались ломкой старой социальной структуры общества. Они осуществлялись без привлечения широких слоев трудящихся, без развязывания творческой инициативы масс. Все это оказывало отрицательное влияние на развитие революции. Результатами ее воспользовались имущие классы, и прежде всего крупная буржуазия и новая бюрократия. Бурную деятельность развернули представители крупного частного национального капитала — группа Мыср, Аббуд, Фаргали, Али-Яхья и др. Верхушка египетской буржуазии баснословно разбогатела и заняла ключевые позиции в ряде отраслей экономики. В положении же подавляющей части населения не произошло изменений. На долю верхней прослойки города и деревни, составляющей менее 1,5% всего населения, приходилось примерно 35% всех доходов.

Углубление социального неравенства осложняло решение важнейших задач, вставших перед страной. Все более острой становилась проблема ликвидации нищеты и отсталости, обеспечения работой быстро растущего населения. Руководящие деятели ОАР увидели, что июльская революция должна быть дополнена решительными социально-экономическими преобразованиями, что, не изменив прежнюю социальную структуру общества, невоз-

можно справиться с возникающими проблемами, двинуться дальше по пути национального прогресса.

В Египте все сложные и тяжелые проблемы, свойственные в той или иной мере всем развивающимся странам, обострились до чрезвычайности, требовали немедленных и решительных мер. Крайняя нищета крестьянских масс, абсолютный земельный голод, быстрый рост народонаселения (более полумиллиона человек чистого прироста в год), особая уязвимость экономики, зависящей целиком от экспорта одной продукции — хлопка, — все это создало такое положение, для выхода из которого, как убедилось правительство, необходимо каждые десять лет удваивать национальный доход. Это требует форсированной индустриализации, углубления аграрной реформы, осуществления политики строгой экономии средств. Попытки проводить в жизнь такую программу, опираясь на буржуазию, провалились: капиталисты не были заинтересованы в развитии тяжелой индустрии, они предпочитали вкладывать капиталы в более рентабельные отрасли экономики, спекулировать валютой, скупать дома и земельные участки и т. д. Как признал влиятельный каирский журнал, «частные предприниматели неохотно следовали по пути, указанному планирующими органами», утечка валюты приобрела угрожающий характер, протекционистские мероприятия правительства не стимулировали инвестиции в промышленность, а лишь побуждали капиталистов требовать новых субсидий.

«Может ли частный капитал финансировать строительство Асуанской плотины, портов, аэродромов, металлургических заводов?» — такой вопрос был задан в изданной в 1961 году в Каире книге «Разговор о социализме». Здесь же был дан ответ: «Наше государство долго и терпеливо ждало, что богатые классы образуются... Но крупные собственники вместо этого стали препятствовать осуществлению планов экономического развития».

Буржуазия проявляла глухое недовольство, мечтая об ослаблении «бремени» государственного вмешательства. Ей казалось, что пора уже приступить к «освобождению» государства от этого бремени, поставить как главные интересы частного сектора.

Правительство Насера не пошло по такому пути. Наоборот, во второй половине 1961 года оно предприняло решительные действия, направленные на сосредоточение

всей экономики под контролем государства и подрыв экономических позиций частного капитала.

Согласно одному из трех декретов, опубликованных 20 июля 1961 г., были национализированы все банки и страховые общества, а также ряд промышленных и других компаний по списку, в котором числились 44 компании. Национализация коснулась 1772 человек. По другому декрету 83 компании превращались в смешанные акционерные общества, в которых государству должно принадлежать не менее 50% их капитала. Этот закон нанес удар по 1715 капиталистам. Как это предусмотрено третьим декретом, в 148 компаниях частным лицам запрещено иметь акции на сумму более 10 тыс. египетских фунтов. Излишки переходят к государству. Под действие данного декрета подпало 2070 крупных акционеров.

Правительство национализировало внешнюю торговлю и торговый флот. Импорт могут осуществлять государственные компании или компании, в которых государству принадлежит не менее 25% капитала.

Правительством было принято решение о скупке 35% акций всех фирм, экспортирующих хлопков. Тем самым под контролем государства оказалась экспортная торговля этим важнейшим товаром, являющимся основным источником получения иностранной валюты.

Эти декреты в огромной степени усилили государственный сектор, который и ранее играл в ОАР более важную роль, чем в других экономически слаборазвитых странах. По официальным данным, теперь под контролем государства находятся 95% всего промышленного производства, все банки, страховые, транспортные, экспортные и импортные компании, вся оптовая внутренняя торговля. Только розничная торговля, мелкие ремесла, различные мелкие предприятия остаются в руках частных лиц.

В экономике государство стало играть доминирующую роль. Оно является инициатором и участником всех важных экономических мероприятий. Именно поэтому планы экономического развития ОАР строятся на гораздо более прочной базе, чем в тех странах, где в экономике господствует частный капитал. Пример ОАР подтверждает прогрессивную роль государственного сектора для суверенных стран Азии и Африки, ведущих активную борьбу за экономическую независимость.

Вслед за национализацией в ОАР началась «кампа-

ния против миллионеров». Государство наложило секвестр на имущество 700 крупных капиталистов, многие из которых были арестованы. У 100 семей, которые ранее держали в руках экономику Египта, была отобрана собственность общей стоимостью в 1 млрд. египетских фунтов.

Немалое значение имела и новая аграрная реформа, принятие которой явилось еще одним шагом в ограничении крупной земельной собственности. Если реформа 1952 года урезала земли феодалов до 200 федданов, то теперь этот максимум сокращен вдвое — до 100 федданов на всю семью. У 2500 помещиков должно быть отчуждено 300 тыс. федданов, которые также будут распределены между крестьянами. Наконец, национализируется вся земля, принадлежащая иностранцам, — примерно 142 тыс. федданов у 2614 владельцев.

Новая реформа наряду с орошением земель даст возможность передать участки от 2 до 5 федданов примерно 266 тыс. семей, то есть более чем миллиону человек (по реформе 1952 г. землю получили примерно 200 тыс. семей). Всего, как заявил президент Насер, среди крестьян было распределено 944 457 федданов земли, отобранной у помещиков.

В 1959 году по инициативе Насера было начато осуществление проекта «Гамус»³, по которому крестьяне, не имеющие тяглого скота, могут покупать буйволов в рассрочку на семь лет. Большим успехом явилось почти повсеместно проведенное строительство водопроводов, снабжающих деревенское население чистой питьевой водой. В 1955—1958 годах начали создаваться «комбинированные центры» с целью обслуживания сельскохозяйственного населения в сфере здравоохранения, просвещения, социальных мероприятий и агротехники. В этих центрах имеются доктор, акушерка, обслуживающий медицинский персонал, учитель с помощниками, агроном. В каждом центре построены небольшая больница, ясли, поликлиника с хирургическим кабинетом. В результате создания «комбинированных центров» детская смертность значительно снизилась, резко уменьшилась заболеваемость трахомой. В 1960 году в стране имелось 250 таких

³ Гамус (буйвол) — главный рабочий скот мелкого сельскохозяйственного производства в Египте.

центров, каждый из которых обслуживал в среднем 15 тыс. человек. К концу 1964 года было 350 центров и ими было охвачено почти $\frac{3}{4}$ населения.

После революции 1952 года сельскохозяйственное производство развивается гораздо быстрее, чем раньше, и стало, наконец, обгонять рост населения (с 1951 по 1958 г. население выросло на 19%, сельскохозяйственное производство — на 25%), в результате чего несколько увеличилось производство продукции питания на душу населения. В основном это достигнуто благодаря повышению интенсивности сельского хозяйства, росту производительности труда, увеличению капиталовложений в сельское хозяйство.

Особый интерес представляет развитие в ОАР кооперации. Главный ее тип — это кооперативы, созданные на землях, распределенных согласно закону об аграрной реформе, и находящиеся под правительственным контролем. Их достижения — это в первую очередь рост урожайности и доходность. Если в среднем по стране с 1952 по 1959 год урожайность хлопка выросла на 15%, то в кооперативах — на 45%. Прибыли распределяются следующим образом: 40% — в резервный фонд (т. е. воспроизводство и накопление), 30% — между членами кооператива, 20% — на здравоохранение и социальное страхование, 10% — отчисления членам кооператива от реализации продукции. В 1962 году насчитывалось 326 таких кооперативов.

Официальная линия правительства состоит в насаждении кооперативов не только на «новых», то есть распределенных по аграрной реформе, но и на старых землях. Получают распространение «кооперативы объединенного севооборота», призванные противодействовать чрезмерной раздробленности земельных участков, которая препятствует рациональному ведению хозяйства. Земля в кооперативе делится на несколько крупных полей, каждое из которых объединяет множество участков (остающихся во владении их хозяев) и засеивается каким-либо одним видом сельскохозяйственных культур. Получается, что каждый крестьянин в течение сезона выращивает не множество культур, как раньше, а только одну. Потом происходит обмен натурой. Эта специализация привела к резкому росту урожайности. Правительство приступило к реорганизации старых, традиционных кооперативов (их

насчитывается 3500, и они в основном занимаются закупкой оборудования и предоставлением кредита).

Отныне капиталовложения направляются в сельское хозяйство в основном через канал кооперации. Общая сумма кредитов, предоставленных государством по беспроцентным займам крестьянам в 1963 году, достигла 60 млн. египетских фунтов.

Все крестьяне, получающие землю по аграрной реформе, вступают в кооператив в обязательном порядке. Разумеется, поскольку в рамках кооперативов сохраняется и развивается мелкое индивидуальное хозяйство, создаются предпосылки для роста кулацкой прослойки. Поэтому деревня остается главным плацдармом и надеждой египетского капитализма. От того, сможет ли правительство обуздать частную стихию в деревне, где проживает около 70% населения, в большой мере зависит исход борьбы за социалистическое развитие страны.

Экономические реформы были дополнены серьезными социальными мероприятиями. Введен новый закон о подоходном налоге, согласно которому увеличиваются налоги на лиц, получающих крупные доходы. Очень высоким налогом (90%) облагаются доходы в размере 10 тыс. египетских фунтов и более. Зарплата и прочие вознаграждения руководящих деятелей акционерных компаний не должны превышать 5 тыс. египетских фунтов. Принят новый закон о социальном страховании. Отныне работодатель должен вносить в пенсионный фонд сумму, равную 14% зарплаты рабочего или служащего, который в свою очередь вносит в этот фонд 7% своей заработной платы. Если раньше социальным страхованием пользовались только служащие, то с 1962 года оно распространяется и на рабочих. Минимальный размер пенсии по старости установлен в 3,6 египетского фунта. Снижена квартирная плата. Для того чтобы создать у рабочих и служащих материальную заинтересованность, в их пользу будет отчисляться 25% чистой прибыли предприятия. Из этой суммы 40% распределяются между ними, 40% идут на социальные нужды и 20% — на жилищное строительство.

Национально-освободительная революция египетского народа вступила в новый этап — этап глубоких социальных преобразований. Правительство Насера в ответ на саботаж богатых классов решило опереться на народные массы. Была провозглашена программа строительства

«демократического, социалистического, кооперативного общества». Для осуществления этой программы были нужны новый политический инструмент и новая идеология.

Прежний Национальный союз (массовая правительственная организация) не подходил для новых задач: он не был революционной, народной организацией. Тем более не годилось для нового курса Национальное собрание — парламент ОАР, в котором преобладали представители имущих классов. Осенью 1961 года президент Насер распустил Национальное собрание, распустил Национальный союз и объявил о своем решении созвать Национальный конгресс народных сил с целью принятия Хартии национального действия как основного программного документа.

Выступая с большой речью 16 октября 1961 г., Насер подверг свое руководство весьма резкой самокритике, заявив, что он переоценил свои силы и недооценил силы реакции, боролся против империалистических пактов и баз в то время, как империализм находится также «во дворцах и в сейфах миллионеров». Насер признал, что он и его помощники дали возможность реакционным элементам войти в Национальный союз, сохранили прежний, неэффективный государственный аппарат, который надо было сделать орудием в руках народных масс, не обеспечили революционного воспитания народа.

Новой политической организацией, заменившей Национальный союз, было решено сделать Арабский социалистический союз (АСС). Решающей вехой на пути его создания явился Национальный конгресс народных сил, открывшийся 21 мая 1962 г. Президент Насер огласил проект Хартии национального действия — документа, определившего новый политический и социально-экономический курс страны. Хартия была единогласно принята конгрессом.

«Революция 1952 года, — говорится в хартии, — была совершена армией, которая стала под контроль народа и стала его орудием в совершении революции. В авангарде народных сил стояли силы рабочих и крестьян...»

«Социализм означает построение общества справедливости и достатка, общества работы и равных возможностей для всех, общества производства и общества обслуживания... Демократия — политическая свобода, а социализм — социальная свобода. Нельзя отделять одно от

другого... Свобода голосования без свободы на кусок хлеба и ее обеспечения потеряла всякую ценность и превратилась в обман, вводящий в заблуждение народ».

«...Мирное разрешение классовой борьбы может быть достигнуто лишь при одном условии: лишение реакции всех видов оружия».

«Союз реакции и эксплуататорского капитала должен пасть. После этого с необходимостью встает вопрос о расширении поля деятельности демократии для демократического взаимодействия между трудящимися — феллахами, рабочими, солдатами, интеллигенцией и национальной буржуазией».

«...Новая конституция должна гарантировать крестьянам и рабочим половину мест в политических и народных организациях на всех уровнях, включая парламент...».

«Критика и самокритика являются важнейшими гарантиями свободы».

«Научный социализм — это благоприятная форма для открытия правильного пути к прогрессу. Любой другой путь не может обеспечить желанный прогресс... Капитал в своем естественном развитии в стране, которая была принуждена к отсталости, не в состоянии больше повести к экономическому подъему в то время, когда в развитых странах выросли крупные капиталистические монополии, опирающиеся на эксплуатацию богатств в колониях».

«...Глубокая пропасть отсталости в мире между развитыми странами и теми, кто пытается догнать их, не позволяет больше, чтобы путем к прогрессу остались личные усилия, которые может двигать только стремление к эгоистической прибыли... Работа ради расширения основ национального богатства не может допустить стихийности частного эксплуатирующего капитала и его необузданных стремлений... Вывод — необходимость господства народа над всеми орудиями производства».

«...Война против империализма всеми силами и средствами, разоблачение его, борьба с ним повсюду, где он существует».

«Наш народ борется всеми своими силами за мир, за укрепление мира и запрещение ядерных испытаний, за разоружение».

Вместе с тем в хартии подчеркивается намерение

сохранить «неэксплуататорскую частную собственность», сохранить «индивидуальное владение землей в рамках кооперирования». Авторы хартии выступают против насильственного разрешения классовых противоречий, против диктатуры пролетариата, заявляют о своей приверженности религии.

Этот документ имеет важнейшее значение для развития современного Египта. В нем еще чувствуется сильное влияние утопического социализма, социализма «переходного», как говорил В. И. Ленин, но в целом это шаг на пути к научному социализму. Во всяком случае можно сказать: Хартия национального действия уже является документом, в котором чувствуется влияние мировой системы социализма, влияние социалистической идеологии.

Принцип, согласно которому рабочие и крестьяне должны иметь не менее половины мест во всех выборных органах, играет важнейшую роль в обновлении внутриполитической жизни ОАР. Это совершенно новое явление в жизни страны. Достаточно сказать, что когда в 1959 году происходили выборы первичных комитетов Национального союза, то в составе этих комитетов из 30 тыс. человек оказался лишь 731 рабочий.

Первичные организации Арабского социалистического союза созданы в деревнях, на фабриках и заводах, где занято более 50 рабочих, в учреждениях, учебных заведениях и т. д. Из 6912 первичных организаций 4 тыс. созданы в деревнях. В Уставе Арабского социалистического союза говорится, что эта организация является «социалистическим авангардом, который ведет за собой массы...». Цель АСС определена следующим образом: «Осуществлять здоровую демократию, представленную народом и для народа, с тем чтобы революция по своему методу была народной, а по задачам и целям была революцией для народа; осуществлять социалистическую революцию, являющуюся революцией трудящегося народа...». Лица, эксплуатирующие чужой труд, не могут быть членами союза. «Если феодалы или капиталистические эксплуататоры,— заявил Насер,— займут командные посты в народной организации, это будет означать, что мы ничего не добились». Введен особый вид ограничения политических прав определенных групп граждан (так называемая изоляция). Изоляции подвергаются

несколько тысяч богатейших людей — они лишены права голоса.

Арабский социалистический союз состоит из активных членов, имеющих право быть избранными в руководящие органы, и пассивных членов, имеющих только право избирать. Организационной основой АСС является первичная ячейка, которой руководит комитет, избираемый сроком на 2 года и собирающийся не реже двух раз в месяц. Соответственно созываются районные, городские, окружные и провинциальные конференции. Высшим органом АСС является Генеральный национальный конгресс, избираемый сроком на шесть лет и собирающийся на сессии один раз в два года. В период между сессиями руководящим органом АСС является Генеральный комитет, заседающий не реже двух раз в год. Текущую работу проводит Высший исполнительный комитет, избираемый из числа членов Генерального комитета.

Председателем Арабского социалистического союза является Гамаль Абдель Насер.

В начале 1964 года было избрано новое Национальное собрание, в котором половина мест принадлежит представителям рабочих и крестьян. Была опубликована Конституционная декларация, провозгласившая ОАР демократическим социалистическим государством, основанным на союзе трудящихся сил народа. «Социализм для арабов стал исторической необходимостью,— писала крупнейшая каирская газета «Аль-Ахрам»,— так как доказано, что невозможно было осуществить экономическое и промышленное развитие и преодолеть огромную отсталость, навязанную нам длительным господством феодализма и империализма, на путях традиционной капиталистической системы... Социализм берет на себя задачу осуществления экономического и промышленного развития, в чем потерпел фиаско капитализм...»

Стремление к политическому самообразованию, к идеологическому воспитанию все сильнее проявляется в стране. «Почему вы не откроете какую-нибудь школу и не объясните нам, что такое социализм, капитализм, классовая борьба?» — такой вопрос задали рабочие и крестьяне на митинге в Суэце в ходе кампании по разъяснению Хартии национального действия. Эту идею подхватил губернатор Суэца, бывший член организации

«Свободные офицеры». Школа была создана: преподаватели-добровольцы по три раза в неделю в течение трех месяцев занимались со слушателями, разъясняя им такие понятия, как арабский национализм, арабское единство, история социализма, марксизм, коммунизм, коллективное руководство, централизация и т. п. 50 человек прослушали эти лекции, и сразу же был организован второй поток, а на третьем занималось уже 250 человек. Группа преподавателей-добровольцев достигла 40 человек, печать стала писать о «суэцком эксперименте». Аналогичные школы были созданы в провинции Бени-Суэйф, затем в Бахейре и Порт-Саиде. Сейчас создан Высший институт социалистических исследований. Началась подготовка политических кадров, без которых невозможно социалистическое строительство.

Президент Насер сказал, что рабочие и крестьяне — это «главная сила, которая поистине заинтересована в социализме». В связи с этим большое значение имеет закон о комитетах управления на предприятиях. Закон, изданный в 1961 году, установил, что из семи членов комитета двое должны быть выбраны из числа рабочих. В 1963 году число выбранных представителей рабочих увеличено до четырех человек. На состоявшихся в феврале 1964 года выборах комитетов в их состав было избрано 3400 рабочих и служащих, вдвое больше, чем в 1961 году. Комитеты проявляют большую активность: борются за увеличение продукции, за рост производительности труда, правильное распределение фондов, проводят семинары по социально-экономическим и культурным проблемам.

Все эти перемены в политической жизни страны, означавшие переориентацию руководства на новые социальные силы, сопровождались углублением социально-экономических преобразований и способствовали этим преобразованиям. В апреле 1963 года были национализированы все компании по экспорту, очистке и прессованию хлопка, в мае — мукомольные и рисоочистительные предприятия, в июле — 18 фармацевтических компаний, в августе — еще 278 компаний, в том числе 228 промышленных. В марте 1964 года было национализировано 11 внешнеторговых и 119 строительных компаний. В большинстве всех этих предприятий государство и раньше, согласно декрету 1961 года, имело контрольный

пакет акций, теперь они полностью перешли в руки государства.

Это был удар уже не только по крупной, но и по средней буржуазии. Сначала объявили, что прежним владельцам национализированных предприятий будет выплачена компенсация, однако вскоре выяснилось, что оплате подлежали лишь сдаваемые акции на сумму не свыше 15 тыс. египетских фунтов. Выкуп за имущество (не более 30 тыс. египетских фунтов) должен быть выплачен через 15 лет, пока же бывшие собственники будут получать 4% годовых от суммы будущей компенсации. Неизвестно, получают ли они когда-нибудь эту компенсацию полностью. Помещикам, у которых в свое время экспроприировали землю за выкуп, теперь объявили, что никакого выкупа они не получают.

Новое Национальное собрание опубликовало Конституционную декларацию, в которой провозгласило общенародную собственность. В эту общенародную собственность отныне входят все национализированные предприятия. Существует также кооперативная и частная собственность.

В основе современного египетского общества, указывается в Конституционной декларации, лежит социальная солидарность; экономической основой общества является социалистическая система, исключая эксплуатацию во всех ее формах.

Ликвидированы как класс феодалы и крупная буржуазия. Аннулированы законы о чрезвычайном и военном положении, выпущены на свободу политические заключенные, в том числе коммунисты.

Страна вступает на некапиталистический путь развития.

Первые итоги египетской революции уже сказываются прежде всего в области экономики. За 10 лет построено более 750 промышленных предприятий, в том числе первый в стране металлургический завод в Хелуане, нефтеперерабатывающий завод в Александрии, завод азотных удобрений и т. д. В начале 1964 года закончена подготовка проекта ввода в эксплуатацию 110 новых промышленных объектов. Объем валовой промышленной продукции с 1952 по 1962 год увеличился с 313,9 до 834 млн. египетских фунтов (т. е. в 2,6 раза), в том числе объем производства средств производства вырос

в 3,6 раза, предметов потребления — в 2,3 раза. Доля тяжелой промышленности в общем объеме промышленного производства выросла с 27,8 до 37,6%. Производство электроэнергии за этот же период увеличилось в 4 раза, машиностроения — в 7 раз, металлургии — в 6 раз.

Впервые в истории Египет стал добывать железную руду, производить железнодорожные вагоны, рельсы, стальной лист, автомобили, тракторы, радиоприемники, телевизоры, электромоторы, трансформаторы, напильники, режущий инструмент и т. д. Капиталовложения в промышленность с 1953 по 1963 год выросли с 5 до 143,6 млн. египетских фунтов, причем уже в 1962 году 96% инвестиций падало на долю государства.

Общие капиталовложения в экономику, составлявшие в 1951—1952 годах всего 99,5 млн. египетских фунтов, в 1963—1964 годах составили уже 416,3 млн. египетских фунтов.

По первому пятилетнему плану (1960—1965 гг.) национальный доход должен вырасти на 40% и составить 1795 млн. египетских фунтов (в 1960 г. — 1285 млн. египетских фунтов). К 1970 году национальный доход должен удвоиться по сравнению с 1960 годом и составит 2564 млн. египетских фунтов. К этому времени ОАР будет производить 16,5 млн. квт-ч электроэнергии (в 1964 г. — 6,5 млн.), 12 млн. т нефти (в 1964 г. — 7,5 млн. т), 620 тыс. т угля (в 1964 г. — 12 тыс.), 2,25 млн. т стали (в 1964 г. — 490 тыс. т), 5 тыс. тракторов (в 1964 г. — 3 тыс.), 25,6 тыс. легковых автомобилей (в 1964 г. — 12,6 тыс.).

Так вырисовываются контуры нового Египта — развитой индустриально-аграрной страны. И египтяне, на глазах которых и благодаря труду которых произойдет это волшебное превращение нищей и отсталой страны, вчерашней полуколонии империализма, в современное государство, всегда будут с благодарностью вспоминать того, кто помог совершить это чудо, — великого друга, могучую социалистическую державу, Советский Союз!

Около 100 объектов сооружается в ОАР с советской помощью.

Но главное все же — это Асуан, Садд аль-Аали — высотная плотина.

...Издавна египетский феллах мечтал о земле, об оро-

шаемой земле. Аграрные реформы, проведенные после революции 1952 года, не решили проблемы. Около 70% населения занимается сельским хозяйством, а обрабатываемая площадь составляет не более 4% территории страны; на душу населения приходится в 11 раз меньше сельскохозяйственных угодий, чем в Европе. Чтобы коренным образом решить проблему малоземелья, острейшую для экономики страны, надо освоить новые площади, эффективнее использовать уже обрабатываемые.

В ОАР выпадает очень мало осадков, и единственным источником орошения является Нил. Поэтому подавляющее большинство населения ОАР живет на его берегах и в районе его дельты. Но река, кормилец Египта, была в то же время причиной народных бедствий: то нехватало воды, то при половодье гибли посевы. Созданные в свое время плотины, в том числе самая крупная — Асуанская, никак не обеспечивали рационального использования водных богатств. Нужна была новая мощная плотина, для того чтобы зарезервировать достаточное количество воды. Но ни одно королевское правительство прежнего зависимого Египта не могло даже приступить к решению этой задачи. Понадобилась революция 1952 года с ее большими изменениями в политической и социально-экономической жизни страны, чтобы мечта стала явью, чтобы Нил напоил своей живительной влагой сотни тысяч федданов плодородной, но безводной земли.

В январе 1960 года в шести километрах южнее старой Асуанской плотины началось строительство новой. В 1964 году там выросло мощное гидротехническое сооружение — одно из крупнейших в мире. О размахе произведенных работ убедительно говорят такие данные. На возведение всех трех крупнейших плотин мира — на реке Колорадо в США, плотины Мибуру в Японии и Серр-Пенсон во Франции — потребовалось лишь 60% материалов, нужных для сооружения высотной Асуанской плотины. Еще не так давно на египетские пирамиды гиды указывали как на пример гигантских строительных работ, требовавших огромного количества материалов и колоссальных затрат человеческого труда. В недалеком будущем гид расскажет туристу, что объем «тела» высотной Асуанской плотины в 17 раз превысил самую крупную пирамиду Хеопса.

Новая Асуанская плотина, высотой в 111 м, шириной у основания 1 тыс. м и протяженностью свыше 3,5 км, позволяет создать гигантское водохранилище вместимостью 130 млрд. куб. м воды. Это в 26 раз больше резервуара старой Асуанской плотины. Новое искусственное озеро по своим размерам будет вторым в мире. Водоохранилище спроектировано так, чтобы обеспечить многолетнее регулирование стока реки и сгладить годовую неравномерность. В засушливые периоды можно будет использовать избыточные массы воды, образующиеся во время половодья. Вместе с тем берега Нила будут защищены от затопления при разливе, а население гарантировано от связанных с этим стихийных бедствий. Перекрытие Нила и отвод воды по каналам, постепенное заполнение водохранилища, использование дополнительных орошаемых территорий даст экономический эффект уже в 1965 году.

В результате сооружения высотной Асуанской плотины площадь обрабатываемых земель увеличится примерно на 2 млн. федданов, или на 30%. Лучше будут обеспечены водой и ныне орошаемые поля. Не только расширятся посевные площади, но и повысится урожайность, улучшится структура земледелия, появится возможность возделывания культур, разведение которых задерживалось из-за недостатка влаги (например, риса). Все это позволит значительно (на 40—50%) поднять продуктивность сельского хозяйства и жизненный уровень феллахов.

Но этим далеко не исчерпывается народнохозяйственное значение асуанской стройки. Плотина и водохранилище — это лишь часть грандиозного комплекса работ на Ниле. Здесь в январе 1963 года была заложена мощная гидроэлектростанция общей мощностью свыше 2 млн. квт. Она будет вырабатывать в год 10 млрд. квт-ч, то есть вдвое больше всех существующих в стране станций. Первые 3 из 12 турбин намечено пустить в 1967 году. С пуском Асуанской ГЭС на полную мощность в 1970 году на душу населения ОАР будет приходиться столько же электроэнергии, сколько приходится в наиболее развитых странах. По линиям высокого напряжения ток пойдет почти во все города республики. Гидроэлектростанция создаст условия для более быстрого развития промышленного производства. Уже на-

чалось строительство некоторых предприятий, которые будут работать на асуанской электроэнергии. Асуанская ГЭС будет способствовать электрификации сельского хозяйства, обеспечит дешевой электроэнергией и бытовые нужды населения.

По заявлению руководящих деятелей ОАР, сооружение высотной Асуанской плотины увеличит национальный доход республики на 234 млн. египетских фунтов в год. Это равно примерно половине всего национального дохода страны до революции 1952 года. Расчеты показывают, что после пуска гидроузла на полную мощность стоимость его сооружения окупится менее чем за два года.

Высотную Асуанскую плотину называют в ОАР не только символом решимости Египта добиться прогресса, но и символом сотрудничества народов ОАР и Советского Союза.

В 1955 году, когда вплотную встал вопрос о строительстве новой Асуанской плотины и проект ее был разработан иностранными фирмами, правительство Египта обратилось с просьбой о займе в Международный банк реконструкции и развития, находящийся под контролем США. Согласие на предоставление займа было обусловлено требованием установления фактического контроля империалистов над финансами и всей экономической политикой Египта. Переговоры были сорваны. Египетское правительство хотели заставить отказаться от проведения независимой национальной политики, вовлечь молодую арабскую республику в агрессивные военные блоки. Не вышло! Египетское правительство не поступилось суверенитетом, экономической независимостью страны. Империалисты были уверены, что без помощи Запада египтянам плотину не построить. Но они просчитались: помощь пришла из Советского Союза.

Советские специалисты разработали проект плотины, более экономичный и выгодный для Египта, чем тот, который был ранее представлен капиталистическими фирмами (английской и французской). Советский проект, сокращавший продолжительность работ и стоимость строительства, после квалифицированной международной экспертизы в 1959 году был принят правительством Египта.

Еще раньше, в декабре 1958 года, было заключено соглашение об оказании Советским Союзом помощи

ОАР в строительстве первой очереди плотины. СССР предоставил заем, обязался поставить нужные материалы, оборудование, машины, направить специалистов.

В августе 1960 года было подписано соглашение об оказании Советским Союзом экономической и технической помощи ОАР в работах второй очереди, в завершении строительства высотной Асуанской плотины до ее полного профиля, в сооружении гидроэлектростанции, высоковольтных линий электропередачи общей протяженностью 2800 км, а также в создании ирригационных систем и освоении пустующих земель. Для оплаты выполняемых советскими организациями проектных работ, поставляемого оборудования, машин, материалов и для оплаты других услуг СССР предоставил новые долгосрочные кредиты. В результате этой работы первой и второй очереди велись без перерыва как сооружение одного объекта, что способствовало ускорению и удешевлению работ.

Помощь Советского Союза асуанской стройке принципиально отличается от той, которая предлагалась Западом. Она не связана ни с какими политическими или экономическими требованиями и предоставлена на условиях, выгодных для ОАР: дешевый кредит (только 2,5% годовых), начало погашения — через год после окончания строительства, то есть когда уже будет экономическая отдача. В этом ярко проявилась линия Советского Союза на оказание бескорыстного дружеского содействия развивающимся народам в укреплении независимой национальной экономики, в строительстве новой жизни. «Великодушные действия Советского Союза, — говорил президент ОАР, — заслуживают высокой оценки и всяческой благодарности».

В трудных природных условиях выдержала серьезный экзамен советская техника, которой обильно оснащалась асуанская стройка. За первые три месяца 1964 года из СССР было получено около 50 тыс. т различных грузов с адресом: «Асуан». Советские машины позволили пробить каналы и тоннели в необычайно крепком граните и выполнить объем скальных работ, по которому асуанская стройка не имеет себе равных. На конец марта из каналов и тоннелей было вынута свыше 11 млн. куб. м скалы, более 8,5 млн. куб. м сбро-

шено в реку для создания основы плотины. Самосвалы с советской маркой ежедневно сбрасывали в русло Нила 12—13 тыс. куб. м камня. Это колоссальный размах работы.

На стройке гидроузла трудится около 30 тыс. рабочих, инженеров и техников, из них 1850 — советские специалисты. Сюда пришли метростроевцы — москвичи, ленинградцы, киевляне, горняки Урала, Донбасса, Грузии, энергостроители с берегов Волги и многие другие. Они не только вкладывают свои знания и опыт в строительство Садд аль-Аали, но и передают их своим египетским товарищам. Советские люди активно помогают им непосредственно на стройке овладеть специальностями буровых мастеров, экскаваторщиков, бульдозеристов, монтажников.

Все ярче разгораются огни Асуана, демонстрируя, на что способен народ, борющийся за свою независимость, и что дает бескорыстная помощь великой страны социализма.

В беседе с корреспондентом журнала «Проблемы мира и социализма» министр ОАР по делам Асуанской плотины Сидки Солиман заявил: «Асуанская стройка для нас — не только техническая школа. Это школа новых отношений между людьми, школа нового отношения к труду. Трудовой энтузиазм на Садд аль-Аали особенно велик потому, что египетские строители плотины работают во имя высокой цели, во имя блага своего народа. Понимание своей ответственности перед народом является для них могучим стимулом. Многие из наших рабочих только здесь по-настоящему ощутили, что труд доставляет не только средства к существованию, но и глубокое удовлетворение, что можно гордиться делом своих рук... От наших советских товарищей мы не только переняли техническое мастерство, но и увидели в их лице новых людей, принципиально отличных от тех, кто когда-то хозяйничал на египетской земле. За годы совместного труда выковалась и закалилась арабо-советская дружба, которая крепка, как асуанский гранит».

Символом великой дружбы, символом не словесным, а вполне реальным, материальным, стала Высотная плотина — самое грандиозное из всех сооружений, когда-либо возводившихся одной страной при участии и помощи другой страны.

Слезы были на глазах у людей, собравшихся 14 мая 1964 г. на торжество под безоблачным небом Асуана, — слезы радости. Арабы и русские с глубоким волнением смотрели, как открывалось новое русло Нила — отводной канал, как по сигналу, данному с командного пункта президентом Насером, был произведен взрыв песчаной перемычки и воды великой африканской реки впервые за тысячелетия изменили свой бег.

Окончательное укрощение Нила произошло 16 мая, когда был заполнен гранитными глыбами проран и река была полностью перекрыта. «Асуанская высотная плотина, — говорилось в передовой статье газеты «Правда», — это не просто грандиозное инженерное сооружение, которое поможет египетскому народу укрепить мощь своей страны. Это символ братства и дружбы народов Советского Союза с народами Африки. С высотной плотины на Ниле открывается величественная перспектива на будущее всей Африки. Асуанская плотина — это символ единства, символ крепко спаянных рук народа, строящего коммунизм, с руками народов, борющихся за подлинную национальную независимость»⁴.

Все прогрессивные и демократические силы мира, все, кому ненавистны гнет, эксплуатация, насилие, эти неотъемлемые атрибуты капиталистического общества, испытывают большую радость при мысли о том, что египетский народ решительно отверг капитализм и встал на путь глубоких социальных преобразований. Объединенная Арабская Республика, провозгласив курс на социализм, идет в авангарде арабского мира. Развертывание социальной революции в ОАР, несомненно, окажет серьезное влияние на ход событий в других странах Арабского Востока.

⁴ «Правда», 11 мая 1964 г.

3. К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА

Египет — это часть Африки, небольшой кусочек Азии. Расположенный на стыке двух континентов, он даже географически является центром арабского мира, он связывает «Аш-шарк аль-Араби» — Арабский Восток и «Магриб аль-акса» — Дальний Запад.

Арабский Восток для самих арабов — это то, что находится к востоку от Суэца, хотя для европейцев это понятие включает в себя Египет. Район, раскинувшийся между Персидским заливом и Средиземным морем по горизонтали, от турецкой границы до Адена — по вертикали. Район, где, по преданию, зародилась человеческая цивилизация, где тысячелетия назад существовали Ассирийское, Вавилонское, Халдейское царства, Израиль и Иудея, Финикия, на смену которым пришли греческие и римские завоеватели, а впоследствии — Византийская империя, халифаты Омейядов и Аббасидов, великие державы персидских шахов и турецких султанов. Край огромных пустынь. Колыбель трех мировых религий — христианской, мусульманской и иудейской. Хлопок, пшеница, табак Сирии, апельсины и лимоны Палестины, финики Ирака и прежде всего — нефть. Две трети запасов нефти капиталистического мира. Трудлюбивые феллахи равнин, царапающие жалким плугом землю; воинственные всадники горных районов; черные палатки бедуинов среди уныло желтых песков пустыни; искусные ремесленники, бесчисленные уличные торговцы и богатые купцы Дамаска и Мосула, Кувейта и Бейрута; корпуса современных, оснащенных новейшей техникой текстильных фабрик в Халебе и ни-

шне, полукрепостные арендаторы на помещичьих полях; как будто сошедшие со страниц «Тысячи и одной ночи» шейхи в белых бурнуссах, которые вполне в духе XX века проносятся по пустыне в американских «кадиллаках» с кондиционированным воздухом; гигантский нефтеочистительный завод у Персидского залива, роскошные дворцы феодальной знати и невообразимая грязь и убожество предместий, где в лепящихся друг к другу лачугах живут голодные беглецы из деревни, люди, у которых нет ничего, кроме лохмотьев и пары никому не нужных рабочих рук. Это Арабский Восток, где XIII век соседствует с XX, район неправдоподобных социально-экономических контрастов и бурных политических потрясений. До самого последнего времени страны этого района входили составной частью в колониальную систему империализма.

Свободы не было; она не успела даже промелькнуть между периодом турецкого владычества и приходом европейских колонизаторов. Долгие, томительные столетия османского гнета сменились империалистическим господством. Еще задолго до того, как Ирак стал подмандатной территорией Англии, лорд Керзон произнес свою знаменитую формулу «граница Индии проходит по Евфрату»: даже не зная еще о нефтяных богатствах Ирака, британские империалисты твердо решили овладеть им как форпостом на «великом имперском пути» в Индию. А Сирия и Ливан издавна считались зоной французского влияния. И лишь более дикие, пустынные страны, расположенные на Аравийском полуострове, там, откуда вышел в свое время Мухаммед, неся миру ислам на копьях своих воинов, смогли избежать господства колонизаторов.

Захватчики разделили, расчленили, раздробили Арабский Восток. У каждой страны этого района — своя судьба. Труднее всего, пожалуй, сложилась судьба Ирака. Насилием и кровью отмечена история этой многострадальной страны.

ТРАГЕДИЯ ИРАКСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

По территории Ирак почти вдвое больше Англии. От горных хребтов Курдистана до нескончаемых финиковых плантаций юга (Ирак покрывает до

80% мирового спроса на финики) тянется эта страна, ранее называвшаяся Месопотамией.

Многие арабские страны страдают от отсутствия воды. В Ираке две полноводные реки в состоянии до предела напоить благодатную почву, о которой еще с древних времен говорят: «Пощекочи землю — и она улыбнется тебе урожаем». Ученые считают Ирак самой многообещающей страной Среднего Востока в отношении перспектив экономического развития. Предполагают, что земля Ирака при условии осуществления широких ирригационных работ сможет прокормить не менее 15 млн. человек (население страны составляет около 7 млн.).

Но главное богатство Ирака — нефть. Запасы «черного золота» составляют 3,6 млрд. т; 20 лет назад добывалось примерно 3 млн. т, к 1963 году добыча превысила 55 млн. т. Главное месторождение — на севере страны — Киркукское, откуда нефть по нефтепроводам перегоняется в сирийский и ливанский порты на Средиземном море. Примерно $\frac{1}{3}$ нефти добывается на юге, в районе Басры, откуда она вывозится на танкерах. По добыче нефти Ирак занимает седьмое место в мире.

Богатая страна, щедро одаренная природой! Недалом, по преданию, райский сад, Эдем, находился на берегах Тигра и Евфрата. Но народ этой благодатной страны жил при монархии в такой нищете, равную которой трудно было найти на земном шаре. До 80% населения — крестьяне, но земля принадлежала не им, а помещикам и шейхам — вождям племен. Ирак называли страной тысячи шейхов; они держали в руках все экономическое могущество страны. Они жили в городах и изредка наезжали в роскошных американских лимузинах в свои латифундии, где голодные и оборванные крестьяне гнули спины на арендованной земле.

Распределение земли в монархическом Ираке было чудовищно несправедливым и неравномерным: 88% крестьян имели менее 7% земли. Годовой доход большинства крестьян не превышал 20 динаров⁵. Сельскохозяйственным и промышленным рабочим заработной платы не хватало даже на самую скудную «диету»: хлеб, финики, рис, чай. Впрочем, промышленных предприятий

⁵ Динар равен 1 ф. ст.

было мало. Нефть попала в руки трех иностранных компаний — «Ирак петролеум», «Мосул петролеум» и «Басра петролеум», в которых главную роль играет английский и американский капитал. Ежегодно эти компании получают огромные прибыли, исчисляемые десятками миллионов долларов.

Экономическая отсталость, гнет иностранных монополий и феодалов, нищета — такова была безрадостная картина монархического Ирака. Каким образом эта древняя страна, некогда бывшая центром великой арабской империи, дошла до такого плачевного состояния? Взгляд в прошлое даст ответ на этот вопрос...

1918 год. Конец первой мировой войны, конец 400-летнего турецкого господства. Английская армия, преследуя турок, оккупирует Ирак. Иракский народ надеется, что Антанта выполнит свое обещание о предоставлении независимости. Но Англия уже тайно договорилась с Францией о разделе арабских стран.

1920 год. Мощное народное восстание потрясло Ирак после того, как народ узнал о вероломстве империалистических держав: на конференции в Сан-Ремо Англия получила мандат на управление Ираком. Английские войска потопили в крови восстание иракского народа.

1921 год. Англия содействует провозглашению в Ираке конституционной монархии. Королем Ирака становится эмир Фейсал; сын короля Хиджаза Хусейна, ставленника Англии.

1930 год. Напуганная нарастанием освободительного движения, Англия отказывается от мандата на Ирак, но одновременно навязывает Ираку договор, сохраняющий за ней политический и военный контроль над бывшей подмандатной территорией.

1939 год. Сын умершего в 1933 году Фейсала Гази, отношения которого с Англией ухудшились, погибает при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. Вплоть до совершеннолетия его сына, Фейсала II, регентом становится верный слуга Англии Абдель Илах.

1941 год. Военный переворот приводит к власти лидера антианглийской группировки Рашида аль-Гайлани. Между Англией и Ираком начинается конфликт, перерастающий в военные действия. После 30-дневных боев английские войска подавляют движение иракской армии.

1948 год. Растет движение народа за аннулирование договора 1930 года. Премьер Джабр втайне от народа заключает в Портсмуте новый договор, по-прежнему оставляющий за Англией ключевые позиции в стране. Когда об этом становится известно, в стране вспыхивает восстание. Джабр бежит за границу, парламент отказывается ратифицировать договор. Продолжается борьба за расторжение договора 1930 года.

1955 год. Истекает срок действия договора 1930 года. Стремясь сохранить свои позиции в Ираке, Англия заменяет этот договор новым соглашением, оставляющим в силе зависимость Ирака от Англии и сохраняющим за английскими военно-воздушными силами право использования иракских авиабаз. Создается агрессивный «Багдадский блок», в который входят Англия, Ирак, Турция, Пакистан, Иран.

1958 год. Вскоре после объединения Египта и Сирии правящие круги Ирака и Иордании, поощряемые Вашингтоном и Лондоном, объединяются в так называемую Арабскую федерацию, которая становится оплотом империалистов на Среднем Востоке в борьбе против национально-освободительного движения.

В течение 40 лет английский империализм, хозяйничавший в Ираке, сделал все, чтобы закрепить и углубить отсталость и зависимость страны. В законодательном порядке земля была закреплена за помещиками, и, как ни парадоксально это звучит, господство капиталистической державы привело к упрочению и консолидации феодального строя в Ираке. Место Ирака в мировом капиталистическом хозяйстве определялось в основном экспортом двух видов продукции: нефти и фиников. Препятствуя развитию национальной индустрии, всячески сохраняя монокультурный характер экономики страны (вся внешняя торговля была построена на вывозе фиников, а нефть, добывавшаяся из иракских недр, уплывала за границу, не оставляя никакого следа в народном хозяйстве), империалисты обрекали сотни тысяч безземельных крестьян-арендаторов на роль полукрепостных, всецело зависящих от помещиков и ростовщиков.

Вплоть до 14 июля 1958 г. Ирак был связан с империализмом обязательствами по «Багдадскому пакту», по военному союзу — с Англией, две базы которой находи-

лись на его территории, узлами федерации — с Иорданией. Империалисты опирались на армию, над которой они установили, по мнению Англии, прочный контроль, и на придворные багдадские круги во главе с королем Фейсалом, его дядей Абдель Илахом и фактическим правителем страны Нури Саидом. Это были верные прислужники империалистов. Недаром народ называл их «арабами ее величества».

С 1921 года в Ираке сменилось более 50 правительств, но власть всегда оставалась в руках небольшой клики, о которой английский публицист Кимхе писал в своей книге «Семь рухнувших столпов»: «Министры выбирались из одних и тех же 50 или 60 семей... Это были правительства шейхов, их ставленников и друзей для шейхов, их ставленников и друзей. А англичане были крестными отцами».

Нури Саид был семь раз премьер-министром, но и в те периоды, когда он не входил в состав правительства, он оставался фактическим правителем страны. Исключения составляли лишь два эпизода. Первый — военный переворот в октябре 1936 года, когда Нури Саид двое суток скрывался в английском посольстве, а затем на английском военном самолете был переправлен в Каир. Второй — антианглийский переворот Гайлани в апреле 1941 года, когда Саиду вновь удалось бежать через Басру на английском судне (в это же время регент Абдель Илах, переодевшийся в женское платье, бежал из Багдада в машине американского посланника, спрятавшись под ковром).

Продажный политикан Нури Саид учуял закат Британской империи. Не порывая связей с Лондоном, он в 50-х годах стал постепенно переориентироваться на Соединенные Штаты. В последние годы его правления американская печать называла его «лучшим другом» Соединенных Штатов на Среднем Востоке. Один из руководителей американского Института по изучению внешней политики Кломан писал в книге «Идея колониализма»: «...В Ираке Соединенные Штаты, вслед за Англией, стали поддерживать класс феодальных землевладельцев, созданный в начале периода британского влияния. Эта группа отнюдь не озабочена благосостоянием иракского народа. Она остается у власти при помощи подавления политической свободы». Это сказано слиш-

ком мягко. Царство беспощадного полицейского террора — вот что представлял собой монархический режим в Ираке.

Ставленники английских империалистов особенно распоясались после подавления восстания 1948 года. Первый удар они обрушили на коммунистов.

В феврале 1949 года в Багдаде были казнены четыре руководителя Коммунистической партии. Затем террор распространился на все оппозиционные группы, даже на оппозиционные группы буржуазно-либерального направления.

Вскоре после того как в мае 1958 года началось антиимпериалистическое восстание в Ливане, Нури Саид вылетел в Лондон. Там была достигнута договоренность о том, что вооруженную интервенцию с целью подавления восстания в Ливане начнут мусульманские государства — члены «Багдадского пакта». Из Лондона Нури Саид прилетел в Стамбул, где активно занялся подготовкой совещания глав государств—участников пакта. Затем он вернулся в Багдад, отдал одной из бригад приказ быть готовой к переброске в Ливан. Этой бригадой командовал Абдель Керим Касем.

Получив приказ о переброске в Ливан, генерал Касем потребовал усилить его бригаду оружием и боеприпасами. Когда его просьба была выполнена, он двинул свою бригаду в Багдад и при поддержке других восставших частей захватил радиостанцию, телеграф и резиденцию короля.

Правой рукой Касема и непосредственным организатором захвата столицы был подполковник Абд ас-Салам Ареф.

...Большая группа людей собралась с утра 14 июля на стамбульском аэродроме. Время шло, и высокопоставленные особы, среди которых находился президент Турции, все чаще с беспокойством и недоумением поглядывали то на часы, то на небо. Они ждали самолета — самолета, который так и не прилетел.

Это был день открытия сессии «Багдадского пакта», и государственные деятели, собравшиеся на стамбульском аэродроме, ждали иракского короля и Нури Саида. Лишь к полудню было получено сообщение о перевороте в Багдаде. Сессия в Стамбуле не состоялась. «Багдадский пакт» внезапно оказался на краю гибели...

В Багдаде тем временем все было кончено. Кровавый режим развалился от одного удара. Ненавистная народу монархия была упразднена. Король Фейсал, отдавший приказ стрелять в восставших, пал, сраженный пулями, вместе с бывшим регентом Абдель Илахом на ступенях своего дворца. Нури Саиду в момент переворота удалось бежать и пробраться к одному из своих надежных людей, где он провел два дня. Но когда, переодетый в женскую одежду, он шел по улице, чтобы выбраться из Багдада, ребенок заметил пижамные брюки, выглядывавшие из-под юбки. Нури Саид был узнан, выхватил пистолет, но был разорван на куски толпой.

В Ираке была провозглашена республика и создано революционное правительство во главе с Касемом. Ареф стал его заместителем. Народ ликовал. Неделя шла за неделей, а в Багдаде беспрерывно проходили демонстрации и митинги, со всех концов страны прибывали бесчисленные делегации от населения, чтобы выразить свой восторг и заверить правительство в поддержке. Широко развернулась деятельность крестьянских союзов, молодежных, женских, студенческих организаций, сторонников мира. Вышли из подполья политические партии, забурлила, забила ключом политическая жизнь, подавлявшаяся при старом режиме. Бурный энтузиазм народных масс, пробудившихся к революционному творчеству, небывалая в истории страны активность трудящихся, жажда строительства новой жизни, атмосфера подъема, единства, братства — таков был Ирак в первый год после революции. Реакция притаилась, богачи дрожали за свою шкуру. Для борьбы с контрреволюцией были созданы отряды народного сопротивления — вооруженная рабочая гвардия.

Душой и организатором революционной активности масс была Коммунистическая партия. Влияние коммунистов было огромно, народ шел за ними, зная о их самопожертвовании в борьбе против «черного режима», видя их энергию в защите интересов трудящихся. Ирак превращался в очаг демократического движения на Арабском Востоке.

Но все оказалось сложнее и намного мрачнее. Уже через год казавшийся неудержимым поток революции стал мельчать, захлебываться, иссыхать, подобно тому как ручей теряется в пустыне и погибает, не в силах

пробить себе путь через пески. Еще через два года уже ничто не напоминало о революции. А еще через два года...

На рассвете 8 февраля 1963 г. жителей Багдада разбудил грохот бомбардировки. Танки и самолеты восставшей армии штурмовали здание министерства обороны — резиденцию главы правительства. После отчаянной обороны охрана капитулировала. Из подвала полуразрушенного здания навстречу солдатам парашютного батальона вышел, шатаясь, отбросив в сторону автомат с пустым магазином, человек в разорванной, обгоревшей генеральской форме. Всем в Ираке — от мала до велика — было знакомо по тысячам фотографий лицо этого человека — премьер-министра Касема. Касема судил военный трибунал во главе с его бывшим заместителем Арефом, которого он в свое время бросил в тюрьму. Касема приговорили к смертной казни и расстреляли. А на другой день жители столицы увидели на экранах своих телевизоров показанное крупным планом мертвое лицо того, кто велел называть себя «аз-заим аль-аухад» — «единственный вождь».

Ареф стал президентом, но фактически вся власть была сосредоточена в руках баасистов во главе с Саади, человеком честолюбивым и жестоким. Наступил период диктатуры реакционной партии «Баас».

Как могло случиться, что с такой быстротой и легкостью был свергнут режим, пришедший к власти в результате победоносной народной революции 14 июля 1958 г.? Как могло случиться, что генерала Касема, который во главе восставшей армии в те июльские дни шел на штурм монархии и стал первым руководителем революционного правительства, постиг столь трагический конец?

Победа революции 14 июля, свергшей реакционную монархию и ликвидировавшей политический контроль империалистов над страной, была обеспечена благодаря единству национальных сил. Против монархии выступили Иракская коммунистическая партия, Национально-демократическая партия во главе с видным лидером либеральной буржуазии Чадарчи, правобуржуазная партия «Истикляль» и Демократическая партия Курдистана. В революции участвовали и деятели партии «Баас» — ультранационалистической организации.

Внешняя политика правительства Касема была независимой и прогрессивной. Ирак вышел из «Багдадского пакта», покончил с зависимостью от Англии, вступил в группу стран, придерживающихся политики нейтралитета и неучастия в блоках, стал активно выступать на международной арене в защиту мира, против империализма, установил дружественные отношения со странами социалистического лагеря.

Чтобы довести до конца антиимпериалистическую и антифеодальную революцию, необходимо было укрепить единый фронт патриотических сил. Однако правые националисты, представлявшие интересы крупной торговой буржуазии, пошли по другому пути. Они потребовали, чтобы правительство Касема объявило войну коммунистам и другим прогрессивным элементам. Но Касем тогда на это не пошел. В результате между ним и баасистами возник конфликт. Последние встали на путь антиправительственных заговоров. Один из заговоров завершился арестом полковника Арефа, который участвовал в революции 1958 года, но затем был обвинен в сотрудничестве с баасистами.

Партия «Баас» открыто блокировалась с крайне реакционными силами. Сохранить завоевания революции в этих условиях можно было, только опираясь на демократические силы, развивая демократию и революционную активность масс. Это убедительно показал провал Мосульского мятежа в марте 1959 года, организованного баасистами. Касем быстро подавил мятеж благодаря поддержке народа, армии и всех прогрессивных элементов, включая коммунистов. Тогда народ еще верил Касему как лидеру революции, и он, чувствуя эту веру и эту поддержку, мог не опасаться заговоров и покушений. Но в феврале 1963 года этой веры и поддержки масс у Касема уже не было.

Касем окружил себя антикоммунистически настроенными советниками, перешел к гонениям на коммунистов, а затем и на других демократов, сторонников мира, буржуазных либералов. Подвергая преследованиям Коммунистическую и другие прогрессивные партии, он нанес удар по революционному авангарду, приглушил и затоптал энтузиазм народа.

Вопреки требованиям демократов, Касем не подверг чистке государственный аппарат, укомплектованный

реакционными бюрократами, оставшимися от нурисан-довского режима. Поэтому объявленная после революции 1958 года аграрная реформа, положительное значение которой очевидно, осуществлялась крайне медленно и неуклюже, земля распределялась черепашими темпами, помещики и «саркалы» (управляющие) саботировали осуществление реформы, пользуясь попустительством или прямым поощрением местных властей.

Чтобы сломить сопротивление реакции и провести аграрную реформу в жизнь, надо было опять-таки опереться на массы, развязать революционную активность крестьянства. Но Касем боялся народных масс. Он разогнал придерживавшиеся демократической ориентации крестьянские союзы, которые могли бы стать движущей силой аграрных преобразований. В конечном счете Касем, хотел он этого или нет, свел к нулю аграрную революцию, не дал крестьянам землю. Крестьянство — самый массовый отряд революции — потеряло веру в Касема.

Засевшее в центральном и местном аппарате антинародное охвостье, признававшее только одну «идеологию» — антикоммунизм, не хотело и не могло быть опорой прогрессивных преобразований, саботировало проведение индустриализации. Под влиянием реакции Касем пресек свободную деятельность профсоюзов, распустил отряды народного сопротивления — революционное рабочее ополчение. Росла стоимость жизни, увеличивалась безработица. Незадолго до переворота дело дошло до массовых забастовок рабочих.

В последние месяцы своего правления Касем вел войну на севере страны против восставших курдов. Революция 14 июля 1958 г. провозгласила Ирак «республикой арабов и курдов». Полуторамиллионное курдское национальное меньшинство надеялось, что ему будет предоставлено полное равноправие, но правительство Касема отказалось удовлетворить национальные требования курдов, начало жестоко преследовать курдских деятелей. Война против курдов была непопулярна среди иракских солдат и вызвала недовольство среди иракского офицерства.

Судя по всему, Касем с самого начала революции 1958 года стремился к личной власти. Индийская газета «Стейтсмен», отмечая «честность и воздержанность» Касема, подчеркивает его непомерное тщеславие и често-

любие. «Единственно, к чему он стремился,— пишет газета, — это к власти и славе». Он заставил называть себя «единственным вождем». В то же время, теряя опору в народе, он все больше делал ставку на тайную полицию. В последнее время он не доверял даже армии, которую ранее считал своей самой надежной опорой.

По свидетельству одного американского журналиста, «охваченный манией преследования, Касем жил в здании министерства обороны. Днем он спал в своем кабинете, украшенном двумя его портретами и несколькими бюстами, ночью работал под усиленной охраной». Этот человек, больше всего думавший о том, как сохранить свою власть, не замечал нарастания угрозы справа. Он продолжал аресты членов находившейся в подполье Коммунистической партии. Но смертельный удар обрушился на Касема с другой стороны.

Объективную причину свержения режима и гибели Касема можно определить одним словом: разочарование. Глубокое разочарование народа, осознавшего, что долгожданная революция выродилась в бесплодную диктатуру человека, не обладавшего ни программой, ни идеями, ни, самое главное, способностью или желанием дать людям то, чего они требовали и что он обещал. А обещал Касем многое: «новую революцию каждый месяц», крестьянам — землю, рабочим — ликвидацию нищеты, курдам — равные права, всему народу — свободу и демократию. Но для того чтобы все это осуществить, нужны были люди из народа, живущие интересами народа. А таких людей Касем отстранил, бросил в тюрьмы или загнал в подполье.

Рассказывают, что за несколько минут до смерти полковник Махдауи, бывший председатель Народного трибунала, расстрелянный вместе с Касемом, упрекнул свергнутого диктатора в том, что тот порвал с коммунистами. Несомненно, роковой шаг от 14 июля 1958 г. к 8 февраля 1963 г. был сделан Касемом именно тогда, когда он обрушил репрессии на коммунистов и всех демократов. Слепленный антикоммунизмом, Касем боялся удара слева, а гибель пришла справа. Импералистические нефтяные монополии, крупные землевладельцы, реакционные офицеры и бюрократы английской школы, воспитанники Нури Саида — все они не доверяли Касему, считая его по старой памяти слишком «левым».

Они не могли простить ему тех прогрессивных шагов, которые он предпринял в первый период своего правления. И они нашли подходящее орудие для свержения Касема: партию «Баас» — беспринципную, озверевшую от многочисленных неудач в борьбе за власть. Итак, переворот совершился: вместо диктатуры воцарилась разнузданная тирания, на смену реакционному правительству пришел фашизм.

Иракский народ никогда не забудет 1963 год, год крови и смерти. Историки обычно подчеркивают, что ни в одной арабской стране политические перемены не сопровождаются такими кровопролитиями, как в Ираке. Но такого жестокого насилия, такого бешеного разгула палачей, как в 1963 году, в этой многострадальной стране не было никогда. Истребление коммунистов в феврале и марте; заточение в тюрьмы и концлагеря десятков тысяч демократически настроенных людей, подвергнутых гестаповским пыткам и издевательствам; расправа с «юнионистами» — сторонниками союза с ОАР — в мае; истребительная война против курдского народа — летом и осенью. Таковы основные вехи господства фашистской клики Саади.

„БААС“ РВЕТСЯ К ГОСПОДСТВУ

«Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий» — название этой партии можно перевести двояко: «социалистическая партия арабского возрождения» или «партия арабского социалистического возрождения» (грамматика допускает даже третий вариант: «арабская социалистическая партия возрождения»). Первое название более правильное, поскольку партия в ее нынешнем виде образовалась в 1954 году путем слияния «Хизб аль-баас аль-арабий» — «партии арабского возрождения» с «Аль-хизб аль-иштиракий» — социалистической партией. Новое название объединило наименования обеих слившихся партий.

Основателем первоначальной партии «Баас» был Мишель Афляк, основателем социалистической партии — Акрам Хаурани.

В сентябре 1940 года, когда Афляк, незадолго перед тем окончивший университет, основал партию «Баас», Арабский Восток находился уже на грани двух эпох. Иностранное господство было обречено, хотя еще предстояла борьба за его окончательную ликвидацию. Вместе с ним доживала свой век феодальная верхушка, исторически уже обанкротившаяся. Неотвратимо теряло авторитет и первое, старшее поколение арабских националистов, выходцев из аристократических семей. Знамя национализма предстояло взять в руки представителям нового поколения. Молодая интеллигенция была разочарована в старых лидерах, стремилась найти свой путь, сочетать культурное и интеллектуальное влияние Запада с традициями ислама. Как писал в лейбористском журнале «Венчер» специалист по арабским проблемам Эрскин Чайлдерс, появление «Баас» было «отражением крайнего нетерпения, которое испытывало новое поколение арабов в связи с отсутствием единства в арабском мире, продолжающимся западным господством, коррупцией и консерватизмом династических и капиталистических режимов, союзных с западными державами или подчиненных им».

В Египте эти настроения впоследствии были воплощены в насеровском движении, охватившем военную интеллигенцию. В Сирии партия «Баас» привлекла к себе и часть офицерства, но основной ее контингент состоял из гражданской интеллигенции и представителей городских промежуточных слоев. «Эта партия, — писал специалист по ближневосточным вопросам Герман Файнер в американском журнале «Миддл истерн афферс», — состоит из среднего и низшего офицерства, школьных учителей, студентов и некоторых элементов сельского населения. Наиболее ревностными носителями ее идей являются люди, которых можно назвать первым поколением образованных сыновей и дочерей низшего слоя среднего класса, а также восходящая молодежь из крестьянства».

О привлекательности «Баас» для этих людей Чайлдерс писал так: «Она предлагала включившимся в политику, но находившимся в замешательстве молодым людям тайные ячейки, возбуждавшие их воображение, и серьезную политическую работу. Для молодых выпускников институтов и студентов даже стать членом партии

уже означало бросить вызов обществу, это наполняло их своего рода опьянением. В течение двух лет продолжался кандидатский период: будущего члена партии, сначала именовавшегося «сочувствующим», затем «кандидатом в члены», изучали и проверяли, и только после этого он мог испытать гордость, став полноправным участником этой тайной элиты, которая, казалось, имела особую судьбу».

Но главная привлекательность партии для молодежи, разумеется, всегда состояла в том, что основным лозунгом и принципом «Баас» было арабское единство. Партия взяла на вооружение идею необходимости возрождения единства арабского мира — идею, созревавшую и распространявшуюся (главным образом в Сирии) еще с конца XIX века, но не воплотившуюся в какие-либо организационные формы. Появление «Баас» означало, что на смену расплывчатым и разнородным движениям, кружкам, группировкам сторонников арабского единства впервые пришла подлинная политическая партия, причем не национального, а общеарабского масштаба. Афляк и его сторонники с самого начала взяли курс на то, чтобы создать не сирийскую, а общеарабскую партию. Исходя из концепции о том, что арабы представляют собой единую нацию, баасисты решили создать единую организацию с филиалами во всех арабских странах.

Иногда ошибочно считают, что баасисты являются чуть ли не основоположниками движения за арабское единство. На самом деле их программа в этом отношении не содержит ничего нового по сравнению с идеями и лозунгами, выдвигавшимися задолго до них как сирийскими, так и египетскими идеологами арабского национализма. Афляк взял эти популярные носившиеся в воздухе идеи на свое вооружение и сделал их идеологической базой своей политической организации.

Таким образом, уже в первоначальной партии «Баас» содержались почти все ее характерные элементы, сохранившиеся до сих пор: мелкобуржуазно-интеллигентский состав, программа, ставившая в центре объединение арабских стран, жесткая организационная структура, придававшая ей с самого начала сходство с законспирированной заговорщической организацией. Последнее было необычным явлением для сирийской политической жизни, где, в отличие от Египта с его массовой партией

«Вафд», политические партии имели характер аморфных верхушечных группировок, лишенных организации в собственном смысле слова. Революционной партией была лишь Коммунистическая, и баасисты, несомненно, воспользовались ее опытом и даже скопировали некоторые ее организационные черты.

Но одного элемента баасистского движения в то время еще не было: «социалистической» окраски. Она была придана партии в 1954 году, когда Афляк и его правая рука Битар объединились с социалистической партией Хаурани.

Будучи всегда прагматиком, молодой адвокат Акрам Хаурани не очень заботился о разработке глубоких идеологических концепций. Он создал партию в своем городе Хомсе, и влияние ее первоначально не выходило за пределы Хомса. Энергичный организатор, хороший оратор, Хаурани завоевал авторитет у хомских рабочих, сельскохозяйственного пролетариата и окрестного крестьянства. Он выступал с обычным набором левых лозунгов и приобрел репутацию защитника интересов трудового народа.

Объединенная партия, получившая свое нынешнее наименование, стала располагать двумя важнейшими инструментами идеологического воздействия на умы арабских масс: утверждением идеи арабского единства и концепцией социализма. Именно это отличало ее от других националистических партий и течений, идеологией которых был только антиимпериализм. Если добавить к этому централизованную организацию, дисциплину «Баас», то причины ее популярности станут понятны.

Что представляют собой лидеры «Баас»?

Мишель Афляк — христианин, по своему виду и манерам типичный преподаватель университета, теоретик и идеолог партии, закулисный комбинатор, не обладающий качествами народного лидера или государственного деятеля.

Акрам Хаурани, которому около 50 лет, во многих отношениях является полной противоположностью Афляку. Это человек, претендующий на роль вождя народа, трибуна, государственного деятеля первой величины, — динамичный и крайне честолюбивый. Если Афляк предпочитает держаться в тени и оттуда управлять событиями, дергая за нити, то Хаурани всегда стремился быть на виду. В 1941 году он принимал участие в антианглий-

ском движении Рашида Гайлани в Ираке; во время палестинской войны добровольно вызывался участвовать в военных действиях. После прихода к власти военного диктатора Шишекли Акрам Хаурани сотрудничал с ним и даже входил в правительство, но затем впал в немилость, подвергся репрессиям и бежал в Ливан, а впоследствии активно участвовал в борьбе против Шишекли. Свою социалистическую партию он основал в 1950 году. Впоследствии, уже после объединения с Афляком, установил сотрудничество с коммунистами и вплоть до 1957 года действовал вместе с ними в рамках своего рода «народного фронта», прилагая в то же время все усилия для того, чтобы ослабить своих союзников и в конце концов избавиться от них. Хаурани был одним из инициаторов объединения Сирии с Египтом, получил пост вице-президента ОАР, но вскоре утратил всякое политическое влияние. Разница в подходе к вопросу о возможности дальнейшего сотрудничества с Насером явилась одним из решающих факторов разрыва Хаурани с Афляком. В то время как Афляк и Битар после 1961 года не захотели сжечь мосты и решили сохранить возможность установления контакта с Насером в будущем на более равноправных условиях, Хаурани настаивал на том, что восстановить свои позиции в Сирии «Баас» может, только решительно отмежевавшись от Насера. Хаурани рассчитывал всплыть вновь на поверхность на гребне антинасеровской волны, взметнувшейся в Сирии после 1961 года. Афляк же считал, что это—временное явление, не связанное к тому же с личностью самого Насера, престиж которого в глазах большей части народа оставался высоким. Для баасистов, по мнению Афляка, было выгодно использовать популярность Насера как лидера арабского национализма, сыграть на своей идеологической близости к нему, вне зависимости от конфликта в плане межгосударственных отношений.

Каковы же идеологические основы партии «Баас»?

В ст. 1 «общих принципов» программы «Баас» указывается: «Партия «Баас» является всеобщей арабской партией, имеющей свои организации в различных арабских странах. Она рассматривает местные политические вопросы лишь с точки зрения высших интересов арабской нации».

В ст. 4 программы «Баас» определяется как «социа-

листическая партия, убежденная в том, что социализм представляет собой необходимость, проистекающую из самой сущности арабского национализма, ибо он является идеальным строем, позволяющим арабскому народу осуществить свои возможности, добиться наилучшим образом расцвета своего гения и обеспечить всей нации постоянное развитие материального и морального уровня и более тесное братство между ее членами».

В книге Мишеля Афляка «Битва единой судьбы» говорится: «Наш социализм — это средство возрождения нашего национализма и нашей нации, это — ворота, через которые арабская нация вновь входит в историю». «На шкале ценностей единство стоит выше, чем социализм», — пишет Афляк в той же книге.

Другой идеолог партии, лидер ливанских баасистов Кловис Максуд писал: «Арабский национализм — это движение, которое стремится восстановить природу арабской нации и создать необходимые условия для строительства общества, в котором можно будет добиться подъема материального и интеллектуального уровня арабов».

В то же время Афляк подчеркивает, что при всем значении, которое баасисты придают экономической проблеме, проблеме распределения богатства, эта проблема не является коренной: «Действительная проблема состоит в том, чтобы пробудить дух нации...». «Наша опора на массы, — пишет Афляк, — не вытекает из теории классов».

В программных установках «Баас» говорится о справедливом общественном строе, о распределении богатств на справедливой основе, о запрещении эксплуатации, о том, что богатства страны принадлежат нации, что государство должно контролировать как внешнюю, так и внутреннюю торговлю, об ограничении земельной собственности до пределов, обеспечивающих владельцу возможность обрабатывать землю без эксплуатации чужого труда и под контролем государства в соответствии с его экономическим планом. Говорится также об участии рабочих в управлении производством и в прибылях, о планировании экономики, о социальном обеспечении и т. д. Отмечается необходимость ограничения собственности мелких промышленников. Однако Хаурани однаж-

ды заявил: «Мы, как социалисты, видим необходимость поощрения национального капитала, который способствует хорошему развитию нашей экономики».

Стоит отметить, что баасисты придерживаются теории о «пролетарских нациях». Афляк писал, что если на Западе гнет распространяется только на отдельные классы, то на Востоке — на целые нации.

Партия «Баас» по своему характеру — замкнутая, конспиративная организация типа закрытого средневекового ордена, строго централизованная, неспособная искренне сотрудничать ни с кем. Иранская газета «Азербайджан» писала, что «„Баас“ не признает ни одного из правительств арабских стран, даже арабское националистическое правительство Насера. Не исключена возможность, что уже теперь составляются планы переворотов в ОАР и других арабских странах». Генеральная идея Афляка и его сторонников — «баасизировать» весь арабский мир, унифицировать политические режимы во всех арабских странах, объединить их под господством своего политического аппарата. Этот гегемонизм баасистов, естественно, не мог не видеть в Насере главное препятствие на пути осуществления честолюбивых замыслов Афляка и его группы.

Орган итальянской Коммунистической партии «Уни-та» характеризует «Баас» как группу интеллигентов-оппортунистов, неспособную добиться власти самостоятельно и поэтому готовую служить кому угодно, лишь бы достичь этой цели. У баасистов, писала «Уни-та», «нет революционной экономической программы; зато есть ясное подтверждение намерения защищать частную собственность». Журнал итальянских коммунистов «Ринашита» считает, что баасисты являются сейчас защитниками интересов «капиталистических групп новейшей формации», что партия «Баас» стала «выразителем того страха, который испытывают банкиры, крупные коммерсанты, помещики перед социальной революцией, перед коммунизмом и насеризмом (который для них представляется столь же опасным)».

Сегодня течение, представленное Насером, — это течение глубокой социальной революции в арабском мире. «Баас» же, в лице ее правого крыла, господствовавшего до последнего времени, связала свою судьбу с силами, не заинтересованными в подобной революции. До тех пор,

пока Насер выступал лишь как знаменосец арабского национализма, баасисты были довольны союзом с ним. Как только египетское руководство встало на путь радикальных социально-экономических преобразований, баасисты ополчились против Насера.

Те же самые баасистские лидеры, которые в конце 1957 года буквально упрашивали Насера согласиться на объединение Египта и Сирии в одно государство (вместо создания федерации, как предполагал Насер), спустя четыре года вместе с «классическими» партиями сирийской буржуазии возглавили сепаратистские силы и повели антиегипетскую кампанию. Крупные сирийские коммерсанты, землевладельцы, текстильные фабриканты, рассчитывавшие, что объединение с Египтом позволит им ликвидировать растущую «угрозу» коммунистического влияния в Сирии, к 1961 году увидели, что их земли и капиталы оказались под угрозой. Они организовали сепаратистский переворот, приведший к отделению Сирии от ОАР, и баасисты, показав свое подлинное лицо прислужников буржуазной реакции, стали беззастенчиво поносить то, за что они ратовали вчера. Правда, сирийская буржуазия, не доверявшая баасистским авантюристам, предпочла править страной без них. У власти вновь стали «традиционные» партии — национальная и народная. Премьер-министром Сирии был старый, опытный буржуазный политик Халед аль-Азм, один из богатейших людей Сирии. Казалось, что все вернулось к прежнему: земельную реформу, которую по инициативе Насера начали проводить и в Сирии, постепенно свернули, национализированные были предприятия начали возвращать прежним владельцам. Дельцы, фабриканты, помещики, политиканы, вновь окунувшиеся в родную стихию парламентских интриг, — все эти деятели «старого режима» самодовольно потирали руки: они были уверены, что перехитрили и египтян, и своих коммунистов, и баасистов. Вернулся «золотой век» буржуазной демократии в Сирии.

Но это была лишь иллюзия. Арабский Восток уже пробудился, массы требовали перемен, отмахнуться от египетского примера было уже невозможно. К началу 1963 года недовольство режимом Азма стало проявляться открыто. Волновались рабочие, крестьяне требовали аграрной реформы, в армии солдаты и офицеры слушали

каирское радио, разоблачавшее реакционную власть в Дамаске. Три с половиной года объединения с Египтом были сложным периодом в истории Сирии и имели немало отрицательных сторон, но одно несомненно: старый порядок был поколеблен, семена реформ были посеяны, и они начали давать всходы. Усиливалось влияние групп, требовавших воссоединения с Египтом. Разочарование народа чувствовалось все сильнее. В воздухе явственно запахло переворотом. Буржуазия перепугалась. И тогда на сцене вновь появились баасисты.

После того как 8 февраля 1963 г. баасисты пришли в Ираке к власти, мало кто в Сирии сомневался, что на очереди — баасистский путч в Дамаске. Во всех кафе — центрах политической жизни открыто говорили, что дни правительства Халеда аль-Азма уже сочтены. Вопрос был лишь в том, кто раньше ударит, баасисты или «юнионисты», то есть сторонники воссоединения с Египтом. Сирийская буржуазия из двух зол выбрала меньшее: она сама распахнула перед баасистами дверь к власти.

...8 марта 1963 г. на шоссе, ведущем к Дамаску от палестинской границы, запылили колонны грузовиков. Это двигался на столицу дивизион зенитной артиллерии, которым командовал полковник Харири. Все знали, что колонна едет совершать переворот, и все спокойно пропускали ее. В Дамаске путчисты без сопротивления овладели зданием генерального штаба и радиостанцией. Главнокомандующий армией отстегнул кобуру с пистолетом и равнодушной походкой отправился в тюрьму (разумеется, ненадолго). Премьер-министр проследовал через сад своего дома в соседний особняк — турецкое посольство — и попросил политического убежища.

Так совершился этот опереточный переворот. Харири не был баасистом. Оказавшись хозяином положения, он мог призвать к власти сторонников Насера. Но руководящая верхушка, гражданская и военная, предпочла баасистов. Правительство возглавил Салах Битар. Известно откуда вынырнувший Мишель Афляк, как верховный босс, распоряжался и в Дамаске и в Багдаде. Партия «Баас» торжествовала. Она впервые оказалась у власти, да еще сразу в двух странах. Баасисты решили воспользоваться этой милостью Фортуны и закрепить свою редкую удачу.

Прежде всего сирийские и иракские баасисты обратились к Каиру и вступили в переговоры о единстве, результатом которых явилась декларация от 17 апреля 1963 г. о создании тройственной Объединенной Арабской Республики. Но это был лишь маневр, рассчитанный на то, чтобы обмануть массы, среди которых был популярен лозунг арабского единства. Больше всего правые баасисты боялись объединения с революционным Египтом.

Решив, что они усыпили бдительность общественности своими лозунгами о единстве, баасисты принялись «наводить порядок» у себя дома: объявив вне закона коммунистов, они затем обрушились на сторонников объединения с ОАР.

Из сирийской армии было уволено много офицеров-юнионистов, они были заменены ставленниками «Баас». Активисты трех юнионистских организаций — Движения арабских националистов, Объединенного арабского фронта и социалистов-юнионистов — были подвергнуты репрессиям, их лидеров изгнали из правительства и из Национального совета революционного командования. Виднейшей фигурой стал примкнувший к баасистам генерал Харири, тот самый, который организовал переворот 8 марта и во главе дивизиона зенитной артиллерии, пройдя маршем с южной границы, занял Дамаск.

Казалось, что честолюбивый молодой генерал не сегодня-завтра станет диктатором: он явно рассчитывал сыграть на противоречиях между баасистами и сторонниками Насера, полагая к тому же, что баасисты не поднимут руку на того, кто привел их к власти. Увы, Харири оказался недостаточно опытным игроком, чтобы противостоять искушенным в интригах баасистам. Согласившись на увольнение из армии офицеров-юнионистов, он лишился той силы, на которую мог бы опереться против баасистов.

Харири никогда не был для баасистов «своим» человеком. Используя его в своих интересах, они поспешили избавиться от новоявленного претендента на роль диктатора. Его соратник по перевороту 8 марта генерал Луэй аль-Атаси, председатель Национального совета революционного командования, предпочел не ссориться с баасистами и остался в стороне. В результате Харири был выслан во Францию. Мавр сделал свое дело...

Но и генерала Атаси не спасла его соглашательская

позиция. Его не сочли достаточно надежным. Афляк и Битар также оказались не у дел. На сирийском политическом горизонте вспыхивали и гасли новые звезды, пока власть не сосредоточил в своих руках генерал Амин Хафез.

Пока крутилась эта политическая карусель, Сирия являла собой удивительную картину: министры и высшие чиновники, назначенные на свои посты исключительно по принципу «благонадежности», но зачастую понятия не имеющие о положении дел в стране, об экономических проблемах, интересующиеся только политическими комбинациями; офицеры, каждый из которых считает, что вскоре наступит его час и что достаточно батальона солдат и десятка броневиков, чтобы захватить власть; журналисты, гадающие, кто именно совершит следующий переворот. Заговоры, слухи о заговорах, опровержения слухов, подозрительные передвижения войск. Никто не доверяет друг другу, каждый норовит переиграть партнера; начальники пытливо всматриваются в лица подчиненных: от кого ожидать удара? Возникают и тут же распадаются блоки и коалиции.

Это — картина, обычная для традиционной политической жизни буржуазной Сирии: начиная с 1946 года в стране в среднем каждые 20 месяцев происходит путч или попытка путча. В Дамаске пользовался успехом такой анекдот: к зданию генерального штаба подходит офицер. Часовой спрашивает его: «Что вам угодно?» Тот отвечает: «Совершить государственный переворот». «Вы что, порядка не знаете? Вон за углом очередь». Но в отличие от Ирака, где государственные перевороты всегда сопровождались убийствами и расстрелами, где одна клика свирепо расправлялась с другой, в Сирии было принято высылать свергнутых противников за границу, чаще всего в качестве военных атташе в Латинскую Америку. После свержения и расстрела диктатора Хусни аз-Заима в 1949 году сирийские пронунциаменто происходили в основном без пролития крови. И именно партия «Баас» стала той силой, которая нарушила эту традицию...

18 июля 1963 г. группа уволенных из армии офицеров во главе с капитаном Мухаммедом Набаханом проникла в расположение инженерного батальона и захватила оружие, а затем вместе с другими группами заговорщиков при поддержке части дамасского гарнизона и

курсантов школы связи попыталась овладеть зданием генерального штаба и радиостанцией. После уличных боев путч был подавлен. Был введен комендантский час, заработали военные трибуналы, впервые за долгие годы посыпались смертные приговоры.

По утверждениям иностранной печати, инициаторами неудавшегося переворота 18 июля были сторонники немедленного единства с ОАР. Недаром вслед за подавлением путча было арестовано 58 видных сторонников сирийско-египетского союза, в том числе те, которые участвовали в апрельских трехсторонних переговорах.

Реакция в Каире была быстрой и недвусмысленной. Президент Насер в самых резких выражениях заклеил баасистов и отказался иметь с ними дело. В ответ бывший в то время премьером Сирии Битар заявил: «Речь президента Насера создала новую ситуацию, которая влечет за собой отсрочку единства». Таким образом, можно считать соглашение 17 апреля утратившим силу.

Хотя правые баасисты сделали все, чтобы очистить армию от своих противников и заменить их преданными партии людьми, они, судя по всему, не слишком доверяли профессиональным военным. По примеру своих иракских друзей они приступили к созданию баасистской милиции — «национальной гвардии» — в количестве 25 тыс. человек (баасисты определяют численность своей партии в Сирии в 10 тыс. человек).

Однако вскоре «национальная гвардия» была распущена. Ход событий усугубил изоляцию правого крыла «Баас», которая и прежде не располагала массовой базой. И, как писала бейрутская газета «Ориан», партии «Баас» удавалось удерживаться у власти скорее всего потому, что «никто из ее противников не силен настолько, чтобы прийти ей на смену». Баасисты сумели сыграть на недовольстве значительной части офицеров порядками, которые существовали в Сирии вообще и в армии в частности в период унии с Египтом. Офицеры, влившиеся в ряды армии после чистки сторонников Насера, опасались потерять свои посты в случае юнионистского переворота и только поэтому активно поддерживали «Баас».

Эти офицеры, так же как и крупная сирийская буржуазия, видели в господстве «Баас» единственную альтернативу прихода к власти сторонников Насера. Сирийская буржуазия недовольна Насером, поскольку он нанес

удар по египетским капиталистам и национализировал все их предприятия. Перспектива распространения египетских законов о национализации на Сирию в случае осуществления единства страшила сирийских дельцов.

Дамасская торговая палата в своем меморандуме, направленном министру экономики, указала на следующие элементы серьезного экономического кризиса в Сирии: сокращение резервов иностранной валюты, рост внешней задолженности, нежелание иностранных банков предоставлять Сирии новые кредиты, упадок доверия к сирийскому фунту за границей, уменьшение экспорта в соседние страны, рост цен на внутреннем рынке, трудности со сбытом, угроза закрытия ряда предприятий и роста безработицы, застой в торговле и медленный рост продукции в целом.

По мнению торговой палаты, это объясняется главным образом политической нестабильностью, боязнью деловых людей вкладывать капиталы в развитие сирийской экономики. В качестве рецепта палата рекомендовала правительству практически отказаться от всякого контроля над финансовыми операциями с заграницей, поощрять частную инициативу и т. д. Иными словами, буржуазия требовала от баасистов вернуть страну полностью на путь «классического» капитализма, либеральной экономической политики.

Сирийские капиталисты не ограничились меморандумами. Стремясь подтолкнуть правительство вправо, они стали применять тактику саботажа и шантажа, вредить интересам национальной экономики, перевозить капиталы за границу. Результат, однако, оказался неожиданным для них. В январе 1965 года правительство издало указы о национализации 115 компаний. Было объявлено, что Сирия встает на путь социалистических преобразований.

Буржуазия, взбешенная внезапным ударом, ответила массовым саботажем. Закрылись магазины и лавки. Немедленными арестами ряда капиталистов и несколькими смертными приговорами правительство Хафеза сломило сопротивление реакции. Народные массы поддержали новый прогрессивный курс правительства.

Как же получилось, что сирийская буржуазия просчиталась, надеясь на партию «Баас»? Во-первых, за два года пребывания у власти в руководстве партии про-

изошли серьезные изменения, особенно в последние месяцы. Правое крыло «Баас» во главе с Афляком и Битаром утратило прежнее влияние. Во-вторых, сама жизнь, объективная необходимость экономического развития, подтолкнула правительство Хафеза на борьбу против тех элементов, которые это развитие тормозили, как это уже было раньше в Египте. Логика революции пробила себе дорогу. В-третьих, сыграл роль пример ОАР: глубокий кризис партии «Баас», потерявшей почву под ногами, заставил ее руководство обновить свои ряды и энергичными, популярными в народе мероприятиями восстановить свой авторитет.

В Ираке баасисты этого не сделали и потерпели полный крах. 19 ноября 1963 г. президент Ирака Ареф совершил новый переворот и ликвидировал баасистский режим в Багдаде. Покорно сдала оружие баасистская «национальная гвардия» — этот деклассированный сброд, эти обманутые мальчишки, дорвавшиеся до винтовки, головорезы, бесчинствовавшие на улицах и до смерти надоевшие всем, в том числе иракским деловым людям. Так позорно закончилось господство фашистской банды Саади, успевшей за восемь месяцев залить Ирак кровью.

Таким образом, правый, или ортодоксальный, баасизм сброшен со своих позиций, и можно уже говорить о крахе право-баасистского эксперимента в целом как специфического порождения сходящего со сцены рахитичного арабского капитализма, маскирующегося лозунгами социализма и единства.

Да и сама проблема арабского единства ставится иначе, чем раньше, не так, как в 1957—1958 годах, когда поспешно, без подготовки объединились Египет и Сирия. В прогрессивных, революционных кругах арабского мира растет понимание того, что подлинное единство возможно лишь на базе глубоких социальных преобразований, обеспечивающих власть представителей народных масс, что сначала надо покончить с господством эксплуататоров внутри, а затем уже объединяться.

«В умах народных масс лозунг арабского единства все больше связывается не только с борьбой против империализма и реакции, но и с борьбой за демократию и социализм, — подчеркнул представитель сирийских коммунистов Захир Абдуссамад, выступая в Праге на обмене мнениями, организованном редакцией журнала

«Проблемы мира и социализма». — Вместе с развитием мировых событий новое понимание у народных масс получило и содержание лозунга арабского единства. Концепция национального освобождения и создания независимого арабского государства переросла в национально-демократическую, социалистическую концепцию. Цель осуществления арабского единства в понимании народных масс уже не ограничивается достижением независимости и установлением национальной власти в едином государстве, а стала синонимом развитой национально-демократической власти, открывающей путь к социализму... Так или иначе, единство будет достигнуто в соответствии с волей широких масс».

Президент Насер заявил, что проблема единства «начала широко впитывать в себя социальное содержание». Он подчеркнул, что «общество арабского единства будет создано лишь на базе свободы и социализма».

Новая постановка вопроса об арабском единстве — результат опыта, накопленного за последние годы, опыта, изобиловавшего трудностями, не свободного от ошибок, но научившего многому. Успехи египетской национально-демократической революции, вступающей в этап социалистических преобразований, и крах псевдосоциализма правых баасистов — вот два фактора, оказавших наибольшее влияние на эволюцию взглядов арабской общественности в этом вопросе.

Проблема единства переведена, таким образом, в социальную плоскость. Уже ясно, что не может быть прочным и жизнеспособным объединение стран, часть которых вступает на социалистический путь, а часть еще не избавилась от феодальных порядков, где господствуют реакционные, проимпериалистические режимы. Передовые общественные силы арабского мира сознают, что единство — это не самоцель, не панацея от всех бед, а рычаг освобождения от империализма, рычаг социального прогресса.

История арабского мира сложилась так, что процесс формирования единой нации совпал с решающим этапом борьбы арабских народов за независимость. Сама судьба арабской нации, вопрос о том, консолидируется ли она или останется своеобразной «большой семьей» отдельных наций, зависит от того, насколько быстро и успешно будет развиваться национально-демократическая рево-

люция, насколько глубоки будут социальные преобразования, смогут ли трудящиеся массы уже в ближайшее время стать решающей силой процесса обновления форм общественной жизни.

Если прогрессивные, антиимпериалистические силы окончательно утвердят свою волю и свои идеалы в ходе борьбы за арабское единство, можно ожидать создания единого государственного организма на Арабском Востоке (объединение его с Магрибом, имеющим свою особенность и свои проблемы, скорее всего, встанет на повестку дня позднее и, возможно, выльется в более гибкие формы). Такое единство будет отвечать интересам арабских народных масс, ибо оно будет иметь антиимпериалистический, антикапиталистический, социалистический характер. Следовательно, это арабское единство будет иметь положительное значение в историческом процессе перехода человечества к новым, справедливым, социалистическим формам общественного устройства.

„КУРДИСТАН ИЛИ СМЕРТЬ!“

Судьба курдского народа — это большая несправедливость истории.

Честные, храбрые, трудолюбивые, гостеприимные курды не в меньшей степени, чем любой другой народ, заслуживают свободы и независимости. Но они попали в трагический водоворот истории и оказались разобращенными. Страна курдов поделена между тремя государствами — Ираком, Ираном и Турцией. Небольшая часть курдского народа живет в других соседних странах.

Иракские курды (их около полутора миллионов человек) живут на горном севере, в провинциях Мосул, Киркук, Эрбиль, Сулеймания. Горы, в основном голые, лишь частично покрыты лесами, разделены глубокими долинами, в которых расположены сотни деревень. Жители сеют пшеницу, ячмень, рис, табак, выращивают овощи и фрукты. Часть курдов занимается скотоводством.

С арабами их роднит мусульманская религия, но у курдов свой язык, свои обычаи, своя древняя оригинальная культура. Более двух тысяч лет живут они в своих родных горах и долинах, и ни один из бесчисленных

завоевателей, пересекавших на своем пути Курдистан, не упускал возможности разорить и ограбить курдов. Но каждый раз возрождались из пепла курдские селения, каждый раз с неиссякаемым мужеством строил все заново на голом месте этот на редкость вольнолюбивый народ, никогда за всю свою историю не позволивший надеть себе на шею ярмо. В бесчисленных битвах за свободу закалялась, отчеканивалась, как благородный металл высшей пробы, доблесть курдов, этих «рыцарей Востока». Народ землелашцев и воинов, курды сызмальства приучены к винтовке. Их прославленная воинственность неопределима от их любви к свободе.

Турецкие, а затем английские захватчики делали все, чтобы посеять рознь между курдами и арабами, натравить их друг на друга. Простые труженики обеих национальностей мирно жили бы бок о бок, но алчная и жестокая феодальная знать как с той, так и с другой стороны раздувала шовинистические настроения. Шейхи в арабских селениях Северного Ирака с детства вдалбливали в головы людей гнусную поговорку: «На свете три зла: курд, крыса и саранча». Курдские феодалы — ага предводительствовали отрядами головорезов, готовых убивать и грабить кого угодно — арабов в Ираке или армян в Турции.

Когда в районе Киркука были найдены богатейшие месторождения нефти, Курдистан сразу приобрел для западных капиталистов важное значение. После первой мировой войны Англия и Франция едва не передрались из-за нефти бывшего турецкого Мосульского вилайета, абсолютно не считаясь с тем, что до победы над Турцией они обещали жителям Курдистана независимость. В этой схватке Ллойд-Джордж одержал верх над Клемансо, и Мосульский вилайет был включен в состав подмандатного Англии Ирака. Курды оказались в положении неравноправного, угнетенного меньшинства. Они сразу же поднялись на борьбу за свободу. Выдающийся вождь курдских патриотов шейх Махмуд поднял восстание, овладел Сулейманией и провозгласил ее столицей курдского государства. Английская армия безжалостно подавила этот очаг курдской свободы. Вновь и вновь поднимался на борьбу неутомимый шейх Махмуд, но силы были неравны. Бывший английский верховный комиссар в Ираке Вильсон говорил: «В течение последних лет британские

королевские воздушные силы упорно бомбили курдское население». Но «порядок» так и не был установлен.

В 1931—1932 годах Курдистан был охвачен новым мощным восстанием, которым руководил Ахмед Барзани. Английская авиация безжалостно обрушилась на восставших, используя бомбы замедленного действия, уничтожая с воздуха даже скот. Восстание Барзани было подавлено, но в 1935 году курды вновь поднялись на борьбу за свободу. После восьми месяцев героической борьбы восставшие были разбиты, их вождь, доблестный шейх Халиль Хашави, был захвачен в плен и расстрелян. Вслед затем было подавлено восстание курдов-иезидов во главе с Даудом ад-Даудом.

Прошло семь лет. Вновь загремели выстрелы в долинах Курдистана. Вождем восстания в 1943 году стал брат Ахмеда Барзани, сорокалетний шейх Мулла Мустафа. Этот замечательный человек стал вождем курдских патриотов. Выходец из богатейшей феодальной семьи, владевшей сотнями тысяч голов скота, Мулла Мустафа бросил все ради борьбы за свободу своего народа. Его жизнь — это восстания, поражения, тюрьмы, ссылки, длительная эмиграция. Он бил иракские войска Нури Саида в 1943 году, под градом английских бомб отступал в Иран в 1945 году, вернулся в Ирак после революции 1958 года, был единодушно избран председателем Демократической партии Курдистана. А когда летом 1961 года Касем, перейдя на сторону реакции, начал гонения на курдов, Барзани возглавил отпор угнетателям. В Курдистане началась война, равной которой по масштабам и ожесточению еще не было в истории этой страны. Уничтожая сотни деревень, зверски истребляя мирное курдское население, армия Касема черепашими темпами продвигалась вперед, на ее пути вставали все новые отряды храбрецов, готовых отдать жизнь за родину.

«Пеш морга» — «не боящиеся смерти» — так называли себя курдские повстанцы. Их лозунг: «Курдистан или смерть!». Это не означало, как утверждала враждебная пропаганда, что курды намерены развалить иракское государство и выйти из его состава. Они просто требовали автономии, то есть того, что было записано в конституции; они требовали равноправия с арабами в рамках иракской нации; они отвергали ассимиляцию и стреми-

лись сохранить свои, курдские, нравы и обычаи, свой язык, свою культуру, свою пережившую столетия национальную самобытность. Все это и воплощалось для них в понятии «Курдистан», и ради этого «пеш морга» готовы были на смерть. Вооруженные винтовками, а иногда и устаревшими ружьями, курдские патриоты дрались, как львы, против полчищ Касема, вооруженных самолетами и танками. Их воодушевляла и организовывала демократическая партия Курдистана — руководящая сила курдского освободительного движения, выступающая не только за национальную автономию, но и за социальные преобразования.

Касем несколько раз объявлял о подавлении восстания и о конце войны, но ему не пришлось дожить до этого. Сменившие его у власти баасисты вначале, когда они еще чувствовали себя непрочно, прекратили военные действия и вступили в переговоры с Барзани. Курды потребовали предоставления им полного равноправия, культурной автономии, выделения доли доходов от нефти на нужды развития курдских районов, участия представителей курдского меньшинства в центральной администрации. Но баасисты отнюдь не были намерены идти навстречу законным требованиям курдского народа. Затягивая переговоры, они сосредоточивали свои войска на севере и готовились возобновить военные действия. Закончив развертывание войск, баасисты вероломно, в чисто фашистском духе, нанесли удар.

10 июня 1963 г. пламя войны снова охватило многострадальный Курдистан. На этот раз курдский народ понес больше жертв, чем когда-либо. Злодеяния Касема бледнеют перед зверствами баасистских палачей, проводивших в Курдистане подлинный геноцид. Сжигая деревни напалмом, уничтожая посевы и расстреливая из пулеметов коров и овец, каратели стремились задушить курдов голодом. Это была война на истребление. Под угрозу было поставлено само существование курдского народа в Ираке. И курды ответили на варварскую агрессию мобилизацией всех материальных и духовных сил. Никогда еще в их бурной истории курдов не постигало столь страшное бедствие, и никогда еще они не выступали навстречу врагу с такой самоотверженностью, с такой железной решимостью, с таким абсолютным пониманием

того, что судьба будущих поколений зависит от их стойкости.

Душой народного сопротивления вновь стала Демократическая партия. Замелькала на дорогах страны, появляясь в местах самых горячих боев, знакомая всем курдам величественная фигура шестидесятилетнего вождя Барзани верхом на коне, с винтовкой в руке. Войска, посланные баасистской кликой, занимали города, но вся сельская местность, все дороги оставались под контролем Освободительной армии Курдистана. Багдадские власти подкупили несколько курдских феодалов, и отряды этих изменников, пышно именовавшиеся «конницей Салахэдина», воевали против своего народа. Но и это не помогло банде Саади-Шабиба. К осени 1963 года наступление иракской армии захлебнулось. Вновь, как и при Касеме, курды сохранили свою армию и доказали, что «умиротворение» Курдистана возможно лишь после полного уничтожения всех освободительных сил, а это оказалось не под силу иракской армии. Неудача баасистов в их преступной войне против курдского народа стала одной из причин общего краха их господства в Ираке.

...В начале июня 1964 года в городе Рания состоялась первая встреча между Муллой Мустафой Барзани и премьер-министром Ирака генералом Тахиром Яхья. Разогнав баасистов, президент Ареф объявил о прекращении войны с курдами. Он признал право курдов на автономию и послал своего премьер-министра на переговоры с курдским лидером. На этих переговорах Барзани выступал как признанный и неоспоримый руководитель курдских патриотов. Он говорил от имени непокоренного народа, от имени 15-тысячной Демократической партии, от имени 20-тысячной Освободительной армии.

Но не прошло и года, как в горах Курдистана вновь загремели выстрелы, вновь запылали селения и по дорогам потянулись, уходя от наступающих правительственных войск, толпы беженцев. Реакционным силам удалось снова спровоцировать войну, толкнуть правительство на возобновление военных действий против курдов. Обещание о предоставлении Курдистану автономии в рамках иракского государства осталось неосуществленным.

...Оживленное село Сенгесер в 120 километрах к северу от Сулеймание — временный штаб Барзани. Беспре-

рывно входят и выходят люди: это закаленные в боях воины, не раз смотревшие в глаза смерти, имеющие огромный опыт борьбы за свободу. Они готовы воевать, они, как всегда, полны решимости отстаивать права своего народа. В беседе с югославским журналистом генерал Барзани заявил: «Мы ни на кого не нападаем, мы хотим торжества правды и человеческих прав. Опыт показал, что курдскую проблему нельзя решить силой — ее можно решить лишь на основе доброй воли».

Курдская проблема — это и арабская проблема, это часть общего комплекса вопросов, связанных с освобождением и возрождением арабского мира. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Справедливое решение курдского вопроса — необходимая предпосылка прогресса Ирака, страны арабов и курдов, а следовательно, одно из важных условий прогрессивного развития всего арабского мира.

НЕФТЬ, КРОВЬ И ПЕСОК

«Несчастлива страна, имеющая нефть, которую она не может защитить», — писал выдающийся арабский писатель Амин Рейхани.

Для арабских стран, для стран Персидского залива сказочные богатства их недр, содержащие свыше $\frac{2}{3}$ запасов нефти капиталистического мира, обернулись тяжким проклятием.

Район Персидского залива — один из крупнейших в мире резервуаров «черного золота».

...26 мая 1908 г. струя нефти взметнулась к небу в пустынном прибрежном уголке южного Ирана. Это забил первый фонтан на Ближнем Востоке. Так началась грандиозная нефтяная эпопея, привлекавшая к этому району внимание самых могущественных капиталистических монополий.

Предприимчивый английский авантюрист Уильям д'Арси, получивший в 1901 году первую концессию на разведку и добычу нефти на Ближнем Востоке, не мог даже и подозревать о том, на какую золотую жилу он попал. Но это отлично поняли крупные финансовые воротилы, занявшиеся ближневосточной нефтью после того, как стало ясно, что д'Арси этот бизнес не под силу. Сей-

час разведанные запасы нефти в районе Персидского залива исчисляются примерно 25 млрд. т. Особенно богат нефтью Кувейт — крошечное княжество с населением 321 тыс. человек. Нефтяные запасы Кувейта составляют 8,5 млрд. т, Саудовской Аравии — 6,7 млрд. т и Ирака — 3,6 млрд. т (единственная неарабская нефтедобывающая страна — Иран — обладает запасами в 4,7 млрд. т).

Мир не знал таких темпов роста добычи нефти, как на Ближнем Востоке. Сорок лет назад здесь добывалось менее 5 млн. т нефти, а в 1963 году было добыто 344 млн. т, в том числе в Кувейте — 97,5 млн., в Саудовской Аравии — 81 млн., в Иране — 73 млн., в Ираке — 55,5 млн., на Бахрейне — 2,2 млн., в Катаре — 9,1 млн., в Нейтральной зоне — 16,4 млн. т.

Арабский Восток является одним из крупнейших мировых центров нефтедобычи. Безлюдные аравийские пустыни с их верблюжьими караванными тропами пересечены линиями нефтепроводов, несущих нефть от Персидского залива к средиземноморским портам. В чьих же руках находится весь этот гигантский бизнес?

Международный нефтяной картель — вот имя хозяина, а точнее узурпатора ближневосточной нефти. Это так называемая «большая семерка»: пять американских компаний — «Стандард ойл (Нью-Джерси)», «Стандард ойл оф Калифорния», «Сокони мобайл ойл» (все три — рокфеллеровские), «Галф ойл» и «Тексас ойл»; две английские — «Ройял датч Шелл» и «Бритиш петролеум». Распределение интересов не одинаково в разных странах: так, нефть Кувейта поделена поровну между американской «Галф ойл» (из группы Меллона) и английской «Бритиш петролеум». Нефть Саудовской Аравии целиком контролируется американским капиталом, создавшим для этого специальную компанию «АРАМКО» (в нее входят все три рокфеллеровские компании и «Тексас ойл»). В Ираке две рокфеллеровские компании имеют 23,75%, по такой же доле имеют две английские компании — «Ройял датч Шелл» и «Бритиш петролеум» и одна французская. Такое же, как в Ираке, соотношение сил в Катаре, а нефть Бахрейнских островов поделена между двумя американскими компаниями — «Стандард ойл оф Калифорния» и «Тексас ойл». Всего в этом районе мира сконцентрированы интересы 2 английских, 1 французской и 22 (!) американских нефтяных компаний.

История ближневосточной нефти — это история ожесточенной борьбы конкурирующих монополий Англии и Соединенных Штатов. После первой мировой войны началось наступление американских нефтяных магнатов на английскую «нефтяную империю». Уже к началу второй мировой войны США контролировали 14% ближневосточной нефти, а в 1960 году — почти 60%. Американское преобладание в этом районе сейчас неоспоримо, и ближневосточная политика США направлена прежде всего на то, чтобы сохранить контроль над нефтяными богатствами арабских стран. Недаром в свое время французский журнал «Перспектив» назвал одного из творцов внешней политики США, покойного Дж. Ф. Даллеса, «верховным жрецом нефтяной религии».

Это — религия больших барышей. Прибыли нефтяных компаний на Ближнем Востоке баснословны. Причина этого — прежде всего исключительно высокая продуктивность нефтяных скважин в районе Персидского залива. Одна скважина в США дает 0,6 т нефти в год, а средняя продуктивность скважины в этом районе — 238,1. Это позволяет обходиться очень низкими затратами на разведку и подготовку к эксплуатации скважин: такого рода расходы на тонну добываемой нефти составляют в США 8,31 долл., а на Ближнем Востоке — всего 0,04 долл. Не менее важно то, что заработная плата рабочего-нефтяника в арабских странах в шесть, а кое-где в десять раз ниже заработной платы американского нефтяника.

Таким образом, себестоимость арабской нефти несравненно ниже себестоимости американской нефти. Но продается и та и другая нефть по единым мировым ценам, так называемым ценам Мексиканского залива, достаточно высоким для того, чтобы гарантировать высокие прибыли техасским нефтепромышленникам. Удивительно ли, что цена, например, кувейтской нефти превышает ее себестоимость в 16—17 раз, так что, по словам официального английского издания, «в настоящее время нефть может добываться в Кувейте, перевозиться через океан и продаваться в США, и ее цена все же будет ниже цены нефти, добываемой в США».

Английские и американские нефтяные монополии, добывающие нефть в Кувейте, за один год получают от продажи сырой нефти прибыль, почти вдвое превышающую весь вложенный ими капитал. По некоторым дан-

ным, ближневосточная нефть обходится монополиям в 22 раза дешевле, чем американская. Это поистине неслыхаемый источник доходов!

По подсчетам экономистов, норма эксплуатации арабских нефтяников иностранными компаниями составила в 1960 году 3400%. Такой степени эксплуатации рабочих нет нигде в мире (в США, например, норма эксплуатации в нефтяной промышленности составляла 254%). Капиталовложения иностранных монополий в нефтедобывающую промышленность Ближнего Востока окупаются менее чем за полтора года (а в США — примерно за десять лет).

Разумеется, не все прибыли идут в карман хозяев монополий — они вынуждены делиться ими с местными правительствами. В последние годы всюду на Ближнем Востоке утвердился принцип «фифти-фифти», то есть 50 : 50. Но означает ли это, что действительно половина прибылей от добычи нефти остается в самих странах, которым эта нефть принадлежит? Отнюдь нет. Дело в том, что отчисления производятся лишь от прибылей, извлекаемых компаниями непосредственно при нефтедобыче и при транспортировке сырой нефти по нефтепроводам к ближневосточным портам. Но ведь на этом цикл операций с нефтью вовсе не заканчивается: ее перерабатывают, перевозят на танкерах к рынкам сбыта и продают, и на каждой из этих операций зарабатывают прибыли, но эти прибыли целиком достаются монополиям. Размеры доходов настолько велики, что в целом, по мнению специалистов, общая сумма прибылей, извлекаемых монополиями из всего цикла операций с ближневосточной нефтью, примерно вдвое больше, чем отчисления, выплачиваемые ими местным правительствам.

Но это не самое главное. Важнее другое: в чьи же руки попадают отчисления от прибылей, иначе говоря, кто стоит у власти в нефтепроизводящих странах Арабского Востока, в чьих интересах действуют правительства, заключившие сделки с иностранными нефтяными монополиями?

...Саудовская Аравия — «королевство „кадиллаков”». Не случайно так называют эту огромную пустынную страну, страну священных городов мусульман — Мекки и Медину, страну великих пустынь и богатейших залежей нефти. Огнем и мечом создал свое государство Ибн-Сауд — отец

нынешнего короля, знаменитый воин, напоминавший средневекового арабского рыцаря, сподвижника Мухаммеда, чудом оказавшегося в XX веке. Суровый властелин, глава фанатической секты ваххабитов — ревнителей чистоты ислама, Ибн-Сауд разгромил всех своих врагов и объединил земли большей части Аравийского полуострова. Очень мало современного было в этом удивительном королевстве, где не было даже государственного бюджета, а была лишь личная казна короля, где процветало рабство и на площадях рубили головы.

Перемены принесла нефть. Королевский казначей, носивший золотые монеты в кожаном мешочке у пояса, стал распорядителем колоссальных сумм: в казну стали поступать сотни миллионов долларов в год. Эти деньги было кому тратить: ведь в Саудовской Аравии ни более, ни менее как 322 принца! Часть их — дети покойного Ибн-Сауда: король за свою долгую жизнь имел множество жен (ислам, как известно, разрешает иметь одновременно не более четырех жен, но правила развода настолько легки, что богатые люди могли при желании менять жен без конца при условии, если они материально обеспечат всех жен после развода). Король имел также огромное количество наложниц, и общее число его детей вообще никому неизвестно.

Каждый принц, каждый влиятельный шейх должен иметь роскошный дворец и лимузин новейшей американской марки — «не хуже, чем у людей». «Кадиллаки», каждый стоимостью в несколько десятков тысяч долларов, заполнили города пустынной страны. Говорят, что шейхи меняют автомобили, как только в них наполняются пепельницы: это, конечно, шутка, но в действительности знатные люди часто меняют машины, поспевая за последним криком американской моды. У некоторых автомобилей бамперы и молдинги сделаны из чистого золота, внутри — установка для кондиционирования воздуха.

Во втором поколении саудовская верхушка разложилась. Вместо суровых пуритан ваххабитов страной правят феодалы, утопающие в роскоши. Сын Ибн-Сауда, ныне низложенный Сауд ибн Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман аль-Фейсал ас-Сауд, или попросту король Сауд, велел сделать себе в самолете золотой трон. Каждый год он уезжал в Европу (на Ривьеру, в Швейцарию или в Австрию) со всем своим многочисленным гаремом. Каж-

дый день этого «отдыха» король расходовал почти в три тысячи раз больше денег, чем зарабатывает в течение целого года его подданный — крестьянин. Был случай, когда Сауд посетил одно из соседних княжеств, тоже нефтеносных, и к его приезду был специально построен дорогой дворец, а после визита дворец сломали, так как после короля никто уже не мог считаться достойным в нем жить.

Вот куда идут сотни миллионов долларов в год, отчисляемые американскими нефтяными компаниями. Образу жизни саудовской верхушки подражают правители большинства соседних нефтепроизводящих стран. Все они зависят от нефтяных монополий. За счет нефтяных прибылей английские империалисты подкармливают и многочисленных князей, эмиров, шейхов карликовых княжеств бывшего «пиратского берега», правителей так называемого «Договорного Омана», владык Абу-Даби, Шарджи, Дибая и других территорий, которым почти полтора столетия назад Англия навязала договор «О вечном перемирии на море» и которыми фактически управляет британский резидент на Бахрейне. Оман, Маскат, Хадрамаут, Аден — это также арабские названия, но фактический хозяин и здесь Англия, и даже там, где нет нефти, все подчинено интересам «нефтяной империи».

Знаете ли вы, читатель, что самые отвратительные и дикие формы рабства, деспотизма, угнетения сохраняются в некоторых княжествах Аравийского полуострова по вине британских империалистов, консервирующих здесь крайнюю реакцию? Знаете ли вы, что еще существуют рынки невольников, что кое-где сохранился средневековый способ казни, когда приговоренного зашивают в мешок вместе с кошкой и бросают в воду? Местные тираны и самодуры делают, что хотят, потому что они знают: англичанам с ними «спокойнее», они не допустят перемен в затхлых уголках нефтяного полуострова.

Когда дело касается нефти, капиталисты не шутят. Нефть — это фунты и доллары, это большие деньги, и поэтому нефть — это также и кровь. Никто никогда не сможет подсчитать количество жертв «нефтяной лихорадки» на Арабском Востоке. Это — жертвы борьбы между самими конкурирующими монополиями и между монополиями и патриотическими силами поработанных ими стран.

Например, проблема нефтепроводов. Стоимость транспортировки одного барреля нефти морским путем составляет 45 центов, а по нефтепроводу — всего 18 центов, то есть нефтепровод дает чистой прибыли 27 центов за каждый баррель нефти. После второй мировой войны американские компании решили протянуть нефтепровод из района Аль-Хасы в Саудовской Аравии к сирийскому порту Сайда, чтобы сократить издержки и получить возможность увеличить добычу аравийской нефти. Переговоры с сирийским правительством уже близились к успешному концу, когда англичане инспирировали государственный переворот в Дамаске. Однако их ставленник — полковник Хусни Заим через некоторое время после захвата власти переменял ориентацию и ратифицировал соглашение о нефтепроводе с американцами. Он был свергнут и расстрелян другой военной кликой во главе с полковником Хеннауи. На другой же день после переворота американо-сирийское соглашение было расторгнуто. Казалось, английские монополии одержали победу, но третий этап этой зловещей инсценировки, разыгравшийся в декабре того же 1949 года, привел к свержению, а затем и к убийству Хеннауи и к переходу власти в руки полковника Шишекли. Расторгнутое нефтяное соглашение было восстановлено. Звенья нефтепровода потянулись от песчаных дюн Аль-Хасы к берегам Средиземного моря. Американские монополии выиграли битву за Сирию, битву за 27 центов прибыли с барреля.

Оман — это двойное государство, состоящее из имамата Омана и султаната Маската, стало ареной схватки между монополиями. Когда американские компании получили концессию в этой английской вотчине, в Лондоне было решено действовать быстро и энергично. В декабре 1955 года войска английского ставленника — султана Маската напали на имамат Оман, фактически бывший независимым с 1920 года, и оккупировали главный город Низву. «Ирак петролеум компани», в которой преобладают английские интересы, начала разведку нефти. Но брат свергнутого имама — эмир Талиб, бежавший в Каир, вернулся в 1957 году и овладел Низвой. Тогда султан призвал английские войска. В голых горах, перерезанных глубокими долинами — «вади», начались бои. Финиковые рощи, поля, перерытые подземными оросительными каналами, скалистые морские берега огласились ревом

бомбардировщиков королевских воздушных сил. Патриоты ушли в горы, но сопротивление не прекратилось. В 1960 году оманский вопрос был поставлен на Генеральной Ассамблее ООН, но английская агрессия продолжается и по сей день. В далекой, заброшенной горной стране гибнут мирные люди, горят под бомбами деревни. Ни одной капли нефти еще не добыто из недр Омана, но для империалистов дело в принципе: они не могут допустить, чтобы ветер свободы ворвался на полуостров, в котором заинтересованы крупнейшие магнаты бизнеса.

Долго ли может продолжаться эта упорная борьба с историей, эта борьба твердолобых, борьба наследников Керзона и Лоуренса за то, чтобы преградить путь прогрессу на Аравийском полуострове? 1962 год дал ответ на этот вопрос. Ветер свободы ворвался на полуостров с другой стороны — с юго-западного угла.

27 сентября 1962 г. армия свергла монархию в Йемене. Перестал существовать тысячелетний имамат, цепко державшийся в стране, которую, словно в насмешку, по древней традиции именовали «счастливой Аравией».

«Прошлое, которое настойчиво пыталось остаться в настоящем», — так назвала одна из арабских газет монархический режим в Йемене. Вся социально-экономическая структура страны была каким-то окаменелым остатком средневековья. В Йемене сохранялись пережитки родоплеменного строя, 80% феллахов не имели земли и арендовали ее у помещиков на кабальных условиях. Арендная плата и налог государству составляли до $\frac{3}{4}$ урожая. В стране не было ни высших, ни даже средних учебных заведений, $\frac{9}{10}$ населения было неграмотно, считать умели только купцы. Не было ни железных дорог, ни шоссе; вся промышленность состояла из кустарно-ремесленных предприятий. На улицах можно было видеть людей, закованных в тяжелые цепи: это было наказание за различные провинности. Деспотизму и самодурству имамов не было предела.

Несколько десятилетий сидел на троне имам Яхья. В 1948 году он был убит восставшими, в числе которых был его шестой сын, Ибрахим. Но старший сын имама, принц Ахмед, получив поддержку от Ибн-Сауда, овладел столицей. Более тридцати повстанцев было обезглавлено, принц Ибрахим умер в тюрьме от «сердечного приступа».

Среди офицеров, заключенных в тюрьму, находился молодой Абдалла ас-Саляль. Если бы новый имам Ахмед мог заглянуть в будущее, он бы никогда не простил себе того, что оставил в живых этого офицера, которому суждено было впоследствии сокрушить его династию.

В 1955 году еще один сын покойного имама, принц Абдалла, поднял восстание против своего брата, но сын Ахмеда, молодой принц Мухаммед аль-Бадр, освободил отца, которого заговорщики уже бросили в тюрьму. переворот оказался неудачным. Абдалла был повешен.

Наступил день 19 сентября 1962 г. Имам Ахмед умер, Бадр вступил на престол. Он освободил из заключения ас-Саляля и его друзей и поставил их во главе армии. Бадр не знал, что ас-Саляль возглавляет тайную организацию «Свободные офицеры».

Прошла неделя. В ночь на 27 сентября танки подошли к королевскому дворцу и открыли по нему огонь из орудий. В дыму и пламени мелькнул силуэт всадника, падающего вместе с конем. Это был имам Бадр. Его, правда, не удалось опознать среди многих трупов, найденных в развалинах дворца, но было решено, что он погиб. Однако Бадр был только ранен. Ему удалось скрыться, он отлежался в горах, у верных ему вождей племен, и начал войну за возвращение на престол.

Но поздно. Монархия была уничтожена. Армия провозгласила республику. Абдалла ас-Саляль, ставший маршалом, вступил в должность президента. Было отменено рабство, гарантировано равенство всех граждан перед законом, учрежден народный суд, рабочие получили право объединиться в профсоюзы.

Так было покончено с одним из самых реакционных, деспотических и косных режимов в мире. Для древнего Йемена наступила долгожданная пора свободы. Еще недавно про эту страну с насмешкой писали: «Йемен быстрыми шагами вступает в XIII век». Но жители горной страны захотели перенестись через столетия, избавиться от рабства, варварства, нищеты и произвола. Они горячо поддерживали армию, выступившую в защиту общенациональных интересов. В сентябре 1962 года произошел не дворцовый переворот, а совершилась революция.

Йемен никогда не был колонией империалистических держав, и на его территории не добывается нефть. Нельзя также сказать, что королевский режим всегда проводил

проимпериалистическую внешнюю политику. На этом основании апологеты колонизаторов могут сказать, что йеменская революция не имеет ничего общего с антиимпериалистическим движением и события в этой стране безразличны для Запада. Но это далеко не так. Йеменская революция — первая ласточка перемен в пустынях Аравийского полуострова. Республиканские лидеры не скрывают того, что их вдохновлял пример египетской революции, что их идеал — независимость и социальный прогресс. Поэтому можно сказать, что йеменская революция совершила прорыв в системе архаичных феодальных монархических режимов, господствующих в наиболее отсталых частях арабского мира и представляющих собой опору империализма. И хотя в Йемене нет нефти, он находится в самом сердце «нефтяной империи» Запада, и йеменская спичка может зажечь гигантский резервуар, из которого исправно черпают нефть, перекачивая ее в доллары и фунты, рокфеллеры и «Бритиш петролеум».

Президент Йеменской Аравской Республики маршал Абдалла ас-Саляль провозгласил десять принципов революции: осуществление социальной справедливости, экономическое развитие с целью обеспечения всех граждан работой, жильем и общественными услугами, искоренение вражды между племенами, ликвидация мрачного наследия, доставшегося от прежнего режима, создание сильной национальной армии, оснащенной современным оружием, для защиты от агрессоров и предателей, строительство школ и высших учебных заведений, строительство больниц, полное использование природных ресурсов страны, наказание всех предателей, агентов, сторонников прежнего режима, защита завоеваний народа от посягательства со стороны империалистов и реакционеров.

Уже через месяц после революции была опубликована временная конституция. Правительство освободило из тюрем 3 тыс. политических заключенных, конфисковало огромные поместья короля и его семьи, начало осуществлять на практике бесплатное медицинское обслуживание. В ряде заявлений руководителей революции была начертана внешнеполитическая программа республики, сводящаяся к политике позитивного нейтралитета и неприсоединения к блокам, политике борьбы против империализма. Новое правительство установило дружественные отношения с социалистическими странами.

В декабре 1962 года правительство разработало пятилетний план экономического развития. Государство берет на себя осуществление крупных проектов, требующих больших капиталовложений. Речь идет о поисках нефти, строительстве цементного и сахарного заводов, прядильно-ткацкой фабрики, о строительстве дорог, плотин. Мелкие предприятия будут создавать частные лица. Решено осваивать новые земли, импортировать с этой целью ирригационные машины и тракторы. Началась подготовка к распределению среди феллахов конфискованных земель площадью 4 млн. федданов.

Но не успела йеменская революция взяться за работу по искоренению тысячелетней отсталости, как ей пришлось поднять винтовку. Короли Саудовской Аравии и Иордании под эгидой Лондона и Вашингтона организовали интервенцию против молодой республики. Имам Бадр обманом или подкупом привлек на свою сторону некоторые племена. В октябре 1962 года развернулись военные действия. С севера и юго-востока на республику надвигались вражеские силы. 4 октября правительство ас-Саляля объявило всеобщую мобилизацию, а 10 ноября заключило соглашение с ОАР о взаимной обороне. Было создано совместное военное командование, в Йемен стали прибывать египетские войска. Много раз Бадр и те, кто снабжал его оружием, деньгами, объявляли о том, что они контролируют то половину, то $\frac{3}{4}$ страны, что они осадили столицу, отрезали египетские гарнизоны. Но им не удалось уничтожить республику. Ход военных действий изменился в пользу республики, и вскоре Иордания, а за ней и Саудовская Аравия были вынуждены отказаться от открытой интервенции. В ноябре 1964 года, когда Фейсал сменил Сауда на троне в Эр-Рияде, в Йемене было достигнуто соглашение о прекращении огня.

Для того чтобы понять, почему Бадра поддержал ряд племен, надо иметь в виду, что больше половины жителей Йемена — зейдиты, то есть они принадлежат к зейдитской секте ислама. Основоположник секты — Зейд бен Али, внук третьего шиитского имама Хусейна, жившего в эпоху пророка Мухаммеда. Зейдиты создали в Йемене теократическое государство, в котором имам — глава как светской, так и духовной власти — считается потомком Хусейна или его брата Хасана. Следовательно, для религиозных людей — а таких среди зейдитов почти

сто процентов — имам является святым, потомком пророка, и защищать его — почти то же самое, что защищать религию. Поэтому не приходится удивляться тому, что неграмотные горцы воюют за «своего короля». Примечательно, наоборот, то, что большинство населения все же поднялось выше религиозных предрассудков и поддерживает республику.

Но есть и другая причина. Жизнь горных племен Йемена проникнута традициями кровавой мести. С детства люди не расстаются с оружием, столетиями продолжают враждебные отношения между племенами, родами, семьями. Набеги, разбой — обычное явление в отдаленных районах. Есть деревни, где мужчины спят с винтовкой под подушкой. Легко понять, что в этой атмосфере гражданская война до крайности обострила старую вражду между племенами и часто дело обстоит так, что, если шейх одного племени поддержал республику, шейх враждебного племени становится сторонником Бафра.

Но пока эта арабская Вандея истощает себя в бесплодных атаках на крепость революции, республика уже строит новую жизнь, уже думает о завтрашнем дне. Естественно, новые лидеры Йемена, наученные опытом других стран, видят своего наиболее надежного союзника и друга в Советском Союзе. В марте 1964 года президент ИАР Абдалла ас-Саляль посетил Советский Союз. 21 марта был подписан договор о дружбе между СССР и Йеменской Арабской Республикой. С помощью советских людей и на средства, предоставленные Советским Союзом в виде долгосрочного кредита, йеменцы будут осваивать земли под посевы хлопка, строить цементный и рыбоконсервный заводы, дорогу между Ходейдой и Танзом, в Йемен будут направлены советские рыболовные суда, советские геологи займутся изучением недр страны. В интервью, опубликованном 26 марта, президент ас-Саляль заявил: «С помощью Советского Союза мы имеем возможность строить в Йемене совершенно новую жизнь и твердо противостоять попыткам любого вмешательства реакции и империализма в дела нашей страны. Все это вызывает у нас чувство горячей и глубокой благодарности к Советскому Союзу».

«Счастливая Аравия» вступила на путь, который может позволить стране оправдать свое древнее название. Но республике еще предстоит завершить этап вооружен-

ной борьбы, решить вопрос о границах, прежде всего о южной границе. Однако это — часть более общего вопроса об освобождении Южной Аравии, часть проблемы Адена.

Об Адене сложены легенды. Одна из них гласит, что именно в этом месте Ной погрузился на свой ковчег и таким образом положил начало аденскому мореплаванию. Рассказывают также, что в этих местах закончил свою жизнь Каин после того, как убил Авеля; огромные каменные резервуары якобы построены по приказу царицы Савской; возведение сохранившихся до сих пор бастионов на вулканических берегах приписывается царю Соломону.

Сейчас Аден—это 200 тыс. кв. км и 200 тыс. человек населения, из которых 80%—арабы, остальные—индийцы, сомалийцы и европейцы. С 1839 года—это колония Англии, хотя формально статут колонии был введен спустя 100 лет, в 1937 году. Аден—это одна из крупнейших английских военно-морских баз, штаб английского военного командования на Среднем Востоке. Аден—гигантский нефтеочистительный завод, строительство которого обошлось в 130 млн. долл. и годовая производительность которого составляет 5 млн. т нефтепродуктов.

Рядом с колонией Аден был протекторат Аден, вернее два протектората — восточный и западный. В оба протектората входило в общей сложности 25 мелких княжеств. До 1839 года все территории Адена были частью Йемена, и на этом основывается нынешняя позиция йеменского правительства, считающего, что Аден—это отторгнутая англичанами южная провинция Йемена.

Зачем нужен англичанам Аден? Он утратил свое прежнее значение в наш век термоядерного оружия. На территории Адена нет полезных ископаемых, которые могли бы привлекать англичан. Их интересует Аден как база для контроля над всеми окружающими нефтеносными районами на Аравийском полуострове. Да и сами англичане этого не скрывают. Журнал «Нью стейтсмен» писал: «Истинная причина нашей власти над Аденом не является секретом: это близость Кувейта, тот факт, что почти половина потребляемых Англией нефтепродуктов идет оттуда».

Сторожевая башня нефтяной империи магнатов Сити—вот что такое Аден для Англии. Но в последние годы

в колонии Аден стали развиваться знаменательные процессы, предвещающие грозу для британских хозяев. Развитие экономики порта привело к возникновению многочисленного рабочего класса и к созданию мощного Конгресса профсоюзов, насчитывающего в своих рядах 22 тыс. объединенных рабочих. Английская газета «Скотсмен» назвала этот конгресс «самой действенной организацией на Ближнем Востоке», а «Файненшл таймс» охарактеризовал его как «наиболее организованное профсоюзное движение на Ближнем Востоке». Конгресс создал свою политическую партию — народную социалистическую партию.

Чувствуя угрозу своим позициям, колонизаторы повели решительную борьбу против профсоюзов. Они запретили всякую политическую деятельность профсоюзов, объявили забастовки незаконными. Был издан закон о регистрации иностранцев, по которому рабочих, родившихся вне пределов Адена (а таких почти 90%), могут в 24 часа выслать из страны. Английские власти разжигают вражду между «настоящими» аденскими рабочими и «выходцами из Йемена». И, наконец, колонизаторы пустили в ход самое коварное оружие: они решили объединить Аден с княжествами протектората, создать федерацию Южной Аравии. Этот шаг рассчитан на то, чтобы слить высокоразвитый район Аден со средневековыми эмиратами, населенными бедуинами, чтобы растворить массовые организации колонии и потопить их в болоте федеральной марионеточной федерации.

Политические и профсоюзные организации Адена резко выступили против создания колонизаторской федерации. 23 июля 1962 г. в Адене состоялась всеобщая забастовка протеста, а спустя два месяца — массовая демонстрация. Английские войска открыли огонь по толпе. Федерация была провозглашена, и в марте 1963 года в нее был включен Аден.

После йеменской революции марионеточная федерация стала базой подрывных действий английских империалистов против молодой республики. Каирская газета «Аль-Ахрам» сообщала, что англичане создали в Адене и в султанате Бейхан специальную организацию, в которую входят завербованные английские офицеры и солдаты, получающие в месяц около 400 ф. ст. каждый, а также группа французских наемников, бежавших из Катан-

ги, и, наконец, западногерманские «добровольцы». Во главе этой организации, проводящей подрывные военные операции против Йеменской Республики, стоит английский майор Джон Купер, связанный с Интеллидженс сервис.

Британские колонизаторы решили одним ударом убить двух зайцев: задушить непокорный дух пролетарского Адена, натравив на него своих феодальных сатрапов, и помочь врагам Йеменской Республики нанести решающий удар революционным силам в Йемене. По существу Англия начала агрессию в Южной Аравии. И патриоты приняли вызов. Весной 1964 года в горном районе Радфан, в 100 км к северу от Адена, началось восстание «красных волков». Характер восстания не вызывал сомнений: это было освободительное движение южноаравийских патриотов, полных решимости покончить с колониальным гнетом и воссоединить Аден с его матерью-родиной — Йеменом.

В бой против патриотов был брошен 2-тысячный английский гарнизон, вооруженные силы федерации (так называемая «национальная федеральная гвардия»), а также бедуинский легион. Потом стали прибывать подкрепления. Бывший в то время премьером Англии Дуглас Хьюм заявил, что он лично отдал приказ бомбардировать с воздуха позиции повстанцев в Южной Аравии. Бывший министр по делам колоний и Содружества наций Сэндис подтвердил, что политическое урегулирование может последовать лишь за «восстановлением порядка».

«Восстановление порядка!» Арабы, как и жители десятков других стран Азии и Африки, хорошо знают, что это такое. Это бомбы и пулеметы, карательные экспедиции, сожженные деревни, трупы женщин и детей... Такой «порядок» стали наводить колонизаторы и в горах Радфан. 17 мая агентство Рейтер в очередной передаче из Адена сообщало, что в операциях против «красных волков» вновь участвовали английские реактивные истребители. Около 15 тыс. жителей были вынуждены оставить свои дома и бежать из родных мест.

Но война разгорается. По «воздушному мосту» из Англии перебрасываются подкрепления, но ни реактивные истребители, ни новейшие минометы не могут «восстановить порядок». Периодически сообщается: «Фронт

национального освобождения южного Йемена объявил, что в боях в районе Радфан убито столько-то английских солдат». Все громче раздаются голоса, задающие вопрос: не идет ли Англия по пути Соединенных Штатов, не превращается ли Аден во второй Южный Вьетнам?

Встревоженные этой перспективой, колонизаторы поспешили созвать в Лондоне конференцию по вопросу о будущем южноаравийской федерации. Было постановлено предоставить независимость федерации «не позднее чем в 1968 году». В разгар конференции ее инициаторов постиг конфуз: глава делегации федерации, он же председатель совета федерации, султан Ахмед Абдалла объявил, что его государство — султанат Фазли — выходит из федерации. Англичане запретили ему возвращаться в султанат и незамедлительно посадили на престол его брата. Это вызвало новую волну народного возмущения в Южной Аравии.

Освобождение Адена не за горами. Возможно, на английской военной базе уже составляются описи имущества на случай эвакуации. Что ж, у английских империалистов есть опыт — опыт Суэца.

...Родиной трех мировых религий считается земля, омываемая рекой Иордан и Мертвым морем. Строго говоря, это неточно, так как родиной одной из трех религий, о которых идет речь, — ислама — является Аравийский полуостров. Но христианство и иудаизм, безусловно, зародились в Палестине. «Святая земля» — так называют Палестину христиане. С Иерусалимом, Наблусом, Назаретом, Вифлеемом связана история возникновения христианской религии.

Сейчас на карте мира нет Палестины. Есть Израиль и Иордания. Израиль — государство еврейское. Так в свое время называлось еврейское царство в Палестине. Нынешнее возрождение Израиля связано с сионистским движением.

В 1907 году Еврейский национальный фонд (международная общественная организация) начал активные операции в Палестине, и за семь последующих лет стоимость его имущества в Палестине выросла с 11 тыс. до 144 тыс. ф. ст. К началу первой мировой войны в Палестине проживало 90 тыс. евреев, из них половину составляли иммигранты.

Маленький еврейский город в Палестине Тель-Авив, в котором в 1914 году проживало не более 2 тыс. человек, к 1927 году стал насчитывать уже 37 тыс. жителей. Постепенно палестинские арабы, у которых всегда были наилучшие отношения с евреями, стали ощущать угрозу для себя в этой непрерывной, методической еврейской иммиграции, незаметно, но неуклонно приводившей к превращению национального меньшинства в господствующую часть населения страны. Если раньше арабские землевладельцы охотно продавали еврейским организациям свои земельные участки, то к началу 30-х годов положение изменилось. Земли для иммигрантов не стало хватать, и кое-где имели случаи насильственного захвата участков, принадлежавших арабам. Отношения между арабами и евреями стали враждебными, постепенно появились экстремистские, шовинистические организации, намеревавшиеся решить конфликт силой. Стали развиваться ожесточенная пропаганда и контрпропаганда. Мировой экономический кризис 1929 года больно ударил по Палестине, положение трудящихся которой резко ухудшилось, а английские мандатные (с 1922 г. Палестина стала английской подмандатной территорией) власти лишь раздували национальную рознь, будучи заинтересованы в том, чтобы сделать евреев «козлами отпущения» в глазах арабов и перевести арабское освободительное антиимпериалистическое движение в русло антиссионистской борьбы. Неудивительно, что атмосфера в Палестине накалилась до предела, и уже в 1934 году дело дошло до вооруженных столкновений, которые повторились в 1937 году, приняв форму подлинной войны между двумя общинами.

С этого времени взоры всего арабского мира были уже прикованы к Палестине. Для арабских националистов, испытавших горечь неудач в борьбе за освобождение и объединение арабских стран, Палестина стала полем новой битвы — битвы против сионистов, в лице которых арабы видели не просто переселенцев из других стран, а «агентов, присланных империализмом, чтобы отнять у арабов их землю». Был брошен лозунг освобождения Палестины, «второй Андалузии» (по аналогии с испанской реконкистой), и в 1937 году арабские добровольцы из различных стран стали направляться в Пале-

стину, чтобы стать под знамена Фаузи Кавуджи, вождя арабской партизанской армии, воевавшей против сионистов и англичан.

Арабские националисты видели в палестинском кризисе возможность мобилизовать арабов всех стран на борьбу за освобождение и единство, пробудить в них чувство национальной общности, кровного братства. Они сознательно концентрировали усилия арабского национального движения на палестинской проблеме, сделав ее «проблемой № 1». Начиная с середины 30-х годов палестинский вопрос неизменно фигурирует на первом месте в повестках дня всевозможных арабских национальных конгрессов, конференций и митингов.

Нельзя отрицать, что арабское национальное движение и в самом деле поднялось на новый уровень после того, как арабы повсеместно, от Мосула до Хартума, увидели в палестинской трагедии свое общее, касающееся их всех, несчастье. Особой остроты эти чувства достигли, конечно, после войны 1948 года, но уже в 30-х годах они распространились весьма широко. Английские и французские империалисты в то время подогревали антиссионистские настроения арабов, чтобы отвести удар от себя. Они не предполагали, что развивавшийся при их содействии антиссионизм станет цементирующим фактором консолидации арабского национального фронта — фронта борьбы против империализма.

Палестинская война 1948 года была проиграна арабами. Утвердилось новое государство — Израиль.

Сионисты, готовившиеся к войне давно, целеустремленно и энергично, к моменту истечения срока английского мандата (15 мая 1948 г.) уже имели хорошо обученные, обладавшие большой мобильностью и оснащенные в достаточной степени оружием войска. Армия только что провозглашенного государства сразу же вступила в бой и начала наносить удары по арабским войскам, не имевшим единого командования и плана. Война продолжалась с перерывами до января 1949 года (дважды объявлялось перемирие по требованию Совета Безопасности). Большая часть Палестины оказалась под властью сионистов.

Новое государство смогло выжить и удержаться в значительной мере благодаря иностранной, в первую

очередь американской, помощи⁶. Поддержка Израиля — один из незыблемых принципов внешней политики Соединенных Штатов, где влияние сионистских организаций настолько широко, что политические деятели не могут позволить себе занять позицию, которая может быть истолкована как проарабская и антиизраильская. В книге А. Лиллиенталя «Во сколько обходится Израиль?» приводится такой любопытный факт: группа лиц в США решила создать общество для информирования американской публики об арабской точке зрения на палестинский и другие вопросы и стала собирать подписи под соответствующим воззванием. При этом, чтобы избежать упреков в антисемитизме, инициаторы общества тщательно оговорили в воззвании, что общество ни в коем случае не будет антиизраильской организацией. Сначала им удалось собрать некоторое число подписей, но, как только сионисты выступили против них, большинство видных деятелей, включая одного губернатора штата, взяли свои подписи обратно; даже смутного намека на антиизраильскую направленность оказалось достаточно.

История показала, что расчеты сначала английских, а затем американских империалистов, связанные с созданием еврейского национального очага в Палестине, оправдались далеко не полностью. Англичанам удавалось на какое-то время, разжигая арабо-еврейскую рознь, удержать Палестину, но в конечном счете они восстановили против себя обе национальности, и им пришлось уйти из Палестины даже раньше, чем из других арабских стран. Американцы приобрели политический и (в случае необходимости) потенциальный военный плацдарм на Арабском Востоке в лице Израиля, но его ценность не идет ни в какое сравнение с той ценой, которую им пришлось за это заплатить. Как писал тот же Лиллиенталь, перефразируя известную английскую поговорку, «США сложили все свои яйца в одну из самых маленьких корзин» и ориентация на Израиль испортила их отношения с арабским миром.

Проблема палестинских беженцев выдвинулась в первый ряд серьезных международных проблем. Фактически

⁶ Одни только пожертвования от различных еврейских организаций (в основном от американских) составляют от 85 до 115 млн. долл. в год.

именно эта проблема является краеугольным камнем арабо-израильских отношений. Арабские правительства не выдвигают в качестве своей программы изгнание евреев из Палестины, но совершенно непреклонны в требовании возвратить миллион палестинских беженцев на их земли. Это требование непосредственно связано с требованием возвращения Израиля в границы, определенные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. (по этой резолюции Израиль должен был получить 14 тыс. кв. км палестинской земли, а в результате войны оккупировал 21 тыс. кв. км). Именно эту территорию, территорию так называемого «арабского палестинского государства», так и не созданного, арабы требуют для размещения беженцев.

В ходе военных действий в Палестине в 1948—1949 годах арабское население бежало, гонимое страхом перед еврейскими войсками. Паника, охватившая арабов, была вызвана зверствами еврейских экстремистских банд «Штерн» и «Иргун цвай леуми», особенно чудовищным по своей жестокости поголовным истреблением мирного арабского населения деревни Дейр-Ясин.

Опасаясь сионистского террора, сотни тысяч арабских крестьян покидали родные места и переходили в соседние арабские страны, надеясь в будущем вернуться. Они надеялись, что сионистская оккупация — дело временное. Кроме того, какая-то часть арабов (какая именно, установить невозможно) была непосредственно изгнана израильскими властями. Так или иначе, речь идет о сотнях тысяч людей, потерявших родину, землю, имущество. Эти люди, численностью около 1 млн. человек, оказались в лагерях на территории соседних арабских стран. Они не занимаются никаким трудом и живут на скудный рацион от так называемой ЮНРУА (Организации по оказанию помощи и проведению общественных работ). Фонд этой организации состоит из взносов, которые платят США, Англия и некоторые другие государства. На каждого беженца расходуется в год около 10 ф. ст., что обеспечивает людям полуголодное существование. Наибольшее число беженцев — около 500 тыс. — проживает в Иордании. 230 тыс. человек находятся в районе Газы, на территории, управляемой властями ОАР, где они размещены в восьми больших лагерях. По английским данным, затраты ЮНРУА на беженцев в секторе Газы составляют

2 млн. ф. ст. в год (т. е. несколько более 8,5 ф. ст. на человека). Около 100 тыс. беженцев находятся в Ливане и около 90 тыс.—в Сирии.

Один американский корреспондент, посетивший лагерь беженцев в Иордании, описал их следующим образом: «Скученные в тряпичных палатках или в лучшем случае в крошечных каменных домишках с незастекленными окнами, полмиллиона палестинских арабов в одной только Иордании сидят вот уже 16 лет, имея в виду одну единственную цель: вернуться к своим домам, туда, где сейчас Израиль». Далее он приводил следующий рассказ одного беженца: «У меня дом в той части Иерусалима, которая оккупирована Израилем... Мои братья и моя семья построили этот дом, вложили в него все средства, какие у нас были, а затем нас выгнали. Знаете ли вы, что я иногда иду с биноклем на холм, который недалеко отсюда, чтобы взглянуть и сказать: „Слава богу, мой дом еще стоит“». Подобных воспоминаний можно встретить множество в литературе, посвященной палестинским беженцам. Люди не хотят примириться со своей участью и стать жителями Сирии, Иордании или Ливана; они лелеют мечту о возвращении на свою потерянную родину. Юноши, которые и не помнят Палестины, не признают никакой возможности урегулирования арабо-израильского конфликта на каких-либо других условиях, кроме возвращения палестинских арабов на их родину.

На Западе неоднократно возникал вопрос о возможности и желательности расселения палестинских беженцев в тех арабских странах, в которых они сейчас фактически проживают. Правительства этих стран, однако, не обсуждают такие варианты. Их аргумент прост: расселение беженцев будет означать принципиальное отступление от генеральной линии арабской политики в палестинском вопросе, сводящейся к тому, чтобы не признавать законность существования Израиля как государства и неуклонно настаивать на возвращении беженцев. Размещение беженцев в арабских странах, включение их в состав населения этих стран означало бы отказ от главного требования арабской стороны, предполагало бы молчаливое примирение арабов с изгнанием их соотечественников из Палестины.

Пребывание палестинских беженцев на территории арабских стран в той или иной степени повлияло на об-

становку в каждой из этих стран. Эти бездомные, раздавленные несчастьем люди, вынужденные жить за счет международной милостыни и мечтающие о возвращении на родину, одним своим присутствием наэлектризовывают атмосферу в арабских странах. В Иордании, например, беженцы составляют $\frac{1}{3}$ населения страны, причем эта треть служит наиболее беспокойным и «взрывчатым» элементом.

Арабские государства со дня возникновения Израиля проводят политику полного его экономического бойкота. Как уже отмечалось, при Лиге арабских стран создан специальный департамент, ведающий вопросами бойкота Израиля. Бойкот организован весьма широко: вся торговля, все виды экономических связей прерваны. Это существенно отразилось на экономике Израиля, так как Палестина с незапамятных времен была органической частью «страны Шам», то есть географической Сирии, и все ее хозяйство теснейшим образом было связано с экономикой Сирии и Ливана (в меньшей степени Трансиордании и Ирака). Потеряв свои естественные арабские рынки, страна ориентируется исключительно на экономические связи с далекими заморскими странами, главным образом с Европой. Израиль создал ряд новых отраслей промышленности, и уже к 1955 году лица, занятые в сельском хозяйстве, составляли в Израиле 18% всех работающих, а в промышленности — 32% (в то время как в среднем по Азии соответствующие цифры составляют 73 и 10%). Развитие индустрии было необходимо для всемерного увеличения экспорта, с тем чтобы покрыть огромные расходы на импорт, поскольку Палестина всегда зависела от ввоза как продовольствия, так и большинства других видов товаров. Однако израильские товары ввиду их более высокой себестоимости (не говоря уже о накладных расходах) лишь с колоссальным трудом могли конкурировать с европейскими изделиями. Проблема форсирования экспорта до сих пор остается главной экономической проблемой Израиля, и естественно, что государство, целиком зависящее от внешней торговли, особенно уязвимо в смысле экономического бойкота.

Израильская пропаганда и многие органы западной буржуазной печати без конца трубят об арабском бойкоте, о «блокаде, созданной вокруг Израиля». То об-

стоятельство, что в арабских странах существуют «черные списки» иностранных компаний, имеющих деловые отношения с Израилем, что иностранные суда, перевозящие грузы для Израиля, лишаются права заходить в какой-либо арабский порт, преподносятся как доказательство намерения арабов «удушить сионистское государство». При этом, однако, замалчивается тот факт, что в Израиле существуют воинствующие экспансионистские группы, призывающие к созданию большого сионистского государства «от моря до моря», а такое государство сионистские фанатики, мечтающие о том, чтобы собрать в нем все еврейское население мира, рассчитывают создать за счет захвата территории соседних арабских стран. Все это не может не волновать и не настораживать арабов, которые используют экономическое воздействие как один из доступных им методов борьбы против экспансии правящих кругов Израиля.

Агрессивная, провокационная политика правящих кругов Израиля только разжигает пламя конфликта. Бывший член группы наблюдателей ООН в Палестине, отставной американский офицер Хатчинсон утверждал, что начиная с 1949 года на каждого израильтянина, убитого в пограничных инцидентах, приходилось восемь арабов. Кульминационным пунктом агрессивной политики сионистской верхушки явилось злодейское нападение Израиля на Египет в 1956 году, совершенное совместно с Англией и Францией.

За последнее время арабо-израильский конфликт вновь обострился в связи с проблемой использования вод реки Иордан. Но прежде чем сказать об этой проблеме, остановимся коротко на положении соседней с Израилем страны — Иордании. Крупнейший город Иордании — Иерусалим принадлежит ей лишь частично. Другая часть Иерусалима входит в состав Израиля, и граница проходит прямо в центре города.

Предыстория иорданского государства связана с первой мировой войной, когда в изобретательном уме Черчилля зародился проект новой колониальной комбинации, главная роль в которой отводилась «потомкам пророка Мухаммеда».

В то время на содержании у англичан находилась семья Хашимитов, одна из наиболее знатных аристократических фамилий Аравии. По преданию, Хашимиты вели

свое происхождение непосредственно от пророка и носили поэтому титул «шерифов». Старик Хусейн, прадед нынешнего Хусейна, был 37-м шерифом Мекки и Медины, «хранителем святых городов». Мечтая стать во главе халифата, он, договорившись со знаменитым английским разведчиком Лоуренсом, в 1916 году поднял антитурецкое восстание племен Аравийского полуострова.

Так зародился союз между циничными прожектерами из Уайтхолла и отпрысками древнего аравийского рода. Но Хусейну не суждено было стать халифом. Ибн-Сауд, представитель другой древней династии — Саудитов, огнем и мечом создававший на Аравийском полуострове свое собственное королевство, изгнал в 1925 году Хусейна из Хиджаза.

Не сразу получили престолы и его сыновья. Фейсал недолго удержался на троне в Сирии, захваченной французами. Тогда был выдвинут новый проект, разработанный лично Черчиллем. Король Фейсал, потерявший трон в Дамаске, был посажен на престол в новоиспеченном иракском королевстве. Надо было найти место и для его брата Абдаллаха, другого сына Хусейна. С этой целью из территории Палестины, на которую Англия получила мандат от Лиги наций, был выкроен кусок пустыни на восточном берегу реки Иордан. Захолустный городок Амман, где раньше стоял провинциальный турецкий гарнизон, превратился в столицу нового княжества, получившего название Трансиордания. Ни естественных границ, ни исторических традиций, ни экономической базы для самостоятельного существования — ничего не было у этого на $\frac{3}{5}$ состоявшего из пустынь государства, образованного в лондонском колоннальном ведомстве при помощи карандаша и линейки. Но на этом выиграл эмир Абдаллах: для него нашли трон.

Эмир верой и правдой служил Черчиллю. Трансиордания превратилась в прочный английский военный плацдарм на перекрестке дорог между арабскими странами. Помимо непосредственно британских войск, размещавшихся в Трансиордании, в стране был создан так называемый «арабский легион» — местная армия, существовавшая за счет английских субсидий, вооруженная и обученная английскими офицерами. Создал легион англичанин Пик, и достойным преемником Пик-паши стал Глабб-паша — такой же чистокровный англичанин. Ве-

ликлопенно владевший арабским языком, одетый, как бедуин, он четверть века осуществлял британскую политику на Арабском Востоке.

Вассальное хашимитское государство на протяжении всего своего существования являлось центром английских интриг и заговоров, очагом борьбы против арабского освободительного движения.

В палестинской войне основной ударной силой арабских государств в боях против Израиля был «арабский легион». Однако в решающий момент он по приказу Абдаллаха прекратил наступление и дал израильтянам возможность нанести серьезный удар по египетской армии. Для Абдаллаха главная задача состояла в том, чтобы, не допустив усиления Египта, присоединить к своему эмирату возможно большую часть Палестины. Война закончилась для арабов неудачно, но княжество Абдаллаха значительно округлилось за счет палестинских территорий и превратилось в королевство Иорданию. Распространился слух, что Абдаллах уже давно ведет двойную игру, его стали обвинять в тайномговоре с Израилем. 20 июля 1951 г., когда Абдаллах входил в мечеть в Иерусалиме, пули, выпущенные палестинским беженцем, пробили ему голову. Одна из пуль сбила орден с груди его 16-летнего внука Хусейна, нынешнего короля.

Так оборвались карьера и жизнь Абдаллаха. На престол вступил его сын Талал, к которому англичане питали политическое недоверие. Как отмечал видный индийский ученый Банерджи в недавно вышедшей книге «Ближний Восток в мировой политике», «демократические и панарабистские настроения Талала не могли сделать его «персона грата» в глазах английских и дворцовых кругов». История дала немало свидетельств того, что арабские короли, которые не угодны Лондону, недолго удерживаются на троне. Талала объявили психически ненормальным и низложили.

Весной 1953 года на престол был возведен нынешний король Хусейн, сын Талала, внук Абдаллаха, правнук Хусейна. Одновременно в Багдаде начал царствовать его троюродный брат и ровесник Фейсал II. Будущие короли вместе обучались в Англии в университете Харроу. Хусейн окончил английскую военную академию в Сэндхорсте и даже научился управлять реактивным самолетом.

Воцарившись в Аммане, юный король проводил время в забавах, а затем женился на англичанке — вопиющий проступок для «потомка пророка».

Что представляет собой сегодняшняя Иордания? Этот «кусочек пустыни посреди других пустынь» является, по мнению специалистов, нежизнеспособным в экономическом отношении государственным образованием, о котором газета «Коммерс дю Леван» не так давно с полным основанием писала, что оно «существовало и продолжает существовать лишь благодаря иностранной помощи». Это — государство, ежегодно получающее от Соединенных Штатов до 40 млн. долл., государство, $\frac{2}{3}$ бюджетных доходов которого составляют иностранные субсидии, государство, экономика которого полностью контролируется иностранными компаниями, эксплуатирующими природные ресурсы Иордании и наводняющими своими товарами ее рынки, в то время как местная промышленность находится в зачаточном состоянии.

До последнего времени иорданское правительство проводило отчетливо выраженную прозападную политику, подвергая преследованию патриотически настроенные элементы.

В начале своего правления, чтобы завоевать популярность, Хусейн позволил себе несколько «радикальных» жестов. Он, в частности, уволил генерала Глабба, поняв, что эпоха английской гегемонии на Ближнем Востоке ушла в прошлое.

Однако в то же время Хусейн воспротивился требованиям прогрессивных сил, выступавших за демократизацию режима, и в апреле 1957 года сверг правительство, отстаивавшее национальные интересы. Когда начальник штаба попробовал возразить королю, установившему свою непосредственную диктатуру, Хусейн закричал: «Я король! Захочу — вступлю в Багдадский пакт, захочу — приглашу американцев! Это моя страна!».

Иордания состоит из двух неравных частей. В восточной части страны живут 400 тыс. человек, в основном кочевники-бедуины. Эти неграмотные люди, находящиеся под влиянием преданных королю полновластных вождей племени — шейхов, являются главной опорой трона наряду с воспитанными Глаббом наемниками из «арабского легиона». Население западной, палестинской части королевства насчитывает свыше 1200 тыс. человек, по

своему культурному уровню намного превосходящих бедуинов. И хотя этих «палестинцев» втрое больше, чем жителей старой, восточной части государства, избирательные округа нарезаны таким образом, что они могут получить в парламенте максимум половину мест. Впрочем, со времени реакционного переворота 1957 года и вплоть до конца прошлого года никаких выборов вообще не проводилось.

К 1964 году появились признаки того, что король Хусейн склоняется к проведению более независимой, чем раньше, политики. В частности, правящие круги Иордании проявили инициативу в улучшении отношений с Советским Союзом.

Но вернемся к проблеме вод реки Иордан. Эта река протекает по территории Иордании, Израиля и Ливана. Израильское правительство давно разрабатывало проект отвода части вод Иордана в пустынные районы Израиля для орошения бесплодных земель. К концу 1963 года было объявлено, что в ближайшее время начнутся гидротехнические работы. Это серьезно встревожило арабов.

В январе 1964 года состоялось первое в истории арабского мира совещание глав всех 13 арабских государств. Президенты и короли Объединенной Арабской Республики, Сирии, Ливана, Ирака, Иордании, Саудовской Аравии, Кувейта, Йемена, Судана, Ливии, Туниса, Алжира и Марокко собрались в Каире по инициативе президента Насера, с тем чтобы обсудить и согласовать ответные меры арабских стран в случае, если Израиль осуществит свое намерение отвести в пустыню Негев воды реки Иордан.

До сих пор не было случая, чтобы какой-либо другой фактор, кроме угрозы со стороны Израиля, мог бы заставить собраться вместе руководителей арабских стран, многие из которых находятся в состоянии открытого и острого конфликта друг с другом. Каирское совещание еще раз подтвердило ту непреложную истину, что все внутренние разногласия арабского мира отступают на второй план, когда речь идет о необходимости противостоять враждебным акциям Израиля — страны, которую арабы независимо от их политических взглядов единодушно считают большой и непосредственной угрозой, плацдармом империализма на Ближнем Востоке.

Пока не решена проблема палестинских беженцев, арабские страны отказываются вступать в какие-либо

переговоры с Израилем по любому вопросу. В этом плане следует рассматривать и реакцию арабских государств на израильский план отвода вод реки Иордан. Для арабского общественного мнения разрешить Израилю орошать его территорию водой, почерпнутой из арабской реки, означало бы отказаться от своих принципиальных требований, смириться с отторжением своей территории, предать интересы палестинских арабов. Арабы считают, что без общего урегулирования, включающего в себя решение проблемы палестинских беженцев, не может быть никакого урегулирования частных вопросов.

Все эти обстоятельства побудили руководителей арабских государств собраться, чтобы выработать план контрмер, так как в Израиле объявлено, что начнутся работы по отводу части вод Иордана. Что именно было решено в Каире, остается секретом, но, судя по сообщениям арабской печати, выработанный в Каире план не предусматривает военных акций для того, чтобы заставить Израиль отказаться от своего проекта. Но в Каире объявлено о решении совещания создать объединенное командование вооруженными силами арабских государств. Эту меру иностранные обозреватели считают оборонительной и связывают ее со следующими обстоятельствами: один из наиболее эффективных вариантов арабского ответа на израильскую акцию — это предпринять работы для того, чтобы изменить течение реки Иордан и лишить израильтян возможности пользоваться ее водами. Но это было бы исключительно дорогостоящим мероприятием. По некоторым сообщениям, в Каире была предпринята попытка повлиять на нефтедобывающие страны арабского мира, с тем чтобы они финансировали этот проект из своих нефтяных поступлений. Считается возможным, что правительства Сирии и Ливана предпримут некоторые шаги, направленные на то, чтобы затруднить Израилю пользование водными источниками, расположенными на территории этих государств. Опасаются, однако, что это может вызвать вооруженное нападение Израиля на эти страны, а опыт показал, что Сирия и Ливан без помощи других арабских стран не могут успешно противостоять израильской армии. Создание объединенного командования рассчитано на то, чтобы встретить любую военную акцию Израиля единым фронтом.

Сообщается, что в Каире разработан план широких

экономических санкций международного характера против Израиля, если проект с Иорданом будет осуществлен. И все же, по мнению иностранной печати, израильское правительство не откажется от своего намерения. В связи с этим можно ожидать нового обострения обстановки на Ближнем Востоке.

Но значение каирского совещания не исчерпывается согласованием мер против Израиля. Впервые арабские руководители получили возможность лично встретиться в полном составе и попробовать договориться о прекращении или хотя бы смягчении конфликтов, раздражающих арабский мир, из которых наиболее серьезными были конфликты между ОАР и правыми баасистами в Сирии, ОАР и Иорданией, между Алжиром и Марокко, между республиканским Йеменом и королевствами Саудовской Аравией и Иорданией, которые до недавнего времени открыто помогали свергнутому имаму Бадру вести в горах войну против революционной армии.

Некоторые из этих конфликтов были полностью или частично урегулированы в результате каирского совещания. Президент Насер проявил огромную энергию, организуя встречи враждующих лидеров арабских стран и лично выступая в роли посредника. Сообщается, что марокканский король и президент Алжира добились уменьшения своих расхождений, а после бесед президента Йемена ас-Саляля с королями Саудом и Хусейном стала вырисовываться перспектива прекращения войны в Йемене.

Впервые с 1957 года президент Насер встретился с иорданским королем Хусейном, и была достигнута договоренность о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами. Сделаны шаги к нормализации отношений между ОАР и Саудовской Аравией. Таким образом, личные контакты арабских руководителей оказались весьма полезными. Разумеется, было бы наивно считать, что каирское совещание положит конец разногласиям между арабскими странами. Важно другое — решать эти разногласия мирным путем, не прибегая к силе. «Дух Каира» — это установление добрососедских отношений, создание атмосферы взаимопонимания, способствующей мирному урегулированию конфликтов. Если этот дух укрепится, каирское совещание войдет важной вехой в историю арабского мира.

4. СУДАН — ЮГ АРАБСКОГО МИРА

Что такое Судан? Огромная страна в сердце Африки, раскинувшаяся на площади, равной четверти Европы. Страна с исключительным разнообразием природных условий — песчаные моря Нубийской пустыни на севере, саванны с акациями и исполинскими баобабами в центре, тропические леса на юге, у границ Конго. Страна необитаемых безводных пустынь и плодороднейших пастбищ. Страна пыльных песчаных буранов и тропических ливней. Гигантская равнина, в центре которой сливаются свои воды мчащиеся с Абиссинских гор, от озер и болот великие реки — Конго, Белый и Голубой Нил.

Обилие полезных ископаемых, пока еще мало исследованных: железная руда, медь, уголь, золото, нефть, асбест, графит, сера, хромовая, цинковая, молибденовая и свинцовая руды, гипс, соль, слюда... Разнообразна природа страны, неодинаковы и люди, населяющие ее. Само название «Судан» уже говорит об этом: корень слова — арабский, а значение его («биляд ас-судан» — страна черных) указывает на то, что первоначально эту землю населяли люди черной расы. Сложным путем шло формирование этого народа, насчитывающего сейчас более 12 млн. человек. К древнему хамитскому населению северной части страны примешивались, наслаиваясь на него, арабские племена, шедшие по Нилу. Отсюда — темный цвет кожи суданцев, которых сразу же можно отличить от всех других арабов.

Прежде чем покорить Судан, английским колонизаторам пришлось подавить одно из самых мощных восста-

ний, когда-либо имевших место в Африке. Это было движение махдистов во главе с Мухаммедом Ахмедом, которого повстанцы-мусульмане считали «махди» — посланником Аллаха. Английские захватчики, уже обосновавшиеся было в Судане после завоевания Египта в 1882 году, были изгнаны из страны, и генерал-губернатор Гордон пал, пронзенный пиками повстанцев. Лишь спустя двенадцать лет английская армия под командованием генерала Китченера вновь появилась в Судане. Сорокатысячное войско махдистов, вооруженное в значительной части копьями, погибло 2 сентября 1898 г. под Омдурманом. Именно здесь впервые в истории были пущены в ход пулеметы, тысячами косившие суданских воинов. Над Хартумом взвился британский флаг. Труп «махди» англичане вырыли из земли и отрубили ему голову.

По конвенции 1899 года над Суданом был установлен «кондоминиум», то есть совместное владение Англии и Египта. Фактически же страна была английской колонией. Полвека колонизаторы жили в Судане в атмосфере ненависти, всегда ощущая враждебность населения и опасаясь восстания. Они построили на месте разрушенного Хартума новый город, распланировав его в форме британского флага, чтобы пулеметы могли легко простреливать его длинные улицы. Но до этого не дошло: в нашу эпоху Судан смог добиться независимости без вооруженного восстания. Длительная антиимпериалистическая борьба суданского народа принесла плоды: 1 января 1956 г. страна стала независимой.

«Судан энергичен и жизнеспособен, как новорожденный, — писал американский автор Гантер в книге «Внутри Африки». — В Судане звучит тон, которого мы не слышали ни в одной другой стране Африки, — воодушевление, уверенность в себе и непосредственность. Он преисполнен стремления вырваться вперед; он кипит и искрится жизнерадостностью».

Но первые шаги молодого государства оказались не очень уверенными. Старые буржуазные политические партии, выдвинувшиеся в период борьбы за независимость, погрязли в бесплодной междоусобице, не смогли добиться успешного решения насущных проблем страны. 17 ноября 1958 г. группа высших офицеров суданской армии во главе с генералом Ибрахимом Аббудом совершила переворот и свергла правительство, обвинив его в

неэффективности и коррупции. Был распущен парламент, отменена конституция, запрещены все политические партии. В Судане воцарился режим военной диктатуры.

Если в таких странах, как Египет или Бирма, военные, взяв в свои руки власть, приступили к энергичным преобразованиям в интересах нации и стали ломать прежнюю колониально-феодалную структуру общества, то в Судане этого не произошло. Суданская военная хунта, консервативная по своему образу мыслей, не обладала смелостью и воображением, необходимыми для строительства нового общества, боялась опереться на народные массы, предпочитала ориентироваться на привилегированную верхушку населения, склонную к компромиссу с империалистами. Внешняя политика военного правительства была непоследовательной: с одной стороны, были установлены дружественные отношения с Советским Союзом, была принята советская экономическая помощь; с другой стороны, военный режим отказал в поддержке правительству Лумумбы в тяжелый для конголезского народа час. Суданские патриоты обвиняли правительство в попытках сближения с империалистическими монополиями. Шаги, предпринимавшиеся в области экономического развития, были недостаточно эффективными. Росли налоги, увеличивалась безработица. Народ роптал. Ожидания не оправдались. Постепенно разочарование генеральским правительством охватывало все более широкие круги. Лозунгом формировавшейся оппозиции, в первых рядах которой шли коммунисты, было требование отмены чрезвычайного положения и восстановления гражданских свобод.

Но этого больше всего опасались военные лидеры, уже чувствовавшие катастрофическое падение своей популярности и понимавшие, что восстановление демократических порядков будет означать конец их правления. Они избрали другой путь — террор и репрессии. Тюрмы стали заполняться прогрессивно мыслящими людьми, начались расправы над коммунистами.

Тогда на сцену выступил рабочий класс Судана, издавна славившийся своими боевыми традициями. Еще Гантер писал, что самое мощное профсоюзное движение в Африке существует в Судане и Тунисе. Первый конгресс суданских профсоюзов был созван в 1949 году, в

следующем году была образована Федерация профсоюзов Судана, вскоре охватившая уже 180 тыс. человек. Один только профсоюз железнодорожников к концу 40-х годов объединял около 30 тыс. рабочих. Правительство Аббуда в марте 1960 года запретило деятельность Федерации профсоюзов, ввело запрет на стачки и демонстрации, но пролетариат не дал себя запугать. В 1961 году вся страна была охвачена волной забастовок.

Резко обострилась проблема юга, одна из центральных проблем молодого государства. В трех южных провинциях живут негроидные племена, составляющие почти $\frac{1}{3}$ населения страны. В отличие от арабского и мусульманского севера жители юга говорят на местных языках и исповедуют язычество либо христианство. На юге издавна существовало сепаратистское движение, усиленно подогревавшееся британскими империалистами. Но для его существования были и объективные причины: крайняя отсталость юга, дикая нищета, поголовная неграмотность. Жителей юга третировали, подвергали дискриминации при поступлении на учебу и на работу. Постепенно там возникла организованная оппозиция. Иногда пассивное сопротивление центральным властям принимало оригинальные формы: люди отращивали борода и носили часы на правой руке в знак антипатии к правительству в Хартуме. В последнее время среди племен динков стала действовать вооруженная организация «Анья-нья», поставившая своей целью отделение юга. Дело дошло до настоящих военных операций с участием крупных регулярных частей суданской армии. Более 50 тыс. жителей юга, спасаясь от репрессий, бежали за границу.

Именно проблема юга в конечном счете и вызвала взрыв. Когда студенты университета собрались, чтобы обсудить политику правительства на юге, им было приказано замолчать и разойтись. Они не подчинились. Власти пустили в ход силу; один студент был убит, и тогда начались демонстрации, переросшие в мощное всенародное возмущение. Судан был охвачен всеобщей забастовкой, остановился транспорт, замолчало радио. После нескольких дней бесплодной борьбы генерал Аббуд капитулировал. Военное правительство пало. К власти пришли гражданские лица, новый кабинет возглавил Хатем аль-Халифа, представитель Объединенного националь-

ного фронта — созданной в подполье организации, которая руководила антиправительственным движением.

Новое правительство отстранило генерала Аббуда от обязанностей главы государства. Однако проведенные весной 1965 года выборы в парламент были организованы таким образом, что дали большинство правым партиям. Новое правительство оказалось под контролем консервативной партии «Аль-Умма». Проблема юга еще больше обострилась, вспыхнули мятежи.

Развитие суданской революции не пошло гладким путем. В острой политической борьбе закаляются и увеличивают свое влияние среди масс прогрессивные силы, способные обеспечить развертывание национально-демократической революции.

5. «ДАЛЬНИЙ ЗАПАД» АРАБСКОГО МИРА

Магриб — этим словом называют Арабский Запад. Обычно к Магрибу относят три страны Северной Африки — Алжир, Тунис и Марокко. Ливия, лежащая между Египтом и Тунисом, остается где-то вне рамок как Арабского Востока, так и Арабского Запада (как и Судан). Для арабов наименование «Магриб аль-акса» — «Дальний Запад» — относится лишь к Марокко, и так было всегда, со времен Омейядов, когда Амр, правитель Египта, ровно 1300 лет назад двинул мусульманские легионы на завоевание Северной Африки, которая по арабской классификации делилась на две части: Ифрикия, то есть Африка, куда входили Тунис и Алжир, и Магриб, то есть нынешнее Марокко. Эти земли, где обитали берберы, подверглись исламизации и частично арабизации. Арабский полководец Муса покорил все североафриканские земли вплоть до Атлантического океана, а его помощник, бербер Тарик, перешел пролив, укрепился на горе, которая и поныне носит его имя — Гибралтар, то есть Джебель ат-Тарик, и вторгся в Испанию, разбив вестготов. Вскоре в руках арабов оказалась не только вся Испания, но и Южная Франция, включая Бордо и Лион.

Впоследствии западная часть великого халифата откололась и образовала самостоятельную империю. Тонкая прослойка «арабских арабов»-завоевателей растворилась среди местного населения, и возникла своеобразная мусульманская арабо-берберская, или мавританская, цивилизация. Отделение Северной Африки произошло

под знаменем секты хариджитов, фанатиков ислама, обвинявших омейядскую верхушку в перерождении и разложении.

Образ жизни омейядской верхушки шокировал верующих и способствовал распространению влияния хариджитов, борцов за «чистоту веры». Подлинной пружиной хариджитского движения было недовольство простого народа усиливающейся эксплуатацией, и это недовольство могло найти свое выражение только в форме религиозного «пуританского» движения.

Именно в Северной Африке, где вдобавок огромную роль играло и недовольство берберских масс засильем арабских пришельцев, хариджиты добились наибольшего успеха. Одна из группировок хариджитов — ибадиты — создала в Алжире во второй половине VIII века свое государство, основав династию Рустемидов. Однако ибадитам не удалось продержаться и сотню лет: династию Рустемидов сменили Аглабиды, а затем Фатимиды. Арабо-берберская империя в Северной Африке распалась на отдельные части, наступила длительная полоса феодальных распрей и бесконечных междоусобиц. А в XVI веке настала темная эпоха турецкого владычества. Правда, африканские правители пользовались относительной автономией: так, в Алжире создалось своеобразное пиратское государство, господствующим классом в котором стали корсары, фактически не зависящие от Стамбула. Алжирский паша, ставленник корсаров, носил титул дея. Янычары в кровавой борьбе победили корсаров, но и тем и другим пришел конец, когда на сцену выступил новый завоеватель — европейский капитализм.

В июле 1830 года французский десант высадился в Сиди-Феррух, и через несколько дней пала столица Алжира. Колониальная ночь спустилась на Алжир, так же как впоследствии на Тунис (1881 г.) и Марокко (1911 г.). Героизм борцов за свободу, руководимых эмиром Абд эль-Кадером, не смог предотвратить закабаления Алжира. Война продолжалась долго. Только в 1837 году захватчики ворвались в Константину, где население обороняло каждый дом, каждый камень. И лишь в 1847 году французы овладели всей страной, хотя восстания продолжались и в дальнейшем.

Нищета, неграмотность, полуголодное существование в зловонных трущобах — «бидонвиллях», полное беспра-

вне — такую жизнь создали колонизаторы жителям стран Магриба. Все лучшие земли, особенно в Алжире и Тунисе, были отобраны европейцами. В Алжире в последний период французского владычества средний размер поместья европейца составлял 108 га, а участка, принадлежащего алжирцу, — 14 га. Не довольствуясь систематическим безжалостным ограблением народных масс, колонизаторы заставляли их воевать и умирать за свои интересы. Во время первой мировой войны 200 тыс. алжирцев сражались на стороне своих угнетателей, из них 62 тыс. погибли.

Борьба за свободу не прекращалась никогда: то затухая, то вновь разгораясь, она велась и в горах Кабилии, и на улицах тунисских городов, и в пустынях Марокко. В золотую книгу славы и доблести арабской нации навечно занесено бессмертное восстание рифов в Марокко после первой мировой войны во главе с национальным героем Абд эль-Кримом. Сплотив 12 племен, Абд эль-Крим провозгласил независимую Рифскую республику, успешно воевал против двух колониальных держав — Франции и Испании. Лишь после 7 лет борьбы 100-тысячная франко-испанская армия разбила Абд эль-Крима. Герой был сослан французами на остров Реюньон; он умер недавно в Каире.

Мощное освободительное движение развернулось во всех трех странах Магриба после второй мировой войны. В мае 1945 года, когда люди во всем мире ликовали, радуясь победе над германским фашизмом, в Алжире французские колонизаторы устроили кровавую бойню: по подсчетам алжирцев, было убито 45 тыс. человек. Но никакой террор уже не мог остановить лавину. Национально-освободительная борьба нарастала с каждым годом. В Тунисе националистическую партию «Нео-Дустур» (т. е. «Новая партия конституции») возглавил Хабиб Бургиба, человек неистощимой энергии, обладающий к тому же исключительными ораторскими данными. Бургиба стал лидером тунисских патриотов. Французские тюрьмы не могли сломить его волю к борьбе. Когда в январе 1952 года Бургиба и другие лидеры «Нео-Дустур» были арестованы, начался этап вооруженной борьбы. Колонизаторы сформировали террористические банды, для деятельности которых были характерны такие методы: мимо открытого кафе проносится автомобиль, находящиеся

в нем люди на ходу ведут огонь из автоматов по тунисцам, сидящим за столиками. Цель — запугать, терроризировать коренное население, вынудить его отказаться от борьбы за свободу.

Но тунисские предшественники террористов-оасовцев не достигли этой цели. Началась партизанская война. В 1954 году отряды повстанцев слились в освободительную армию. К этому же времени накалилась атмосфера и в Марокко. Там националистические силы сплотились вокруг трона благодаря влиянию султана Мухаммеда Бен Юсефа, умного и независимого лидера, твердо решившего избавить свою страну от иностранного господства. Султана поддержала крупнейшая политическая организация страны — буржуазно-националистическая партия «Истикляль» («Независимость»). В августе 1953 года французы низложили султана и выслали его из страны, но этим они добились лишь того, что он стал в глазах народа мучеником, символом борьбы за свободу. На территории Марокко также действовали партизанские отряды.

Учтя все это и предвидя неизбежность наиболее острой борьбы в Алжире, французские колонизаторы решили, что они не могут себе позволить вести войну во всех трех странах. Было решено сосредоточить все усилия на сохранении Алжира, наиболее важного для французского капитала в экономическом отношении и обладавшего большим контингентом европейского населения (около 1 млн. человек).

31 июля 1954 г. премьер-министр Франции Мендес-Франс объявил о предоставлении Тунису полной внутренней автономии. Был освобожден Бургиба. Наступила очередь Марокко, где вспыхнуло всеобщее восстание и 60-тысячные французские силы были втянуты в операции против марокканской армии освобождения. И здесь колонизаторы были вынуждены отступить. В ноябре 1955 года султан был возвращен из ссылки, военные действия были прекращены. В марте 1956 года Франция подписала с Тунисом и Марокко соглашения об отмене протектората и признании суверенитета обеих территорий. Свобода пришла на землю Магриба. Но из всех трех стран самой многострадальной оказался Алжир. Ему суждено было испытать полную чашу горя, испытать все ужасы самой

кошмарной и бесчеловечной из всех колониальных войн, когда-либо до этого бушевавших на земле.

Алжирское национально-освободительное движение к началу 50-х годов раскололось. От старой националистической партии «Торжество демократических свобод», оказавшейся недостаточно эффективным орудием борьбы против колонизаторов, откололась группа революционной молодежи, решившей готовиться к вооруженной борьбе. После упорной и длительной работы тщательно конспирированной организации все было готово к восстанию. 10 октября 1954 г. были созданы подпольный Фронт национального освобождения, политическая организация патриотов и Армия национального освобождения.

В полночь 1 ноября 1954 г. в горах Аурес загремели выстрелы. Это началась великая освободительная война алжирского народа, которой суждено было продолжаться почти семь лет. Полтора миллиона алжирцев погибли в пламени этой войны, прежде чем была добыта, вырвана в смертельной борьбе долгожданная свобода.

Этому историческому событию предшествовали годы битв, мучений, жертв. Сотни спаленных дотла деревень, десятки алжирских Лидице и Орадуров, памятников зверской расправы, поголовного истребления мирных жителей. Целые районы Кабилии, разоренные войной, брошенные жителями. «Линия Мориса», не имеющая прецедента в истории, сплошная линия из проволоки с пропущенным через нее электрическим током — вдоль алжирско-тунисской границы. Гестаповская изошренность палачей из полиции и парашютистов, пытки током, пытки водой — все, что так ярко описал Анри Аллег! Леденящие кровь рассказы уцелевших беженцев об изуверстве и садизме гитлеровцев из иностранного легиона. Наконец, на последнем этапе войны — разнузданный террор ОАС, сплошное истребление всех алжирцев прямо на улицах Алжира и Орана, ежедневные передачи радио: «За вчерашние сутки в результате стрельбы в алжирских городах убито 42 человека... 56 человек... 70 человек...» И за всем этим — алжирский народ, стиснувший зубы, решивший либо добиться свободы, либо умереть.

Нет, Франция не могла выиграть эту войну. Лидер ультраколонизаторов Сустьель горько жалуется в своих мемуарах, что де Голль предал и перехитрил и его и всех

французских «колонов», что, придя к власти благодаря путчу профашистских генералов, сторонников «войны до победы», де Голль затем переменял фронт и капитулировал перед алжирскими «мятежниками». Но дело в том, что уже к моменту прихода де Голля к власти перспектив военной победы в Алжире не было. Де Голль понял, что надо кончать войну, которую невозможно выиграть.

Итак, в марте 1962 года заключены Эвнанские соглашения. Путем референдума алжирский народ выбрал независимость, и 5 июля 1962 г. Алжир стал суверенным государством.

* *
*

Итак, «Дальний Запад» арабского мира тоже освободился от империалистического господства. Начался новый этап в жизни стран Магриба — этап перестройки отсталой, колониальной структуры экономики, становления независимых государств, выбора пути дальнейшего развития. Кончилась эпоха колониального гнета, отошли в прошлое прежние проблемы и во весь рост встали новые. Многие трудности возникают и еще неизбежно будут возникать на этом этапе, на передний план выступает внутренняя классовая борьба, борьба между различными социальными силами, каждая из которых стремится по-своему построить новое общество. Бурная история Алжира последних лет, растущая политическая нестабильность в Марокко, поиски новых решений в Тунисе — все это отражает неизбежные трудности и сложности становления нового общества в условиях, когда наследие колониализма еще далеко не преодолено ни в экономике, ни в социальной структуре, ни в сознании людей.

И тем не менее, несмотря на все трудности, препятствия, ошибки, неудачи, исторический процесс освобождения арабского мира от колониального ига завершается. От Басры до Касабланки развеваются флаги независимых арабских государств. Последние плацдармы колониального господства обречены на исчезновение. Арабы перестали быть подданными чужих империй или «гражданами» полуколониальных, вассальных государств. Они перестали быть «туземцами», которых презритель-

но третировали колонизаторы. Сегодня политика Египта, Сирии или Туниса вершится не в Лондоне и Париже, а в Каире, Дамаске и Тунисе. Когда несколько месяцев назад правительство ФРГ попыталось оказать на арабские страны давление во время конфликта, вспыхнувшего из-за предоставления Израилю западногерманского оружия, правительства арабских государств с достоинством отвергли шантаж Бонна. Каирская печать справедливо писала по этому поводу, что времена диктата прошли, и сейчас уже арабские страны могут ставить свои условия империалистическим державам. А когда Соединенные Штаты пытались по старой памяти «припугнуть» египтян прекращением поставок продовольствия «в наказание» за независимую внешнюю политику ОАР, президент Насер сказал: «Если американцы считают, что, оказывая нам какую-то помощь, они могут определять нашу политику, то я им прямо говорю: «Извините, нет»... Мы не можем терпеть ни нажима, ни глупых разговоров, ни оскорбительного высокомерия. Мы гордый народ, исполненный чувства собственного достоинства, и мы не намерены продать это достоинство даже за миллиард фунтов...».

Таким языком в прежние времена с империалистами не разговаривали, и они к нему не привыкли. Однако им приходится привыкать к тому, что отныне, если они зарываются, им указывают их место. Изменить это положение уже не в их силах, никто больше не позволит им стучать кулаком и навязывать свою волю. Арабский мир перестал быть сферой влияния тех или иных империалистических держав. Он сам становится активным участником и творцом мировой политики. Как и предсказывал в свое время В. И. Ленин, «за периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира».

Освобождение, пробуждение, национальное возрождение — такова суть того исторического процесса, который разворачивается в арабском мире. После долгих столетий бесправия, угнетения и деградации арабские страны вернулись на историческую арену. Возрождение арабского мира на новой, независимой основе стало одним из примечательных явлений в ряду тех великих перемен, которые характерны для нашей эпохи, бурной эпохи

борьбы народов во главе с силами мирового социализма, против всех видов несправедливости и угнетения, насилия и эксплуатации. На календаре истории XX век будет отмечен также и как век решающего перелома в судьбе арабских народов.

СОДЕРЖАНИЕ

1. От Басры до Касабланки: единство и разобщенность арабского мира	3
2. Объединенная Арабская Республика: от национального освобождения к глубоким социальным сдвигам	28
3. К востоку от Суэца	62
Трагедия иракской революции	63
«Баас» рвется к господству	74
«Курдистан или смерть!»	89
Нефть, кровь и песок	94
4. Судан — юг арабского мира	123
5. «Дальний Запад» арабского мира	128

Георгий Ильич Мирский

АРАБСКИЕ НАРОДЫ ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

Редактор *Г. М. Крылова*. Художественный редактор *Л. М. Воронцова*.
Технический редактор *Е. А. Ерхова*. Корректор *И. П. Красовитова*

А03034. Сдано в набор 24/XI 1964 г. Подписано в печать 17/IV 1965 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4,25. Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 3900 экз. Св. т. п. общ. пол. л-ры 1965 г., № 1774. Зак. 695.
Цена 45 коп.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Ярославский полиграфкомбинат «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

45 к.

